

Джеффри Бурдс

ХОЛОКОСТ В РОВНО: РЕЗНЯ В ЛЕСУ СОСЕНКИ НОЯБРЯ 1941 г. (ЧАСТЬ I)

АННОТАЦИЯ

В кратком введении очерчивается основная теоретическая проблематика книги. В Восточной Европе преступники Холокоста были тесно связаны со своими жертвами. Вследствие этого история Холокоста на Востоке представляет собой существенно иную модель насилия, нежели история Холокоста в Западной Европе. Холокост на Востоке отличался от Холокоста в Западной и Центральной Европе тремя основными составляющими. Во-первых, его представляли общественности как войну за освобождение от сталинизма, советского «еврейского большевизма». Во-вторых, Холокост на Востоке в целом осуществлялся открыто, в присутствии нееврейских местных жителей. На Западе большинство еврейских жертв Холокоста окружали и насильственно перевозили в опечатанных поездах в концентрационные лагеря Центральной и Восточной Европы. Эти расстояния во многом способствовали возможности отрицания вины, а именно поддержанию мифа о том, что евреи являлись жертвами депортации и принудительных работ, а не массового уничтожения. Напротив, значительно меньшая часть советских и восточноевропейских евреев была истреблена в лагерях. В то время как наибольшее количество западноевропейских и центральноевропейских евреев погибло в условиях «промышленной эффективности» лагерей, основная масса евреев на советских и восточноевропейских территориях была расстреляна. Подавляющее большинство из них было уничтожено в местах, предназначенных для массовых убийств, недалеко от их собственных домов силами местных этнических националистических вооруженных формирований, которые играли основную роль в казнях. В-третьих, Холокост на Востоке мобилизовал значительную часть местного населения в качестве соучастников преступлений. Глава «Aktion: Холокост в Ровно» представляет собой реконструкцию подробностей резни в Ровно в ноябре 1941 г. Я предоставил частично совпадающие свидетельства преступников, свидетелей и жертв того, что является ошеломляющей и крайне болезненной главой в истории человечества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Холокост на Востоке; Восточная Европа; Ровно; нацистская оккупация; коллаборационисты; еврейские жертвы; массовые захоронения; свидетельства геноцида.

ЭТА КНИГА¹ посвящается памяти трех ровенских друзей:

*Выжившей в Ровно Чаи Мусман, которая спаслась,
Ее друга, поляка Юрека Новаковски, который остался,
и женщины, которую он спас
Кристины Новаковски (урожденной Лии Бодкиер)*

Ты, о великий источник милосердия,
укрой их под крылами своими навечно
и свяжи их души с живущими ныне,
чтобы они могли покоиться с миром.

Из кадиша, еврейской молитвы по усопшим

Те, кто выжил в тот день седьмого ноября [1941 года],
никогда не смогут стереть память о нем из своих сердец.

*Свидетельство Авраама Киришнера,
выжившего в Холокосте в Ровно*

БЛАГОДАРНОСТЬ

Это исследование было завершено при поддержке грантов Фонда Гарри Франка Гуггенхайма, Образовательного фонда Холокоста, Музея Холокоста США и Яд ва-Шема. Я также благодарен ученым и архивистам, которые обеспечивали помощь в российских и украинских архивных фондах: С. В. Мироненко, В. А. Козлову и Д. Н. Нохотовичу в Государственном архиве Российской Федерации в Москве; Максиму Гоню в Ровно; В. И. Куцинде и Л. М. Минаевой в Государственном (и партийном) архиве Львовской области (Украина); Л. и О. Киселюк из Центра украинских исследований во Львове; Вадиму Алцкану и Миклину Амиру, которые помогли получить копии документов из Музея Холокоста Соединенных Штатов; Тикве Фаталь-Кнаани, Элиоту Нидаму, Даниэлю Узиэлю, Леониду Рейну и Аарону Шнейеру из Яд ва-Шема в Иерусалиме; Кристину Бруксу из Института визуальной истории и образования фонда Шоа; Джонатану Бренту, Ривке Шиллеру и Лео Гринбауму из Исследовательского института идиша в Нью-Йорке; Кеннету В. Ренделлу из Музея Второй мировой войны в Натике; и Уильяму Канлиффу, Дэвиду Вантэсселю и Ларри Макдональду из Национального архива в Колледж-Парке штата Мэриленд. Большинство фотографий и иллюстраций, используемых в данной книге, были изданы с разрешения руководства научного архивного фонда, созданного в честь выжившего еврея из Бобрки, Нусьи Рота, и хранящегося в Исследовательском институте идиша YIVO, RG1871.

Я особенно благодарен четырем моим бывшим студентам, которые оказали огромную помощь в сборе сопутствующих документов из России, Израиля, Польши и Германии: Джареду Макбрайду, Илье Лувишу, Томашу Модзелевски и Дариушу Джончику. Амит Б. Э. Гиттерман любезно помогал с переводами и резюме документов на иврите и идише, также, как и Шон Кирнен и Ханна Шварц. Я также хочу поблагодарить Дитера Поля за его помощь и вклад на различных стадиях исследования и написания книги.

Данное исследование никогда не увидело бы свет без помощи и поддержки выживших в Ровно и их семей: Дэвида Ли Престона, его жены Ронды Гольдфейн, его покойного отца, Джорджа Престона и их дальних родственников из семьи Пришкольник, которых я встретил в Ньютоне в октябре 2004 г.; профессора Ежи Новаковски, сына Юрека и Кристины (выжившая Лия Бодкиер), его жену Майю и дочь Тамару; и Чаю Мусман, которая дала разрешение опубликовать фотографию ее подруг в Ровно в 1940 г. и процитировать переводы обширных частей из ее изданных мемуаров. Мне жаль, что ни Джордж Престон, ни Чая Мусман не дожили, чтобы увидеть издание этой книги. Данное исследование показало мне истинные пределы архивной памяти и чрезвычайную важность, насколько это возможно, тщательной проверки документов путем обсуждения их со свидетелями событий. Эта работа и, в особенности, исследование неформальных взаимоотношений между преступниками и жертвами до войны, никогда не осуществились бы без их помощи.

Выражаю особую благодарность Стенли Сталь из еврейского Фонда Справедливости, которая любезно позволила мне развивать идеи для этого и других проектов вместе с ее замечательными группами учителей средней школы во время их летних семинаров по изучению Холокоста. Я также благодарен Карен Кольвард из Фонда Гарри Франка Гутгенхайма за ее поддержку в течение многих лет.

Выражаю благодарность Натали Кононенко за описания явлений призраков в Одессе и Харькове, и Ларисе Фиалковой из университета Хайфы в Израиле за некоторые полезные наблюдения в отношении явлений призраков после Холокоста. Я особенно благодарен Кристин Воробец, которая любезно разместила мой запрос на дискуссионной площадке SEEFA, ассоциации славянского и восточноевропейского фольклора. Спасибо всем, кто написал свои предложения.

Я также хочу выразить благодарность Биллу Нельсону за сделанные им превосходные карты Волыни и Ровно образца 1941 г.

Вариант данного исследования был представлен 28 марта 2013 г. в Институте Херримена Колумбийского университета. Я благодарен Тарику Амару за приглашение презентовать незавершенное исследование, Алле Рачковой за логистическую поддержку, Иштвану Диаку и Мальгорзате Мазурек за последующую беседу и всех присутствовавших за полезное обсуждение. Другой вариант был представлен в Центре изучения Холокоста и гуманности в Цинциннати 20 июня 2013 г. Спасибо Алексису Сторчу и Саре Л. Вайс.

Некоторые из моих друзей и коллег обсуждали рукопись целиком, либо частично, и делились ценными комментариями и предложениями: Тарик Амар, Мартин Беклер, Рэй Брендон, Ричард Брейтмен, Дариуш Колодзиежчик, Грегори

ри Фриз, Максим Гон, Лиам Гор, Ян Грабовски, Том Хэвенс, Кристиан Инграо, Регина Казюлина, Томас Кухне, Хироаки Куромия, Джаред Макбрайд, Мэгги Пэкссон, Дитер Польш, Марк Шмидт, Паулина Сирадзан, Тим Снайдер, Дэйв Стун, Кристофер Шпильман, Ник Терри, Ира и Уил Тиффт, Леня Вайнтрауб, Антон Вайс-Вендт, Йоланта Воланчик, Либби Вуд и Дебби Золден. Я особенно благодарен Джареду Макбрайду, моему бывшему студенту, ставшему неординарным коллегой, который щедро делился со мной открытиями и аналитическими выводами из своих собственных исследований в Ровно и Киеве, что помогло сделать эту книгу намного более насыщенной. Мартин Беклер любезно поделился материалами своего исследования, которое он проводил в Центральном управлении судебных властей по расследованию преступлений национал-социалистов в Людвигзбурге. И я говорю спасибо моему закадычному другу в Украине, Дмитрию Н., за его невероятную помощь и консультирование в постсоветских архивах.

Я благодарен своей семье за их любовь и поддержку: моей дочери Иванке, моим сыновьям Марку и Питеру, моей жене Изабелле, моим сестрам Сэнди, Сью и Тине, моей племяннице Шери и моей матери Фейт.

ПРИМЕЧАНИЕ ПО ТРАНСЛИТЕРАЦИИ И НАЗВАНИЯМ МЕСТ

Большинство выживших евреев оставило свидетельства на немецком, польском, русском, идише, иврите либо английском языках. Вследствие этого сами источники содержат многочисленные варианты написания названий мест. Чтобы избежать путаницы, я взял за основу стандартное соглашение о преобразовании всех названий мест в их современные украинские либо польские эквиваленты, в зависимости от того, где они географически расположены на сегодняшний день.

Я сделал два исключения: Ровно в данной книге систематически используется вместо украинской версии, Рівне, польского Równie или немецкого Rowno; а Львов должен писаться как Львів на украинском языке (и как Lwów на польском), и я использовал украинскую транслитерируемую форму во всех случаях, кроме прямых ссылок в военных документах, где немецкий «Lemberg» был более распространен.

Подобным образом, имена собственные, в большинстве случаев, были возвращены к своим оригинальным формам: так, Юрий Новаковский в советских документах здесь обычно представлен в надлежащем польском написании его имени — Юрек или Ежи Новаковски.

А на немецком языке я сохранил оригинальный немецкий термин Aktion, во множественном числе — Aktionen, который обозначает операции по массовому уничтожению.

ВВЕДЕНИЕ: БЛИЗОСТЬ НАСИЛИЯ

Тем, кто не специализируется на истории насилия в Восточной Европе, возможно, будет сложно понять, до какой степени геноцид и этнические или религиозные чистки являются преступлениями на почве ненависти, совер-

шающимися не против случайных незнакомцев, а, в большинстве случаев, имеющими в качестве мишени личные контакты. Горькие наблюдения Яна Гросса в отношении многонациональной Западной Украины (или юго-восточной части Польши) непосредственно перед Второй мировой войной здесь особенно значимы: «В этих самых восточных внутренних районах межвоенной Европы каждое село или деревня были в значительной степени изолированными Вселенными. Как часто бывает в подобных условиях, испытывались сильные чувства личной вражды, а этническая и религиозная составляющая давала им потенциал поглощать целые общины. Однако, хотя насилие и олицетворяло взрыв совокупных этнического, религиозного и националистического конфликтов, тем не менее, я поражен его близостью. В большинстве случаев, жертвы и палачи знали друг друга лично. Даже по прошествии нескольких лет, оставшиеся в живых могли по-прежнему называть имена. Определенно, люди воспользовались этой возможностью, дабы расквитаться за личные обиды в прошлом»².

Глубокие наблюдения Яна Гросса относительно того, каким образом большие войны преобразуются в маленькие, являются ключевыми для понимания специфики «соседского насилия» на Украине до, во время и после Второй мировой войны.

Данная монография является реконструкцией событий, связанных с немецким *Aktion*, который проходил с 7 по 9 ноября 1941 г. и привел к уничтожению около 23 500 еврейских мужчин, женщин и детей. Тщательно спланированная трагедия разыгралась в трех заранее подготовленных местах в лесу Сосенки, который находится за пределами города Ровно, на территории Воыни в Украине. Резня евреев в Ровно, часто называемая «вторым Бабьим Яром», была одной из десятков подобных организованных немцами крупномасштабных операций по уничтожению евреев, совершенных на советской территории и ознаменовавших первую осень и зиму Второй мировой войны на Востоке. Предшествуя принятию «окончательного решения» «еврейской проблемы» в Ванзее в январе 1942 г., Ровно и другие немецкие массовые убийства евреев на Востоке были испытательным полигоном для геноцида. В одной только Украине более 441 414 евреев были убиты за четыре месяца в период с сентября по декабрь 1941 г. — в основном, они были расстреляны специальными немецкими подразделениями, которых поддерживали намного более многочисленные отряды местной коллаборационистской полиции. Повсюду на советских восточных территориях, вместе со странами Балтии, Россией и Румынией, число убитых евреев в крупных *Aktionen* насчитывает более 650 000 человек, а это почти каждый четвертый из всех евреев, убитых в ходе Холокоста на Востоке.

Решение немцев в конце лета достичь профессионализма в методах уничтожения еврейских мужчин, женщин и детей на местах расстрелов повсюду на Востоке, имело исключительную важность. Несмотря на это было проведено недостаточно исследований какого-либо из этих *Aktionen*, характеризовавших немецкую политику осени и зимы 1941 г. Исключение составляет ряд исследований о событиях в Бабьем Яре — уничтожения приблизительно 33 тыс. евреев в овраге к северо-западу от Киева 29-30 сентября 1941 г.³ Я надеюсь, что эта ми-

кроистория уничтожения евреев в Ровно в ноябре 1941 г. сподвигнет историков провести исследования других *Aktionen* того периода, в которых немецкие оккупационные власти проверяли границы допустимого и определяли методы и процессы геноцида на советских территориях.

Профессионализация убийств была сравнима с установлением эффективных методов организованной конфискации и перераспределения материальных ценностей, которые оставались после того, как евреев лишали гражданских прав или убивали. Эта политическая экономика геноцида — неотъемлемая часть истории немецкой оккупации на Востоке и ключевой зависимости немецкой администрации от местных коллаборационистов.

Цель данного исследования резни в Ровно в ноябре 1941 г. состоит не только в том, чтобы лишь рассмотреть сам факт насилия, но и проследить его развитие, изучить его последствия в сообществе, где произошли столь невообразимые акты массового насилия. В своей работе «Totality and Infinity» Эммануэль Левинас определяет акт насилия как онтологическое событие: не только сам факт насилия, но и изменяющиеся жизненные траектории преступников, жертв, равно как и свидетелей, становились связующим звеном в изменениях, происходивших внутри людей в сообществах насилия. «В любой войне применяется оружие, которое поворачивается против тех, кто держит его в руках. Оно устанавливает порядок, от которого никто не может держаться в стороне. Насилие состоит не столько в нанесении увечий и уничтожении людей, сколько в нарушении их целостности. Люди вынуждены играть роли, в которых они больше не узнают себя, насилие заставляет их предавать не только свои обязательства, но и собственное естество»⁴.

В своей книге — результате более чем десятилетних исследований в архивах России, Украины, Израиля, Польши, Германии и Соединенных Штатов, дополненных интервью с выжившими и их семьями, я исследую микроисторию немецкого *Aktion* в Ровно, в Украине с 7 по 9 ноября 1941 г. Я приложил все усилия, чтобы соединить воедино, в основном, неопубликованные свидетельства очевидцев о преступниках, свидетелях и выживших евреях, с целью воссоздать ужас отдельного немецкого *Aktion*, типичного для Украины осени и зимы 1941 г.

В целом данные неопубликованные свидетельства происходят из четырех основных источников. Во-первых, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве находится коллекция Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), которой была поставлена задача сохранения советской институциональной памяти об опыте войны на советских территориях⁵. Эти центральные архивные фонды также хранятся на республиканском уровне в Киеве, в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины (ЦДАХОУ) и на местном областном уровне в Государственном архиве Ровенской области (ДАРО). В Киеве также располагается Государственный архив Службы безопасности Украины (Архив СБУ), где находятся материалы о мероприятиях советской тайной полиции по расследованию военных преступлений и поиску преступников, со свидетельствами очевидцев, анализом вещественных доказательств и т.п. Вспомогательные материалы были взяты из других украинских архивов, в особенности немецких фондов под назва-

нием «Округ Галиция», хранящихся в Государственном архиве Львовской области (ДАЛО).

Также крайне важны свидетельства очевидцев, хранящиеся в архиве Еврейского исторического института (ŻIH) в Варшаве (Польша). Они были дополнены схожими свидетельствами, хранящимися в Яд ва-Шеме в Иерусалиме. Значительное количество документов также было собрано в Мемориальном музее Холокоста Соединенных Штатов, Исследовательском институте идиша YIVO в Нью-Йорке и Институте визуальной истории и образования фонда Шоа.

Наконец, в начале 1960-х гг. западногерманским правительством была создана Центральная администрация государственного следственного управления по расследованию преступлений национал-социалистов (Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung nationalsozialistischer Verbrechen) в Людвигсбурге. Это учреждение стало основным следственным органом Федеративной Республики Германия по расследованию преступлений нацистского периода. Среди материалов расследований имеются допросы нескольких немецких солдат и полицейских, принимавших участие в ровенском Aktion.

1. СРАВНЕНИЕ ХОЛОКОСТА НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА ГЕНОЦИДА

В начале 1945 г. американская военная разведка (Управление стратегических служб) внедрила несколько своих немецкоговорящих тайных агентов в лагерь для военнопленных немецких солдат. И хотя агенты не смогли добыть таким образом большого количества ценных сведений, предварительные отчеты дают нам захватывающую характеристику массовой культуры солдат вермахта на пороге поражения, в частности: «Влияние... нацистской пропаганды, которая, очевидно, была сконцентрирована на антибольшевистской линии и, несомненно, оказалась крайне успешной. У военнопленных имеются гротескные представления о США, но то, что они думают об СССР, это просто фантастика. Нормальный человеческий мозг должен автоматически отринуть подобные фантазии, но нацистская пропаганда преуспела в преобразовании нормальных способов мышления в нездоровые фантомы»⁶. Сотрудники разведки США с тревогой отмечали, что «влияние антисемитизма просто разрушительное»⁷. Так, в разговоре с секретным осведомителем один немецкий военнопленный заметил: «Поляки будут благодарить нас за то, что мы истребили их евреев»⁸.

Вторая мировая война оставила мощный отпечаток везде, где существовала немецкая оккупация. Семьдесят лет спустя окончания войны мы еще не начали постигать природу и очертания этого отпечатка, всю глубину последствий оккупации. В сущности, то, о чем я говорю, является распространенной культурой ненависти под названием «Жидокомунна», мнимым «еврейско-коммунистическим заговором», который использовался с целью оправдания геноцида евреев как части немецко-украинской войны сопротивления против советской власти.

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА ПРОТИВ «ЖИДОКОМУННЫ»

Три основных элемента отличали Холокост на Востоке от Холокоста в Западной и Центральной Европе. Во-первых, его представляли общественности как войну за освобождение от сталинизма, советского «еврейского большевизма», «Жидокомунны». С самых первых дней немецкой оккупации на Востоке свидетели отмечали внезапное появление повсеместных листовок и плакатов, призывающих к народной войне освобождения от «сталинистского угнетения» и «еврейского большевизма». Дабы узаконить немецкую власть и обеспечить поддержку политики немецкой оккупации среди местного населения, «еврейско-коммунистический» элемент предавался анафеме в плакатах, листовках и сотнях оккупационных газет, которые транслировали ненависть немцев через местные диалекты мультиэтнических сообществ Советского Союза.⁹ Леонард Дубинский из Ровно отмечал, что после пришествия немцев «плакаты были повсюду»¹⁰. Священник Михаил Носаль вспоминал, что повсюду в Волини «люди читали эти плакаты, шептались о них и смотрели на весь этот «литературный» мусор с недоверием»¹¹. В своих мемуарах о городе Бережаны военного времени Шимон Редлич вспоминал, что «и немецкая, и украинская националистическая пропаганда широко использовали тему иудейского большевизма и предполагаемого еврейского участия в советской машине террора»¹². Немецкие и местные националистические листовки в один голос обвиняли «еврейских коммунистов» в злодеяниях Советов, как реальных, так и воображаемых: «Люди [Украины]! Знайте, что Москва, Польша, венгры, евреи — они ваши враги! Уничтожьте их!» Это была типичная украинская ОУН-бандеровская националистическая листовка, широко распространяемая в течение 1941 г., в которой открыто звучали призывы к насилию по отношению к евреям, этническим полякам и другим этническим группам. Другие листовки ОУН(б) пропагандировали те же самые экстремистские принципы: «Истребляйте поляков, евреев, коммунистов без пощады! Не жалейте врагов украинской Национальной революции»¹³. Владислав и Ева Семашко нашли свидетельства того, что украинские националисты в Ровно (как и в других местах) демонстрировали свои собственные плакаты, призывающие к сотрудничеству украинцев с немецкими освободителями и ликвидации так называемых иностранных национальностей, обосновавшихся на украинской земле в качестве «вредителей», которые едят украинский хлеб. К врагам Украины были причислены двадцать «иностраннных» национальностей: евреи были на первом месте, поляки — на втором¹⁴.

Помимо плакатов и напечатанных для общественности постановлений, также существовали оккупационные газеты. Исследуя украинскую оккупационную прессу, Михайло Коваль насчитал 190 спонсируемых немцами газет на украинском языке с общим тиражом более миллиона копий, а также 16 радиостанций, местные объекты кинопроизводства и передвижные выставки. Война против «еврейского большевизма» являлась центральной темой в 576 из 700 выпусков «Нового украинского слова», украинской газе-

ты периода оккупации в Киеве¹⁵. Типичным для того времени было слово редактора Уласа Самчука в газете «Волынь», вышедшей в печать в Ровно первого сентября 1941 г.: «Элементы, населявшие наши города, будь то евреи или поляки, которые были привнесены сюда извне Украины, должны полностью исчезнуть из наших городов. Еврейская проблема уже находится в процессе решения»¹⁶. Оккупационные газеты на Востоке регулярно пропагандировали полное уничтожение мнимой «иудейско-коммунистической» угрозы.

В своем всестороннем исследовании газет периода оккупации Сергей Кудряшов обнаружил почти 200 русскоязычных газет, которые регулярно издавались на оккупированных немцами территориях России и Восточной Украины. Исследуя украинскую оккупационную прессу, Джон-Пол Химка обнаружил 160 спонсируемых немцами газет и журналов на украинском языке. Подобным образом внимание исследователей привлекли сотни других газет немецкой оккупации: польских, литовских, эстонских, латышских и белорусских. Статистика тиражей в Польше насчитывает от 10 000 до 200 000 копий каждой газеты и миллионы листовок, что показывает, насколько серьезные усилия прилагали немцы, дабы завладеть сердцами и умами граждан, живущих на оккупированных территориях Советского Союза¹⁷.

Один из сотен примеров: нападения на местных евреев в Латвии оправдывались сообщениями средств массовой информации, демонстрировавшими советские злоупотребления. В «Tēviņa», ведущей газете немецкой оккупации на латышском языке, в течение июля 1941 г. появлялись многочисленные фотографии искалеченных трупов латышей из главной тюрьмы советского Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в Риге, якобы невинных жертв «еврейско-большевистских» пыток. В статье «Tēviņa» от 6 сентября 1941 г., под названием «Ужасающие свидетельства из выкопанных могил», представлялись данные судебной экспертизы с целью описания советских пыток в ужасающих подробностях. В городе Резекне, согласно статье, советский НКВД подверг пыткам латышского врача Пауля Струве, содрал кожу с его рук в кипящей воде, вырезав язык и загнав в пятки гвозди. Хильдегард Крикову избил, подвергли пыткам, а ее грудь отрезали. Сына местного жителя Якова Терентьева нашли с буквально содранной со спины кожей¹⁸.

Такие подробные свидетельства использовались с целью узаконить немецкое нападение как «освобождение от еврейского большевизма» и призывали всех латышей поддержать режим, обвиняя в подобных ужасах «еврейских коммунистов». В красках рассказывая о страданиях местных мучеников, «жертв советских репрессий», свидетельства превращали большую войну немцев в личную войну каждого латыша с чудовищным врагом. Здесь и на всей территории западных приграничных областей СССР происходило любопытное ритуализированное поношение евреев как коммунистов, находившее свое отражение в анти-«еврейско-коммунистических» плакатах, листовках в витринах магазинов и на страницах газет. Сами ритуалы демонстрировали еврейский союз с коммунизмом, и таким образом оправдывали и узаконивали действия против евреев. В одном только 1941 г. было уничтожено приблизительно 72 тыс. из 80 тыс. латвийских евреев.

В первые месяцы войны советские евреи, оказавшиеся в немецком тылу, были вынуждены принимать участие в унижительных обрядах иконоборческого насилия — «похоронах Ленина» и «парадах Сталина», во время которых нееврейским местным жителям поощрялось насмехаться над еврейскими мужчинами, женщинами и детьми, в то время как те демонтировали символы коммунистической власти и пели при этом коммунистические либо еврейские песни или молитвы. В десятках зарегистрированных случаев подобные ритуалы, как правило, оканчивались насилием, когда коммунистические символы (обычно это были статуи Ленина либо Сталина) хоронили рядом с местными евреями, уничтоженными их нееврейскими соседями¹⁹. После завершения подобных «самоочистительных» погромов летом 1941 г. немецкие пропагандисты и местные коллаборационисты продолжали сообщать относительно принятия мер против евреев в местных средствах массовой информации и регулярно информировали местную общественность о ходе войны с «еврейско-коммунистическим» элементом.

Во-вторых, Холокост на Востоке в целом осуществлялся открыто, в присутствии нееврейских местных жителей. На Западе большинство еврейских жертв Холокоста окружали и насильственно перевозили в опечатанных поездах в концентрационные лагеря Центральной и Восточной Европы. Эти расстояния во многом способствовали возможности отрицания вины, а именно поддержанию мифа о том, что евреи являлись жертвами депортации и принудительных работ, а не массового уничтожения. Напротив, значительно меньшая часть советских и восточноевропейских евреев была истреблена в лагерях. В то время как наибольшее количество западноевропейских и центральноевропейских евреев погибло в условиях «промышленной эффективности» лагерей, основная масса евреев на советских и восточноевропейских территориях была расстреляна. Подавляющее большинство из них было уничтожено на местах, предназначенных для массовых убийств, недалеко от их собственных домов силами местных этнических националистических вооруженных формирований, которые играли основную роль в казнях²⁰.

В-третьих, Холокост на Востоке мобилизовал значительную часть местного населения в качестве соучастников преступлений. Как отмечали многочисленные наблюдатели, «в восточной Польше Холокост не состоялся бы без активного участия сотен тыс. местных жителей, завербованных нацистами, чтобы осуществлять контроль, а затем уничтожать евреев в полевых условиях»²¹. Выживший еврейский партизан Самоиль Гриль добавлял: «На каждого немецкого преступника приходилось более семи советских гражданских» рекрутов из немецкой оккупационной полиции²².

Основная часть палачей Холокоста на Востоке происходила из русских, украинских, литовских, латышских и белорусских националистов. Как это ни парадоксально, «ужесточение ведения войны» на Востоке в равной степени подпитывалось как местными антипатиями, так и немецкой расовой идеологией²³. Российские историки Кирсанов и Дробязко нашли прямую зависимость между эскалацией насилия в отношении гражданского населения и стремительным увеличением доли местных этнических националистов на службе у немцев: «Внедрение политики “тотальной войны” немецким руко-

водством... оказало действенный эффект на расширение масштаба использования в вооруженных силах Рейха человеческих ресурсов с оккупированных советских территорий»²⁴. В поисках поддержки на советских территориях немецкие оккупационные власти спланировали националистов в пылу борьбы с «еврейским коммунизмом». В совершенно секретном донесении 1942 г. Сталину командир советских партизан Пантелеймон Пономаренко сообщал: «Немцы используют любые средства для привлечения контингента из нашего населения в оккупированных областях к борьбе с партизанами, защите железных дорог и борьбе с Красной армией, формируя из них воинские части, карательные и полицейские отряды»²⁵. В своей познавательной статье о Второй мировой войне на Востоке как о гражданской войне Альфред Райбер отмечал: «Уничтожение еврейского населения Украины, сокращенного по численности с 870 до 17 тыс., не было бы осуществлено без помощи местного населения, т.к. немцы испытывали недостаток в людских ресурсах, чтобы добраться до всех уничтоженных общин, в особенности, в отдаленных деревнях»²⁶.

Старания немцев по привлечению местных жителей на службу оккупационной власти были по всем меркам чрезвычайно успешными. Соотношение немцев и местных коллаборационистов во многих отделах и полицейских организациях возросло с одного до пяти в 1941 г. и с одного до двадцати и выше к 1943 г. По статистике Рейхскомиссариата Украины, в конце 1942 г. SS (Schutzstaffel, отряды охраны) насчитывали приблизительно 15 тыс. немцев и 238 тыс. местной полиции, показывая соотношение почти 1 к 16. К 1944 г. в некоторых восточных областях этот показатель возрос до 1:25 и даже 1:50²⁷. Историк Романичев выяснил, что с конца 1941 г. по начало 1943 г. величина подразделений Schuma (вспомогательная полиция) немецкой полиции на восточных оккупированных территориях повсеместно возросла более чем в десять раз.

Согласно Ф. Мюллеру-Хиллебранду, число славянских пехотных подразделений увеличилось с девяноста в 1943 г. до более двухсот русских, украинских и белорусских батальонов, включая и другие национальности, к середине 1944 г.²⁸ По оценкам Кирсанова и Дробязко, во время войны приблизительно 1,2 миллиона проживающих на территории Советского Союза служили в рядах немецкого вермахта и подразделениях SS²⁹. Эти рекруты стали главными виновниками проводимого немцами на Востоке уничтожения евреев и других локальных врагов, а также основной силой безжалостных контрпартизанских и карательных операций Германии против советского гражданского населения в 1943-1944 г.

2. АКТИОН: ХОЛОКОСТ В РОВНО

В постсоветскую эпоху множество историков работало над корректировкой местных расчетов советских потерь во время Второй мировой войны. Уточненные данные о потерях среди евреев были опубликованы в 2002 г. российским историком Ильей Альтманом в его авторитетном исследовании «Жертвы ненависти: Холокост в СССР».

Таблица 2.1

Холокост в Советском Союзе, 1941–1945 гг.

Республика	1941 г. — январь 1942 г.	Февраль 1942 г. — октябрь 1943 г.	Ноябрь 1943 г. — 1945 г.	Всего
Украина	540,000	860,000	30,000	1,430,000
Белоруссия	250,000	550,000	10,000	810,000
Молдавия	130,000	—	—	130,000
Литва	180,000–185,000	25,000	10,000	215,000–220,000
РСФСР	69,000–90,000	75,000–80,000	—	144,000–170,000
Латвия	72,000–74,000	2,000	1,000	75,000–77,000
Эстония	1,000	—	—	1,000
Всего	1,242,000–1,270,000	1,512,000–1,517,000	51,000	2,805,000– 2,838,000

Источник: Илья Альтман. «Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945». (М.: Фонд «Ковчег», 2002), с. 303, таблица 8.

Во Второй мировой войне было убито более 2,8 млн советских евреев. В отличие от евреев Центральной и Западной Европы, советских евреев, как правило, не убивали в лагерях. Обычно они становились жертвами массовых расстрелов в рамках полицейских операций, совершаемых преимущественно местными рекрутами³⁰.

Холокост на Востоке имел выраженную хронологическую последовательность. Летние месяцы 1941 г. были отмечены тем, что немцы эвфемистически называли периодом «действий по самоочистке» (Selbstreinigungsbestrebungen), характеризовавшимся появлением «внезапных» массовых межсоседских расправ над евреями за злодеяния коммунистов³¹.

К концу лета 1941 г. германское руководство стало внедрять правовые нормы с целью воспрепятствовать случайным и спонтанным, в стиле линчевания, насильственным действиям гражданских лиц в отношении евреев. Были организованы еврейские гетто, евреи были обязаны носить нашивки желтого цвета, были введены особые ограничения, выпущены специальные рабочие удостоверения для евреев со специальными навыками, в то время как большинство остальных были вынуждены собираться для депортации либо уничтожения.

Примерно одна четверть всех советских евреев была расстреляна в массовых акциях осенью и зимой 1941 г. До настоящего времени лишь одна из этих акций — резня в Бабьем Яре под Киевом с 28 по 30 сентября стала объектом пристального исторического исследования.³² Подтвержденными жертвами шестидесяти четырех подобных акций в Украине с 1 сентября по 31 декабря 1941 г. числятся 441 414 еврейских мужчин, женщин и детей. Это составляет почти одну треть всех украинских евреев, убитых во время Второй мировой войны³³.

ХОЛОКОСТ В РОВНО

Ровно (на украинском языке: Рівне; на польском: Równo; на немецком: Rowno) это город в северо-западной Украине, в котором в период немецкой оккупации с 28 июня 1941 г. по 2 февраля 1944 г. находилась столица Рейхскомиссариата Украина. Подчеркивая, что Ровно был существенно меньше по сравнению с древней столицей Украины — Киевом, Рейхскомиссар Эрих Кох с готовностью признавал, что выбрал Ровно в качестве местонахождения своей администрации, «чтобы подчеркнуть ничтожность украинской государственности»³⁴. В 1930-х гг. население Ровно насчитывало приблизительно 60 тыс. человек, из них около 24 тыс. евреев, а также поляков и украинцев в равных количествах³⁵.

Война пришла в Ровно в середине сентября 1939 г. в виде крупного притока беженцев, поскольку евреи спасались бегством в условиях вторжения немцев в Польшу. Очевидец событий Ешааяху Шинделькройт вспоминал: «Внезапно Ровно был заполнен беженцами из Лодзя, Варшавы, Люблина и других мест. Каждый день город становился все более переполненным, и не все могли найти крышу над головой. Не хватало еды, так как продукты в магазинах были раскуплены, а новые поступления отсутствовали. Главные радиостанции были либо уже разрушены, либо взяты под контроль немцами. Ничего не осталось, кроме нескольких небольших радиостанций, которые передавали мало новостей, и было сложно определить реальное положение вещей. Страх распространялся повсюду, и Ровно начал напоминать город в осаде. Никто не знал, что могло произойти в последующие часы»³⁶.

Вскоре после этого, исходя из предшествующих секретных соглашений относительно советских и немецких сфер влияния, немецкий вермахт покинул город, и солдаты Красной армии стали хозяевами Ровно. С самого начала советские солдаты, охочие до товаров потребления «декадентского» Запада, опустошили ровенские магазины, из-за чего многие жили в нужде. Но к концу осени 1939 г., когда политика Советов сосредоточилась, главным образом, на этнических поляках как бывших эксплуататорах в данной «революции из-за рубежа», стабильность отчасти вернулась, хотя дефицит продолжался из-за массового притока еврейских беженцев³⁷.

До начала Второй мировой войны в 1939 г., Ровно около 21 месяца находился под контролем СССР. После советского «освобождения» в сентябре 1939 г., когда классовая война Советов на оккупированных территориях вдоль линии Керзона превратилась в этническую войну против поляков, этническое смешение в Ровно претерпело существенные изменения. В течение этого периода польское население, большей частью, было депортировано, в то время как количество еврейского населения перевалило за половину от общего числа городских жителей, пополнившись евреями, бегущими в восточном направлении прочь от немецкой оккупации Польши³⁸.

Короткий период советской оккупации привнес существенные изменения в жизнь евреев некогда юго-восточной Польши. Житель советского Львова Марек Херман с удивлением отмечал новые возможности, которыми он наслаждался: «Теперь, внезапно, это было, словно я мог стоять в полный рост, и я был преисполнен чувством свободы. Я начал воспринимать новые ценности;

я приобрел сознание рабочего класса. Впервые я понял, а также верил, что не было никаких различий между евреями, поляками, украинцами или русскими, все мы были людьми»³⁹. В Ровно, находящемся немногим более двухсот километров к северо-востоку от Львова, жила семнадцатилетняя Чая Мусман. Осенью 1939 г., когда советские войска «освободили» восточную и юго-восточную Польшу, она училась в десятом классе ровенской гимназии. Ее опубликованные мемуары остаются самым подробным и всесторонним описанием жизни в Ровно непосредственно перед войной⁴⁰.

В воспоминаниях Мусман наиболее примечательной особенностью советской оккупации был слом традиционных ограничительных барьеров, которые разделяли этнические и религиозные группы. Она с любовью вспоминала социальные изменения и культурные сдвиги, которые принесла советизация: «В начале 1940-х мы... считали себя равными среди равных... Время с 17 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. я помню как самое яркое, самое счастливое в своей жизни...

Я была молода [всего семнадцать лет], и впервые в жизни подружилась с поляком — с Юркой Новаковски. Отстранившись от всех условностей, искусственных барьеров, которые разделяли национальности, мы вместе гуляли по городу. Я чувствовала на себе пристальные бесцеремонные взгляды, неодобрительно бросаемые старшими, но времена настолько резко изменились, это даже наш Раввин из Каменки, в чьем доме мы жили, не решался давать комментариев по поводу моих свиданий с польским парнем — ни мне, ни моим родителям.

Ситуация изменилась даже в собственном доме Раввина. Его сын срезал [хасидские] локоны, обменял свое [черное, хасидское] пальто на костюм и даже присоединился к своего рода профсоюзу (артели). Обе дочери [Раввина] также устроились на работу. Синагога опустела, а моя мама открыто готовила еду на нашем примусе по субботам, в то время как жена Раввина разрешала мне качать воду на своей кухне.

То было счастливое время или, возможно, это было не столько время, сколько наш возраст, наша юность, которая разрисовывала все вокруг нас сияющими, жизнерадостными красками»⁴¹.

Юрек Новаковски родился в 1918 г. в Киеве. Его отцом был Александр Новаковски, судья из состоятельной семьи. Родившийся в 1879 г. в Гроце, под Варшавой, молодой Александр, польский католик, изучал юриспруденцию в университете Киева. Там он, будучи студентом, встретил Зинаиду Андрусенко, очень состоятельную православную русскую, на которой женился. С окончанием Первой мировой войны в 1918 г., когда этническим полякам стало небезопасно находиться на территории Украины, семья Новаковски бежала из Киева в Козенице, где Новаковски был назначен судьей недавно учрежденным независимым польским правительством в Варшаве. Когда в 1924 г. он внезапно умер из-за осложнений, вызванных пневмонией, на долю его жены с тремя дочерьми и шестилетним сыном Юреком выпали тяжелые испытания. Чтобы облегчить свое положение и получить поддержку со стороны местной католической церкви, а также от польских родственников, изворотливая русская мать Юрека, Зинаида, обратилась в польское католичество (дети уже были ка-

толиками). Несмотря на то одна из его сестер часто подвергалась оскорблениям из-за своей «русской» внешности («кацапка» — уничижительное польское жаргонное слово, обозначающее русскую женщину), семье удавалось справляться, часто перемещаясь между Любомлем, Луцком и Ровно — городами юго-восточной Польши и Волыни.

С четырнадцатилетнего возраста лучшим другом Юрека Новаковски был Костек Ромски, молодой человек русско-еврейского происхождения. Но тогда «нам было все равно, какой национальности мы были. В Ровно», помимо поляков, украинцев и евреев, «также проживали чехи, немцы и татары».

В мае 1938 г. Юрек Новаковски сдал выпускные экзамены в средней школе и, будучи молодым образованным поляком, был сочтен пригодным польской военной комиссией для прохождения службы. Его призвали в качестве пехотинца в дивизионный кадетский резерв сорок четвертого пехотного полка, размещенного на польской границе в Ровно. После прохождения военной службы он планировал получить высшее юридическое образование в университете Люблина, но немецкое вторжение в Польшу первого сентября 1939 г. все изменило.

Потерпев поражение от немцев, его воинская часть отступила к Луцку тогда, когда советская Красная армия вошла в город 17 сентября 1939 г. Курсант Новаковски, в то время младший сержант, проигнорировал советский приказ заявиться и, вместо этого, он и остальные солдаты из его части, обменяли свою военную форму на штатскую одежду, выбросили винтовки и боеприпасы в реку Стыр и проследовали вдоль железнодорожных путей обратно домой в направлении Ровно.

К тому времени Костек Ромски присоединился к советской милиции. Несмотря на радикальные взгляды Юрека, его происхождение из семьи польского судьи и прохождение службы в качестве сержанта польской армии делало невозможным его участие в советской административной работе.

Его мать вновь использовала свое превосходное знание русского языка и хорошо развитые навыки убеждения, чтобы уговорить советских должностных лиц позволить семье зарегистрироваться в качестве этнических русских. Это защитило их от худших проявлений советского полицейского произвола в течение грядущих месяцев и, несомненно, спасло их семью. Согласно совершенно секретному донесению руководителя НКВД Лаврентия Берии Сталину, за время советской оккупации региона с сентября 1939 г. по август 1941 г. из Западной Украины и Западной Белоруссии в СССР были депортированы 389 382 этнических поляка.⁴²

Именно в это время, в 1940 г., Юрек Новаковски встретил Мину Бодкиер, а через нее двоюродную сестру Мины, Лию Бодкиер. К тому времени Юреку было двадцать два года, а Лие и ее подруге Чае всего лишь по семнадцать лет⁴³.

Хотя воспоминания Чаи Мусман о юности были легки, советская оккупация принесла с собой и тревожные предчувствия, мрачные тени советского полицейского произвола, который затронул всех. В своих мемуарах она продолжала: «Вечера мы обычно коротали вчетвером: моя самая близкая подруга Лиа [Бодкиер], самая красивая девушка нашей школы, ее друг Костя Ром-

ски и я с Юркой. Костя был старше нас. Он жил отдельно от отца с мачехой, с которыми ссорился. Его отец, известный в городе доктор, был крещеным евреем, но я не думаю, что это было причиной их конфликта. Однажды [во время одной из наших прогулок] мы встретили похоронную процессию: похороны римско-католического священника. Юрек предложил нам посетить его могилу. Согласно поверию, если в полночь вы зажжете свечу на свежей могиле римско-католического священника, то сможете узнать, сколько вам осталось жить.

Сперва Лиа и я отказались; было бы ужасающе разгуливать ночью среди могил. Парни смеялись над нами и создали такой ажиотаж, что в итоге мы согласились пойти, договорившись встретиться у входа на главную тропу католического кладбища без пятнадцати двенадцать ночи.

Стояла теплая лунная ночь мая 1940 г. На кладбище было тихо, оно купалось в зеленом и ярко освещалось лунным светом, но нам казалось, что в тенях надгробных камней прятались души. Трудно сказать, почему Лиа и я решились на это приключение. Юрек и Костик ждали нас на главной тропе; увидев их, дышать стало легче. Естественно, мы не стали рассказывать им об испуге, который испытали, и парни от всей души поздравили нас и похвалили за храбрость.

На свежей могиле римско-католического священника лежали цветы. Костя дал каждому из нас по свече. Мы установили их на могиле и зажгли. Три раза Костя зажигал свою свечу, и каждый раз пламя потухало. Наши свечи горели по-разному, по какой-то причине моя стала плавиться. Когда мы покинули кладбище, позади нас остались догорать три свечи.

Костя нервно смеялся, но никто из нас не придавал большого значения потухшей свече. Кто верит в смерть в семнадцать лет?

Две недели спустя Костю арестовали. Мы больше никогда его не видели, ни до, ни после войны. В то время [советское] правосудие было весьма скорым, и ох, так редко справедливым.

Даже сейчас я не знаю, какое правонарушение совершил Костя, и совершал ли он вообще что-либо против советской власти. Его отец репрессирован не был. Костя никогда не был сионистом. Во времена польского правления он никогда не сотрудничал с “Деуче” [польская тайная полиция]. Он никогда не был членом ни подпольных коммунистических, ни троцкистских партий. В 1940 г. он работал директором Дома пионеров [местного коммунистического клуба скаутов] и, насколько нам было известно, хорошо отзывался о советской власти. Но таковой была советская власть — ей постоянно были нужны жертвы, чтобы поддерживать страх в остальных. В то время мы даже не испугались, [главным образом], потому, что слишком мало знали о советской власти, слишком сильно верили в нее и питали надежду, что когда-нибудь они поймут свою ошибку и освободят Костю. Но его свеча уже погасла»⁴⁴.

В своих неопубликованных мемуарах Юрек Новаковски описал судьбу своего лучшего друга Кости Ромски: «Однажды утром, в начале 1941 г., я увидел своего друга Костека Ромски на грузовике с вооруженными чекистами [советская тайная полиция]. Лицо его было серьезным, рука перевязана... Он кивнул мне, и чекисты посмотрели на меня с подозрением. Спустя несколько дней я узнал,

что он был арестован НКВД. Его обвинили в сотрудничестве со сторонниками белогвардейцев (его отец был евреем, а мать — русской). В том же году Костек умер в бутырской тюрьме в Москве»⁴⁵.

РОКОВОЕ ЛЕТО 1941 Г.

В соответствии с соглашением с немцами, исходя из условий секретных протоколов к пакту о ненападении Молотова — Риббентропа, подписанному 23 августа 1939 г., Советы «освободили» территории к востоку от линии Керзона от немецкого нападения и в 1939–1940 г. присоединили эти области к Советскому Союзу. Между тем немецкое вторжение в Польшу и начало Второй мировой войны создало поток беженцев, главным образом евреев, которые бежали от немецкой агрессии в восточном направлении. Они полагались на солидарность братьев-евреев, сосредоточенных в городских районах, благодаря чему число еврейских беженцев, проживающих в городах восточной и юго-восточной Польши, заметно увеличивалось. В результате, исходя из большинства расчетов, к июню 1941 г. еврейское население в Ровно составляло более 30 тыс. человек⁴⁶.

С нападением немцев на Советский Союз 22 июня 1941 г. поток еврейских и нееврейских беженцев на восток возобновился. Приблизительно три тысячи ровенских евреев, где-то десять процентов всех евреев в области, успешно эвакуировались прежде, чем прибыли немцы. Среди них была Чая Мусман, которая вместе со своим двоюродным братом уехала глубоко в советский тыл⁴⁷. Ее лучшая подруга, Лиа Бодкиер, пыталась сбежать вместе со своей двоюродной сестрой Минной. В то время как Мине удалось сбежать, Лие преградили путь наступающие немцы, и она была вынуждена возвратиться в Ровно.

Во время операции «Барбаросса» Сиссель Грин было одиннадцать лет. Чтобы спастись от немецкого вторжения, осенью 1939 г. она со своей семьей сбежала из Варшавы в Ровно. Как только в июне 1941 г. стали падать бомбы, ее семья незамедлительно собралась, чтобы снова идти на восток. «Мы инстинктивно присоединились к массам, покидая город и оставляя позади опустошение. Люди толпами направлялись на восток, к Киеву. По мере того, как мы шли, становилось все больше людей, и мы уже шли среди тысяч, вместе с огромной вереницей грузовиков и другого транспорта. Один день медленно перетекал в другой». Обстреливаемые немецкими штурмовиками, людские колонны беженцев прятались во время кратковременных атак, а затем продолжали путь, в то время как тысячи трупов оставались лежать вдоль главного шоссе от Львова до Киева. Семье Сиссель потребовались месяцы, чтобы пешком добраться до Киева. Они прибыли в сильный мороз и окунулись в атмосферу слухов о резне в Бабьем Яре. Затем они снова отправились в путь пешком, на сей раз к Харькову, расположенному почти в 400 км к северу. Это было суровым испытанием, от начала до конца характеризовавшимся чрезвычайной усталостью, болезнями и травмами из-за незащищенности от внешних воздействий и недоедания⁴⁸.

Осенью 1939 г. семья Шалома Йорана бежала из польского Раченжа на юго-восток в направлении Ровно. В окрестностях Ровно до них дошли слухи о со-

ветских депортациях, поэтому они решили избегать более крупных городов и вместо этого осели поблизости, в деревушке под названием Сморгон. В июне 1941 г. Йорану исполнилось шестнадцать, и так же, как и семья Грин, он бежал, чтобы спастись от немецкого вторжения. «С наступлением темноты советские граждане и их сторонники, а также евреи, стали покидать город, направляясь на восток. Использовались любые доступные транспортные средства, главным образом, лошади и телеги, и несколько автомобилей для советских сановников». Цель Йорана состояла в том, чтобы достигнуть города с железнодорожным терминалом и найти место в советском поезде, направляющемся оттуда на восток. Но мест не было, а советская полиция охраняла железнодорожные вагоны, резервируя места для своих семей и друзей и отгоняя прочь почти всех остальных. По мере того как они продолжали путь, Йоран наблюдал, как украинские крестьяне нападали на отступающие еврейские колонны, избивали евреев на дороге, грабили еврейские семьи. Достигнув города Илья 29 июня 1941 г., Йоран впервые встретил немцев: «Когда стрельба прекратилась, и прибыло больше немцев, мы стали свидетелями шокирующего зрелища — местные поляки и белорусы бежали к немцам, приветствуя их с цветами. Девушки слали им воздушные поцелуи, и все вели себя так, будто прибыли их спасители»⁴⁹.

Каким бы трудным и опасным ни было бегство для многих евреев, лишь немногие из тех, кто остался в Ровно после июня 1941 г., пережили войну. 28 июня 1941 г. немцы достигли Ровно⁵⁰. Солдат вермахта, рядовой Вернер Берггольц, сделал запись в своем дневнике, датированную 31 июня (так в оригинале) [1 июля] 1941 г.: «Когда... мы проходили Ровно, все магазины были разграблены, и каждый брал то, до чего мог добраться»⁵¹.

В ОКРЕСТНОСТЯХ РОВНО

Авраам Киршнер был кузнецом из Клевая, что за пределами Ровно. С началом немецкого вторжения в июне 1941 г. Киршнер сперва бежал на двенадцать километров из Бронников в Клевая, находящийся приблизительно в двадцати километрах к северо-западу от Ровно. Первым прибыло подразделение из 180 немецких солдат, они сразу же осведомились о каких-либо частях Красной армии в районе. Узнав от местных жителей, что никого не осталось, солдаты расслабились после первых дней сражений, расположившись у залива неподалеку. На самом деле, на холмах возле залива окопались шесть солдат Красной армии с крупнокалиберными пулеметами. И пока немцы купались, их скосила пулеметным огнем — все 180 немецких солдат были убиты.

«Это обернулось трагедией для евреев, поскольку солдатам СС, также прибывшим в тот же день в Клевая, сообщили о происшествии, и они обвинили в нем евреев. Подобно гиенам, они незамедлительно вошли в город и убивали на месте любого еврея, с которым сталкивались. Остальных они выволакивали из домов и тайных убежищ с помощью местных украинских националистов, которые направляли их к местам проживания еврейских семей. Особой жестокостью отличался палач по фамилии Серцов, который привел немцев на советский водочный склад. Он сообщил солдатам СС, что все евреи в городе были коммунистами, а затем поехал с ними, указывая на еврейские дома. После того

как немцы напились, они стали совершать убийства. 150 человек — мужчин, женщин, детей, пожилых людей — собрали на рынке и убили. Немцы забрасывали еврейские дома гранатами, в них, среди развалин, оставались лежать умирающие люди, а остальных они убивали в домах и на улицах. Таким образом было убито около 700 человек от общей численности населения Клевая в 2500 человек.

В течение трех дней трупы убитых лежали непогребенными на улицах, где собаки и свиньи разрывали их на части. Когда они начали гнить, немцы приказали оставшимся евреям перенести трупы в синагогу. Закрыв ворота синагоги, они облили все бензином и подожгли.

Оставшиеся евреи сбежали. Немцы бы не позволили евреям жить в Клеване, поэтому они были вынуждены переехать в близлежащие большие и малые города. Еврейская собственность, еврейские здания были впоследствии разграблены местными городскими жителями до такой степени, что в результате евреи лишились абсолютно всего.

Во время расстрелов евреев в Клеване мы скрывались на расстоянии трех километров в городке Билув у местного православного священника, который на три дня приютил в своем доме всю нашу семью. Когда горожане прознали об этом, толпа вынудила нас оставить благородного священника, который оказался неспособен их умиротворить. Позже мы узнали, что тот священник вместе со своими женой и дочерью умер ужасной смертью во время сожжения города немцами в 1943 г. Этот Aktion был осуществлен с помощью темно-синей [украинской] полиции»⁵².

Опасаясь за свои жизни, Киршнер с семьей бежали на юго-восток к Ровно, где на краю города им едва удалось избежать задержания на контрольно-пропускном пункте. Там было арестовано около 250 евреев, главным образом взрослых мужчин, о которых больше никогда слышали. «Позже мы узнали от людей, живших неподалеку от города, что они слышали, как всю ночь раздавались выстрелы из района улицы Белая, которая позже стала местом массового захоронения евреев»⁵³. На этом месте находилась печально известная гестаповская тюрьма в Ровно, расположенная в северо-западной части города, к востоку от лагеря для военнопленных и чуть севернее будущего еврейского гетто.

Добравшись, в конце концов, до своего магазина в Ровно, Киршнеру и его семье удалось избежать насилия со стороны немцев и украинцев в эти первые дни войны.

ХОЛОКОСТ В САМОМ РОВНО

Уничтожение оставшихся ровенских евреев происходило в три этапа. Около трех с половиной тысяч евреев было убито в течение июля-августа 1941 г., периода «самоочистительных» погромов в форме самосудов. В результате массовой акции ноября 1941 г. было убито более 17 500 взрослых евреев. Одновременно с этим на соседнем участке было убито более шести тысяч еврейских детей. В результате последующей массовой акции в июле-августе 1942 г. были уничтожены оставшиеся в Ровно евреи, и уже к концу июля 1942 г. Рейхскомиссар Эрих Кох объявил город *Judenfrei*, т.е. «очищенным от евреев»⁵⁴.

С самого начала немецкие оккупационные власти прилагали все усилия, чтобы вбить клин между местными гражданскими лицами и евреями. Типовые распоряжения, публикуемые на недавно завоеванных территориях, гласили: «Любой, давший убежище еврею или позволивший ему переночевать, а также члены его семьи, будут немедленно расстреляны комендантским взводом»⁵⁵. Помимо этих уведомлений, повсюду были развешаны антисемитские плакаты: «Жидам мы ничего не дадим!», «Жидам не место среди вас! Жида — вон!» «Жид — ваш вечный враг!»

Одновременно с установлением жестких наказаний за братание с евреями или их поддержку похожим образом оккупационные власти обещали хорошее вознаграждение для неевреев, помогающих полиции разыскивать скрывающихся евреев: «Смертной казнью будет караться каждый, кто прямо или косвенно поддерживает членов банд, саботажников, опасных преступников или сбегавших военнопленных; каждый, кто снабжает их продуктами питания, скрывает, либо помогает им любым иным способом. Все их имущество будет конфисковано». В то же время существенное вознаграждение предлагалось каждому, кто сообщит о местонахождении прячущихся евреев⁵⁶.

Выжившая еврейка Барбара Барац вспоминала, что после нападения на еврейских мужчин в Ровно 8 июля 1941 г., находившиеся в городе евреи должны были стоять в очередях, чтобы сдать оставшееся у них золото и серебро. Неевреи, в основном украинцы, наблюдали за этим публичным зрелищем «зловеще улыбаясь, как будто это было забавное шоу». Она считала ровенских украинцев «в своей основной массе крайне опасными врагами евреев». Почему? «Если немцы не признали бы нас как евреев, то украинцы очень хорошо замечали различия и незамедлительно передали бы нас немцам»⁵⁷.

Пятнадцатилетняя Адела Либерман и ее тринадцатилетняя сестра Инда Либерман до войны проживали в Ровно и Здолбунове, в двенадцати километрах строго на юг от Ровно⁵⁸. В первое лето немецкой оккупации они работали по двенадцать часов, с шести утра до шести вечера, в трудовых бригадах по надзору украинской полиции. «Во время работы они обращались с нами бесчеловечным образом. Они избивали и оскорбляли нас». Обычным делом были полицейские рейды и облавы: «украинская полиция и немецкая армия начали отлавливать еврейских мужчин на улицах, в домах, вытаскивать их с чердаков, из подвалов и других укрытий. Всех их загружали в автомобили, грузовики и увозили в неизвестном направлении. Считалось, что их увозили на работы, но они никогда не возвращались».

Почти сразу были введены антисемитские законы. Спустя восемь дней после прибытия немцев все евреи одиннадцати лет и старше были обязаны носить на левой руке белую нарукавную повязку с еврейской звездой Давида желтого цвета. Спустя месяц повязки сменили на круглые желтые нашивки, радиусом примерно восемь сантиметров, которые требовалось носить на левой руке всем евреям четырнадцати лет и старше. «В конце августа 1941 г. Юденрат объявил о постановлении, согласно которому евреям больше не разрешалось ходить по тротуарам, а только посреди дорог»⁵⁹.

Когда 28 июня 1941 г. немцы вошли в Ровно, Аврааму Киршнеру был двадцать один год. В ноябре 1945 г. Киршнер дал письменное показание под

присягой, сохраненное в архивах Еврейского исторического института в Варшаве, в котором описал, как периоды между всплесками открытого антисемитского террора отмечались беспорядочными актами повсеместного насилия: «День ото дня обращение немцев с евреями становилось все хуже и хуже. Как-то раз, после работы в армейских казармах, рейхскомиссару Коху пришла в голову идея о том, чтобы все мужчины и женщины, раздевшись догола, облили из больших ведер друг друга водой, оставшейся после мытья туалетов, коридоров и лестниц. По приказу этого вооруженного маньяка, мы, если хотели избежать смерти, были вынуждены совершить этот адский поступок. Когда армейское подразделение проходило по улице и столкнулось на дороге с евреем, его пристрелили на месте, так как они считали евреев дурным знаком. В другой раз, увидев группу стоящих в очереди евреев, водитель мотоцикла заехал на тротуар и тяжело ранил им одного из евреев, который впоследствии скончался»⁶⁰.

ОСЕНЬ 1941 ГОДА

Как известно, кровавая расправа в Ровно 7–9 ноября 1941 г. была одной из, по меньшей мере, 64 подобных расправ, которые определяли второй этап немецкой антисемитской политики на Востоке с сентября по декабрь 1941 г. Эти массовые убийства были испытательным полигоном, прелюдией к официальному принятию «окончательного решения» в январе 1942 г.

Количество потерь убитыми колеблется. В сентябре 1941 г. в *Aktionen* в Украине было расстреляно почти 200 тыс. украинских евреев; в октябре 1941 г. — более 90 тыс.; в ноябре 1941 г. — более 110 тыс. и еще более 50 тыс. евреев в декабре 1941 г. В целом, 86% всех украинских евреев, убитых в течение первых шести месяцев после нападения Германии на СССР, что составляет одну треть от общего числа погибших во Второй мировой войне украинских евреев, были уничтожены за последние четыре месяца 1941 г. в ходе операций по истреблению по примеру Бабьего Яра⁶¹.

Такая внезапная эскалация антисемитского насилия четко формулировалась командами, поступающими от немецких вооруженных сил. По наблюдению Александра Круглова, «большая часть массовых убийств... как правило, совершалась прежде, чем области передавались от Вооруженных сил гражданской администрации, т.е. под прикрытием военной необходимости»⁶². Другими словами, евреи и другие «коммунистические элементы» уничтожались в качестве средства «обеспечения безопасности оккупированных территорий»⁶³. К примеру, 10 октября 1941 г., меньше двух недель спустя кровавой расправы в Бабьем Яре, командующий шестой армией генерал Вальтер фон Райхенау издал следующий приказ: «Наиважнейшей целью кампании против еврейско-большевистской системы является полное сокрушение инструментов власти и уничтожение азиатского влияния в европейской культурной сфере.

В этой связи существуют также задачи для войск, которые простираются далее традиционной прямолинейной воинской идентичности. На Востоке солдат является не только бойцом, действующим согласно правилам ведения

войны, но также носителем непоколебимой расовой идеи и мстителем за все зверства, которые были причинены немецкому и родственным народам.

Поэтому у [немецкого] солдата должно быть *полное* понимание необходимости жесткого, но справедливого наказания еврейских недолждей. У этого есть более широкие цели подавления в зародыше любых восстаний в тылу Вермахта, которые, как показывает опыт, всегда провоцировались евреями⁶⁴.

Такие же команды относительно «еврейской проблемы» поступали от гражданских руководящих чиновников в Ровно. 9 октября 1941 г. Ганс Франк сообщал министрам органов государственного управления в Кракове: «Что касается евреев... я хочу сказать вам вполне откровенно, что с ними необходимо так или иначе покончить»⁶⁵. Немецкие оккупационные газеты в Волыни аналогично транслировали антисемитские идеи украинской общественности. «Украинский голос», «Наши вести», «Ковельские вести», «Гороховские вести» пестрели заголовками, твердящими в один голос: «Евреи — бациллы разложения!» «Евреи — величайший враг человечества!»⁶⁶ Улас Самчук, редактор главной газеты Рейхскомиссариата Украины «Волынь», издаваемой в Ровно, открыто призывал к уничтожению украинских евреев. В сентябре 1941 г. Самчук писал: «Все [иностранцы] элементы, проживающие на нашей земле, будь то евреи или поляки, должны быть уничтожены. В этот самый момент мы решаем еврейский вопрос, и это решение является частью плана [Рейха] по полному переустройству Европы»⁶⁷.

Решение об уничтожении всех евреев в Ровно и ближайших окрестностях — роковой переход от Massenmord (массовых убийств) к Endlösung (окончательному решению) — произошел в центральной Волыни раньше, чем в большинстве оккупированных немцами восточных областей. Во многом решение об уничтожении всех местных евреев диктовалось намерением Рейхскомиссара Эриха Коха создать операционную базу Рейхскомиссариата Украина в Ровно к первому сентября 1941 г.

Автоматической неотложной задачей стала максимальная «очистка» новой столицы от евреев — как в качестве примера для других областей, так и в практическом смысле: устранение евреев являлось способом освободить квартиры и офисы для вновьприбывающего штата немецких служащих. Результат? Более восьмидесяти процентов оставшихся ровенских евреев — 17 500 взрослых, а также более 6000 детей, будут казнены всего за три дня, с 7 по 9 ноября 1941 г. В лесу Сосенки, в четырех километрах к востоку от города, были заранее подготовлены две площадки: на одной из них 17 500 евреев были убиты и сброшены в ямы; более 6000 еврейских детей убили в другом месте поблизости.

В меморандуме ноября 1941 г., составленном командующими Einsatzgruppe С, под названием «Ситуация и настроения в Волыни», содержалась эпитафия на тему того, почему было необходимо уничтожить восемьдесят процентов ровенских евреев посредством одной операции: «Параграф 4: Евреи. Нет нужды особо подчеркивать, что коммунистические агитаторы получали мощную поддержку со стороны евреев. В существующих условиях было важно остановить деятельность евреев в Волыни и лишить таким образом большевизм самой плодородной почвы. Истребление евреев, которые, вне всякого сомнения, бес-

полезны в качестве рабочих и более вредны как носители бациллы коммунизма, было необходимо⁶⁸.

Как правило, планированием подобных акций занимался Фридрих Еккельн, высокопоставленный руководитель СС и полиции юга, ставленник Гимmlера, продемонстрировавший огромное рвение на ниве безжалостного уничтожения советских евреев. Но в начале ноября 1941 г. Еккельн уехал в Латвию, на смену которому вскоре пришел Ганс-Адольф Прютцман. Следовательно, кровавая расправа в Ровно была организована Отто фон Оельхафеном, командующим полицией порядка Рейхскомиссариата Украина⁶⁹. Ее осуществление было поручено отдельному формированию из Einsatzkommando 5 (под командованием штурмбаннфюрера СС Германа Линга (1899–1945)), частям немецкой СД (Sicherheitsdienst, служба безопасности) в Ровно, а также украинской вспомогательной полиции и местной военной администрации. Ход всей операции координировался с комиссаром Ровенской области (Gebietskommissar) доктором Вернером Беером⁷⁰. Согласно историку Шмуэлю Спектору, рвы в лесу Сосенки были заранее вырыты русскими военнопленными на месте казни, расположенном в сосновом лесу приблизительно в четырех километрах к востоку от площади Грабника, прилегающей к Покровскому собору в центральной части Ровно.

Информация о приготовлениях к операции по массовому уничтожению неизбежно просочилась. В лагере для военнопленных в Ровно советский военнопленный тайно передал скомканный листок с сообщением для советской подпольной партизанской организации: «Вчера нас вывезли за пределы города. В поле возле [леса] Сосенки нас заставили рыть огромные рвы. Мы подозреваем, что они готовят массовый расстрел. Попытайтесь узнать, что происходит и сообщите [нам]. Возможно, мы рыли собственные могилы. Из-за этого, в лагере есть определенные основания для значительных волнений»⁷¹.

В начале 1960-х гг. западногерманская прокуратура в Дортмунде организовала расследование деятельности всех полицейских формирований, принимавших в годы войны участие в расправах в Ровно и окрестностях. В своем масштабном исследовании формирований полиции порядка и их деятельности в период войны Вольфганг Курилла определил пять основных формирований, ответственных за ровенское кровопролитие: Einsatzkommando 5, 320-й полицейский батальон, 1-я рота 33-го резервного полицейского батальона, 315-й полицейский батальон и украинская милиция⁷². 315-й полицейский батальон был в числе формирований, в первую очередь, ответственных за периметр расстрельной площадки с целью предотвращения побегов евреев. Основной силой, ответственной за расстрелы, был 320-й полицейский батальон, хотя среди стрелков наиболее выделялись бывшие советские граждане, представители местной украинской вспомогательной полиции.

В 1944 г. сержант 7-й роты 11-го полицейского батальона Герман Больц настаивал на советских допросах, что основной силой, ответственной за расстрелы, был 320-й полицейский батальон⁷³. 1-я рота 33-го резервного полицейского батальона была также известна как Ostlandkompanie, в состав которой входили, в основном, представители эстонских Volksdeutsche — этнических немцев в Эстонии, которые в 1940–1941 гг. бежали от советской оккупации в Германию⁷⁴.

Einsatzkommando 5 была частью Einsatzgruppe C, в составе примерно 80–100 бойцов СД, сформировавших подразделение Einsatzkommando 5C (которое было расформировано за несколько дней до расправы)⁷⁵.

ПРЕЛЮДИЯ

Командир советских партизан в Ровенской области Терентий Новак написал, что его тайный агент Иван Луця прибыл в еврейский квартал Ровно как раз перед Aktion в ноябре 1941 г., где он сообщил двум знакомым студентам, Либерману и Мальве Гольдберг, о запланированной ликвидации ровенских евреев. Новак надеялся поднять восстание в еврейских районах, но (согласно Новаку), еврейские старейшины отказались подстрекать пленников к бунту: «Зачем вы вселяете страх в сердца нас, несчастных людей? Наши люди прогневали Господа нашего Бога, и Он послал Гитлера как кару за наши грехи. Бороться против воли Всевышнего неправильно. Мы должны терпеть, тихо переносить все мучения вне зависимости от их тяжести». Молодая еврейка Мальва Гольдберг, слышавшая мрачное предупреждение Луця, обещала распространить новость о надвигающейся расправе. Следующей ночью Новак сам отправился в еврейский квартал и встретился с Гольдберг, которая начала безудержно рыдать у него на руках, жалуясь, что никто не соглашался сопротивляться вызову — потому, что они верили в Бога, потому, что они слишком боялись или просто потому, что они не верили в историю девушки о своей надвигающейся гибели.

Несмотря на неудачу, Новак обратился за помощью к Либерману, чтобы убедить запуганных людей сопротивляться. Либерман отказался внимать предупреждению, настойчиво утверждая, что подобное массовое убийство невинных граждан было бы беспрецедентным, и распространение слухов лишь излишне расстроит ровенских евреев. «Даже нацисты, при всей своей жестокости, никогда не опустились бы до такого варварства». Новак встретился с адвокатом, который хорошо знал Гольдберг. Он также отреагировал на новость отрицательно: «Кто вы такие, и откуда вы узнали такие... зловещие известия?! Почему мы должны вам верить? На каком основании? Ваша информация это [не что иное, как] провокация». Адвокат был убежден, что подобное восстание спровоцирует ту самую акцию ликвидации, которую Новак и его люди пытались предотвратить. Когда Новак в гневе продолжил настаивать, евреи пригрозили сообщить о нем полиции, и он был вынужден уехать. Тем не менее, вероятно, что многие евреи, которые утром седьмого ноября отправились на площадь Грабника, прекрасно понимали, что им угрожала неминуемая смерть⁷⁶. Слухов о надвигающемся Aktion было множество и по мере того как приближался час отбытия, мрачные предчувствия усиливались.

Это предположение подтверждается Барбарой Барац, которая была убеждена, что истинная цель собрания евреев седьмого ноября была хорошо известна лидерам ровенской еврейской общины. Выжить в Aktion можно было, оставшись в городе, но это зависело от наличия действующего удостоверения о работе. Барац вспоминала, что в дни после Aktion в ровенской еврейской общине вспыхивали многочисленные конфликты: «Очевидно, что богачи были первы-

ми, кто получил те бумаги, а некоторым настоящим мастерам и специалистам не всегда везло подобным образом... Стало ясно, что большинство людей, имевших удостоверения квалифицированных рабочих, получили их путем взятки. Настоящие мастера погибли. Так что это было бурное собрание, на котором все кричали, дрались и сыпали проклятиями»⁷⁷. У Барац не было действующего удостоверения о работе, но она со своей дочерью решила остаться. Они выжили лишь благодаря тому, что одни находчивые соседи разместили иконы на окнах их квартиры на первом этаже, сообщая таким образом немцам, что в доме жили христиане⁷⁸.

РЕЗНЯ В ЛЕСУ СОСЕНКИ⁷⁹

Ранним утром в пятницу, седьмого ноября 1941 г., советский партизан Терентий Новак со своим отрядом в последний раз попытался открыть ровенским евреям глаза на происходящее. Но было слишком поздно. Находясь на окраине еврейского квартала, Новак наблюдал, как немцы осветили район прожекторами. А затем солдаты и полиция кольцом окружили весь квартал. «На восходе солнца стрельбу можно было услышать в направлении железнодорожных путей. Собаки выли, был слышен звук разбивающегося стекла, крики немцев смешивались с возгласами женщин и детей. Затем постепенно все стихло. А час спустя городская площадь [Грабника] начала заполняться людьми. Жандармы и полиция вели всех жителей гетто [по направлению к площади]. Было очевидно, что многих подняли с постелей, полураздетых и напуганных. Матери безуспешно пытались согреть дыханием своих чад. Молодые несли стариков на руках. Тишина витала среди ссутулившихся плечей и опущенных голов в многотысячной толпе сильно напуганных людей на площади. Приближаясь со стороны тротуаров и соседних зданий, несколько плотных эшелонов солдат оцепили площадь, полиция и жандармы в черных пальто»⁸⁰.

Днем в четверг, шестого ноября 1941 г., немецкий Рейхскомиссариат в Ровно опубликовал постановление, согласно которому всем евреям без удостоверений о работе — вне зависимости от пола, возраста, профессии или места работы — было необходимо явиться на площадь Грабника следующим утром, в пятницу седьмого ноября, в двадцать четвертую годовщину Великой Октябрьской революции врагов-коммунистов. Евреев призывали взять с собой все необходимое, включая продукты питания, не превышая десяти килограммов на человека.

Еврей Эдуард Розенберг, родившийся в 1893 г. в Латвии, во время массового убийства проживал в Ровно. Его приведенное ниже свидетельство, датированное 21 ноября 1944 г. и предоставленное в рукописном показании под присягой, сообщает общую версию событий, происходивших в Ровно в ноябре 1941 г.: «Вечером шестого ноября [1941 г.], были розданы уведомления о том, что все люди без удостоверений с их места работы должны были на следующий день, седьмого ноября, в шесть часов утра явиться на площадь на [улице] Грабника с трехдневным запасом еды.

Полагая, что немцы собирались их депортировать, люди брали с собой все свое самое лучшее, самое ценное имущество. Рано утром на следующий день было еще темно, когда тысячи людей заполнили улицы, направляясь к площа-

ди Грабника. Шли женщины с детьми, старики, молодые мужчины с младенцами на руках.

Когда на площади собралось семнадцать тысяч человек, внезапно, откуда ни возьмись, появились немецкие и украинские полицейские, вооруженные автоматами Томпсона, которые окружили всю площадь двойным кольцом. Они приказали людям на площади оставить все свои вещи. Затем [полицейские] стали гнать их, как скот через поле к месту под названием лес Сосенки, расположенный в четырех километрах от Ровно. В лесу Сосенки уже была приготовлена огромная яма. Обреченным людям приказывали раздеться и встать на краю ямы. Обнаженных людей расстреливали из автоматов Томпсона.

Некоторые пытались убежать, но были застрелены, и остальных заставили нести их тела к яме. Бойня продолжалась день и ночь в течение трех дней⁸¹.

«Возле ям чиновники ровенского Gebietskommissariat, либо местной административной комиссии, деловито регистрировали имена жертв, собирали и инвентаризировали их документы и ценности»⁸². В довершение к более чем 17 тыс. взрослых на одном месте массового захоронения, в результате советских судебных расследований после войны, поблизости было обнаружено другое место захоронения с приблизительно шестью тысячами еврейских детей. В то время как большинство взрослых, как правило, расстреливали в затылок, большинство детей убили, сломав им шеи, либо они были буквально заживо похоронены под весом других тел⁸³.

Сколь бы ужасным ни был данный обзор, это свидетельство не в состоянии передать реальный ужас того, что происходило в Ровно в течение трех дней и ночей в ноябре 1941 г. Сцена массового убийства никоим образом не является контролируемой ситуацией. «В тот день стояла очень плохая погода. Шел снег вперемежку с дождем. Дороги были очень грязными»⁸⁴. Более двадцати тысячам ровенских евреев, собранным на Кафедральной площади на улице Грабник холодным промозглым зимним днем седьмого ноября 1941 г., — мужчинам, женщинам, детям, пожилым, больным, немощным — приказали свалить свои тюки в кучи в начале площади. 43-летняя полячка Эмилия Раблинска жила в доме номер четыре по улице Грабник, непосредственно напротив площади. Она в ужасе наблюдала за происходящим из окна своей квартиры: «Еще до рассвета седьмого ноября, когда было еще темно, и сильный ветер дул ослепляющим снегом с дождем, толпы из тысяч людей потянулись к Кафедральной площади со всех соседних улиц. Были целые семьи, они несли тюки, чемоданы, еду. Женщины несли детей на руках. Пожилых и больных вели под руку»⁸⁵. «Повсюду слышалось: 'Schnell! Schnell! Juden!' [Быстро! Быстро! Евреи!]. Офицеры, для развлечения, били палками или пинали любого, стоящего рядом»⁸⁶.

По задумке, ровенская резня была жуткой пародией на советский парад — седьмое ноября, в конце концов, было 24-й годовщиной «Великой Октябрьской революции», самого священного «праздника» «еврейских большевиков». Таким образом, массовый Aktion умышленно приобретал карнавальный оттенок.

События следующих трех дней и ночей были Армагеддоном как для жертв, так и для свидетелей. очевидцы вспоминали нескончаемые стенания толпы,

выкрикивание молитв, громкие вой и плач, ядовитые насмешки охранников. На всем пути, от Кафедральной площади до места казни в лесу Сосенки, были разбросаны трупы. Сорокалетняя Мария Демчишина, этническая украинка, вспоминала, что «всех оставшихся [евреев], кто не покинул свои квартиры, выгоняли дубинками на площадь немецкие СС». Ее муж с другом пошли в сосенский лес, чтобы узнать, «что немцы сделают с евреями». «В тот день стояла очень плохая погода. Шел снег попеременно с дождем. Дороги были очень грязными... Евреи тихо шли к [лесу] Сосенки, а тех, кто не мог идти — особенно маленьких детей — немцы пристреливали по дороге. [В результате], в то время вдоль дороги к Сосенкам лежало очень много трупов — женщин, мужчин, и особенно много мертвых тел детей. Немцы безостановочно расстреливали евреев в течение трех дней и ночей»⁸⁷.

«В то утро стоял сильный мороз, было очень ветрено, шел сильный снегопад. Издалека я видел собравшихся евреев, которые стояли и замерзали. Место оцепило множество немецких охранников и украинских полицейских»⁸⁸. Участники марша превратили землю под собой из мокрого снега в грязное месиво. Вдоль пути воздух пропах зловонием человеческого страха: из рвоты, мочи, фекалий, пота. На протяжении последних одного-двух километров жертвы могли фактически слышать звуки с места казни: безумные крики жертв, оружейные залпы, которые разрушали какие-либо иллюзии о том, что шагающие в колонне переживут тот день. «Были слышны ужасающие крики и стоны»⁸⁹. «Крики были настолько громкими, что их можно было услышать в городе»⁹⁰.

В своем совместном письменном показании под присягой от января 1946 г., хранящемся в архивных фондах Еврейского исторического института в Варшаве, очевидцы событий — ровенские евреи Адела и Инда Либерман (дочери Макса и Файги Либерман) предоставили собственное свидетельство о насилии в Ровно⁹¹. Будучи всего пятнадцати и тринадцати лет от роду в 1941 г., сестры рассказывали, как ровенских евреев «погнали к [лесу] Сосенки, но им не разрешалось идти по дороге. Вместо этого они были вынуждены идти через болота, в результате чего многие там увязли. Большинство добралось до Сосенок. Там их ждали могилы десять метров длиной и один метр шириной. Немцы и украинцы бросали в могилы по двадцать евреев за раз, затем стреляли только в некоторых из них, так что многие даже не были ранены. Потом они выливали на евреев кислоту, засыпали их грязью и бросали новый слой [евреев]. Таким образом, в одной могиле было много слоев. Тех, кто увяз в болотах, вытаскивали, привязывая за руку или за ногу к грузовикам, и таким образом волокли к могилам и там хоронили. Маленьких детей закалывали штыками, а затем бросали в могилы. На выполнение операции потребовался целый день»⁹².

Очевидцы-неевреи с ужасом вспоминали, что зрелище было настолько невероятным, настолько превосходящим любые представления об аде в собственном воображении, что некоторые евреи буквально сходили с ума — размахивающие руками, с пенящимися ртами, истошно кричащие — они должны были быть усмирены: либо близкими, либо незнакомцами, либо ружейным прикладом, либо пулей. Семен Шолопа, этнический украинец из Дрогобычской

области, вспоминал: «Когда евреи видели, что будут застрелены, они начинали плакать, в особенности, плакали маленькие дети. Они умоляли гестаповцев пощадить и не стрелять в них»⁹³. Неизбежно некоторые евреи пытались сбежать. Одиночек догоняли, подстреливали, избивали, а затем волочили назад к яме в качестве примера для остальных. Группы беглецов обычно уничтожались ручными гранатами или очередью из автомата Томпсона⁹⁴.

Точно так же, как среди жертв, существовали те, кто пытался прорваться сквозь кольцо охраны, окружавшее площадь, или на протяжении четырехкилометрового пути, который жертвы были вынуждены преодолевать, направляясь к месту массового убийства в лесу Сосенки, среди охранников были те, кто легче, с большей готовностью переходили границы, с большим садистским наслаждением, нежели остальные. Эмилия Раблинска рассказала историю еврейки по фамилии Фришберг, которая сумела сбежать из леса Сосенки, но была поймана и убита полгода спустя: «Она сказала мне следующее: Они заставляли людей идти к ямам друг за другом, а затем расстреливали их из автоматов Томпсона. Некоторые были только ранены, но их заживо бросали в ямы. Позже казалось, что ямы, в буквальном смысле, шевелились. Ночью они разделяли людей на небольшие группы, расстреливали и сбрасывали в ямы. Этот кошмар продолжался в течение еще двух дней и ночей»⁹⁵.

Другим очевидцем Aktion 7–9 ноября 1941 г. был Авраам Кишнер: «Пятого ноября 1941 г. на здании Юденрата появилось распоряжение, что все те, у кого отсутствовали рабочие карточки, на следующий день должны были собраться на улице Лизы Кули, взяв с собой все, что они захотят для своей эвакуации за городские пределы Ровно. Беременным женщинам, детям, больным и пожилым людям обещали предоставить специальные автомобили. Мы были предупреждены о том, что если мы не появимся в шесть утра [утром седьмого ноября, то] будем убиты.

Люди были абсолютно не готовы к тому, что должно было произойти. Никто не знал о каких-либо Aktion, и все явились на место сбора. 17 500 человек были готовы к переселению. В тот день все, имевшие рабочие карточки, были освобождены от работы, под страхом смертной казни им не позволялось выходить на улицу. Если глава семьи имел рабочую карточку, он имел право оставить при себе жену и двоих детей, но третий ребенок был обязан явиться на место сбора.

Некоторые шли вместе со своими детьми, несмотря на то что имели рабочие карточки. Другие спрятали своих детей. Кое-кто оставил своих детей на попечение других. Как только все явились на место сбора, патрули СС, словно бандиты, стали ходить от дома к дому, вооруженные топорами, револьверами и огнеметами. Они обыскивали дома, грабили что могли, а когда находили тех, кто скрывался без рабочей карточки, их выволакивали из дома и убивали. Если в доме скрывался третий ребенок, они, не раздумывая, его расстреливали. Я был свидетелем того, что произошло в доме через дорогу, принадлежащем семье Цитрины, где они нашли третьего ребенка восьми месяцев — сестру Цитрины, которая отправилась на место сбора одна и не захотела брать с собой своего ребенка потому, что было холодно, и в некоторых местах уже собирался снег. Тогда немцы, в качестве наказания, взяли родного сына Цитрины и, не

обращая внимания на мольбы отца, бросили его на землю лицом вниз и застрелили.

Когда этот приказ [собраться седьмого ноября на площади Грабника] появился на стенах, люди потеряли головы. Их начало одолевать предчувствие, что грядет что-то плохое. И все же, никто не мог представить всеобщую трагедию, которая их ожидала. Люди бежали к Юденрату, но он был закрыт. Вместе с плачем и страхом, среди евреев распространилась паника. Некоторые пытались сбежать из города, но все дороги были блокированы армией...

Люди шли с мешками, одеялами и постельными принадлежностями, [несли дополнительную] одежду для детей и все остальное, без чего, как они полагали, было не обойтись. Некоторые пытались спрятаться в потайных местах, в то время как другие спрашивали совета у друзей, как им поступить. Люди были полностью дезориентированы.

В нашем доме стояла дилемма: моя семья не хотела оставаться со мной потому, что ходили слухи, что все квалифицированные рабочие будут отправлены в сердце Германии. Поэтому они предпочли пойти, так как полагали, что будут отправлены в лагерь в Шапкове (Szarkowa), который находился примерно в десяти километрах от Ровно. Несмотря на то что в то время моя мать была больна, у нее была температура 38°, она собралась и ушла вместе с моим отцом, сестрой и четырнадцатилетним младшим братом. Мой младший брат был таким красивым и зрелым, что выглядел на шестнадцать лет. Он умолял позволить ему остаться со мной. Но поскольку он был слишком молод, чтобы получить собственную рабочую карточку, я опасался, что если они придут и не обнаружат у него карточки, то его расстреляют.

Прощание было ужасным, поскольку члены нашей семьи были очень близки друг другу, и мы не хотели расставаться. Хотя моя мать и не предвидела грядущих ужасающих событий, ей было трудно оставлять меня одного. Она советовала мне остаться, так как полагала, что, возможно, тогда у меня будет больше шансов выжить потому, что я был молод и силен.

И вот так шли они все. Все подготовились к путешествию — брали с собой, что могли. Погода была ужасной, намного хуже, чем обычно для такого времени года. Рано утром было холодно и ветрено, шел снег с дождем. Люди шли по улицам длинными колоннами, тянувшимися от каждой улицы, неся все свои вещи и детей. Пожилой человек с тростью в руке шел со своей женой, на нем был tallit (еврейский платок для молитв). Евреи постарше шли по улице с мешками и тюками за спиной. Люди в домах прощались с теми, кто оставался. Отовсюду раздавались плач и стоны.

Те, кто выжил в тот день седьмого ноября, никогда не смогут стереть память о нем из своих сердец»⁹⁶.

Будучи вынужденным оставаться дома в квартире своей семьи, Киршнеру пришлось соединять воедино то, что случилось впоследствии, по свидетельствам около тридцати выживших после резни, которая происходила в последние часы и дни.

«На площади Грабника, на территории общественного парка возле улицы Лизы Кули, собралось приблизительно 17 500 человек. Около тридцати [из этих] людей смогли [в результате] сбежать и рассказать о том, что там произошло.

Люди стояли под дождем и снегом, либо сидели в грязи до одиннадцати часов утра, когда прибыл [Рейхскомиссар] Эрих Кох с группой эсесовцев и доктор Бесрем [доктор Беер] из администрации губернатора. [Кох приблизился] к кафедре, размещенной на площади, чтобы произнести речь.

Лживый у блюдок сказал людям, что переселения можно избежать, если они расстанутся со всеми своими ценностями и деньгами. Были поставлены ворота, перед которыми [немцы] поместили коробку. Все было сделано с характерной немецкой безупречностью. Люди должны были пройти через ворота и оставить все свои ценности под страхом смертной казни. Так что они оставляли все, чтобы не быть застреленными. Когда все прошли, во второй раз объявили, что евреи должны оставить все, что они принесли с собой, даже туки и чемоданы, после чего им будет позволено вернуться домой.

Было добавлено бесчисленное количество вещей, насыпь из них ежеминутно росла. Когда [у евреев] отняли все, прибыл батальон вооруженных «героев»-эсесовцев. Они стали отделять детей, молодежь и стариков, говоря, что дети и пожилые люди будут перевозиться на грузовиках. Не все бросали своих детей. После разделения эсесовцы начали силой гнать пожилых людей.

Недалеко от места сбора находился лес. В этих лесах, в нескольких метрах друг от друга, были вырыты траншеи. Возле этих траншей были спрятаны пулеметы. Детей, одних, силой толкали в другом направлении, бросали в траншею вместе с гранатами, а затем засыпали грязью. По воспоминаниям местных украинцев, [этнических] поляков и некоторых [евреев], которые каким-то чудом смогли избежать этой резни, земля под слоем грязи еще шевелилась: многие из детей были похоронены заживо. Затем солдаты, вооруженные автоматами Томпсона, начали силой толкать вперед стариков: “Jude lauf!” — “Беги, еврей!” Тех, кто не бежал достаточно быстро, расстреливали. Некоторые бежали один-два километра, в то время как другие, слышавшие выстрелы, останавливались и говорили, что им все равно, и их также расстреливали.

К вечеру немецкие герои начали расстрелы. Они осветили всю территорию прожекторами и стреляли по беззащитной толпе. Стрельба длилась всю ночь и следующий день, до полудня. Нескольким десяткам [евреев] удалось избежать массового убийства. Я знаю пятерых человек, которые спаслись.

Один из них рассказал мне, что он выжил со своими женой и ребенком, так как в определенный момент сказал им лечь на землю и притвориться мертвыми. Мгновение спустя они почувствовали, как на них сверху падают тела. На него упала окровавленная женщина, которая была застрелена. Всю ночь они пролежали под мертвецами. Затем эсесовцы стали наступать ботинками на лежащие трупы и бить тела палками, чтобы удостовериться, что никто не закричит. Когда кто-нибудь вскрикивал, его добивали. Моего друга ударили палкой, но он не издал ни звука. Но когда эсесовцы били его жену, она, не думая, придвинула своего ребенка ближе к себе, от чего ребенок закричал. Эсесовец сделал несколько выстрелов, убив жену и ребенка [моего друга].

Он пролежал под телами два дня. На третий день он вылез и побежал к себе домой. Другой друг два дня пролежал во рве. Ему также удалось спастись. Еще один выжил, но эсесовцы заметили его, когда он бежал вниз по холму, и стали стрелять. Он нырнул в глубокую выгребную яму, но утонул⁹⁷.

В то время Либелю Гальперину было всего четырнадцать. Он оказался среди евреев, которые вылезли из ям в Сосенках:

«Окруженные вооруженными охранниками, мы в течение долгого времени стояли, трясясь от холода и ветра, пока они не начали направлять группы людей во рвы под градом пуль. А затем настала наша очередь. Я дрожал, я знал, что это был конец и сказал своему отцу: “Может, мне стоит убежать, отец, попытать своего счастья”. Отец ответил: “Пули настигнут тебя, Либель, спасения нет”. Я сказал: “А если я останусь здесь, Отец, пули не настигнут меня?” Я все еще говорил [со своим отцом], когда нас сбросили в ров, вокруг и над нами зашвыряли пули. Я упал в ров на трясущиеся тела, а другие упали на меня. Я не видел своего отца; я был в состоянии шока и не знал, был ли ранен пулями. Я придвинулся к боковой стороне рва и прижался к земле. Это все, что я помню. Ров наполнялся все больше и больше, и выстрелы стихли, крики также прекратились, я чувствовал, как на нас сыпется земля.

Вместе с несколькими другими ранеными я начал медленно продвигаться, чтобы выбраться из-под слоя земли, который нас накрывал, но не все были в силах подняться. Приложив нечеловеческие усилия, мы выбрались — лишь немногие из нас — из рва смерти. Мы не знали, что делать и куда идти. Вокруг нас царила мертвая тишина; вокруг не было ни души. Боясь поднять головы, мы лежали на земле. Выстрелы и крики того дня все еще звенели в моих ушах»⁹⁸.

В течение многих часов Гальперин полз через лес, отчаянно надеясь не быть обнаруженным и застреленным. Затем он побежал по направлению к Александрии, деревни, где у него были друзья-евреи, которые могли его спрятать. В итоге он присоединился к группе еврейских партизан и пережил войну в лесах.

Во время и после войны еврейка Лиа Бодкиер (родившаяся в Ровно в 1923 г.) носила псевдоним Кристина Новаковска. С десятого класса она была лучшей подругой Чаи Мусман, в 1939-1940 гг. они вместе обучались в еврейской женской гимназии г. Ровно. Новаковска потеряла 18 членов семьи в лесу Сосенки и едва спаслась сама. Ее свидетельские показания в рукописном аффидевите, датированном 30 ноября 1944 г., о событиях в лесу Сосенки, вероятно, являются наиболее полными из доступных нам описаний трагических событий:

«[6] ноября [1941 г.] были распространены уведомления о том, что люди еврейской национальности без удостоверений с места работы (так называемые *Arbeitsschainov*) были обязаны явиться на следующий день, а именно, [7] ноября 1941 г., в шесть часов утра на Кафедральную площадь на [улице] Грабника для эвакуации из города. До шестого ноября в городе ходили слухи, что нас всех собирались куда-то депортировать. Ни у кого даже в мыслях не было, что нас собирали, чтобы расстрелять.

[7] ноября вся наша семья — отец, мать, сестра, двоюродный брат, дядя и тетя — направились к Кафедральной площади на [улице] Грабника. Падал влажный снег, дул пронизывающий ветер. Было еще темно, но тысячи людей шли отовсюду по направлению к площади сквозь шторм и плохую погоду.

Кроме евреев, на улицах не было никого, из-за того, что приказом городского руководителя (*Gebeitskommissar*) была создана необычная ситуация. Кроме

того, на улицах еще действовал комендантский час для людей нееврейской национальности.

Мужчины несли вещи, связанные в узлы, на своих плечах — немцы решили нам взять с собой ценные вещи и запас еды. Женщины шли, держа на руках детей. Старики тоже шли, здоровые несли больных на руках.

Ближе к десяти часам утра мы наконец достигли площади. Еще до того, как выйти на площадь, люди начали ощущать что-то неладное — все прилегающие улицы были оцеплены СС и [местной украинской] полицией.

Было невозможно развернуться и пойти назад — полиция бы этого не позволила, а люди были [стиснуты] в такую плотную массу, что даже не было пространства, чтобы сдвинуться, не говоря о том, чтобы [пытаться] идти против потока. Подталкиваемые сзади и не наблюдая полиции, мы погружались в своего рода безумие.

Где-то между полуднем и часом дня площадь настолько заполнилась людьми, что больше не осталось свободного места. Немец взобрался на пригорок и через мегафон сообщил толпе собравшихся, что они должны оставить здесь в куче на площади все, что они принесли с собой: котомки, тюки, чемоданы, свертки и т. п.

Спустя полчаса из подобных вещей выросло несколько груд. Затем нас повели вдоль двух дорог к деревне Сосенки, расположенной приблизительно в двух с половиной километрах [пути] от города. Теперь нас сопровождало тройное оцепление из [местной] полиции и СС. Возможность побега отсутствовала.

Когда мы подошли к Сосенкам, то поняли, что шли навстречу своей смерти. Моим глазам предстала кошмарная сцена, та, от которой у меня кровь стынет даже сейчас [спустя более трех лет], хотя угроза смерти давно миновала.

Ров был где-то сто метров длиной. Через яму были переброшены бревна. На бревнах, затылками к нам, стояло десять-двадцать человек. Длинная очередь из автоматов Томпсона — и люди попадали в яму как скошенные початки [кукурузы].

Недалеко от рва было еще несколько ям. Всех заставляли полностью раздеться и подойти к краю ямы — мужчин и женщин по отдельности. Каждый [палач] практиковал свой собственный, особый вид убийства: некоторые выстраивали своих жертв в линию вдоль края ямы лицом вперед, и немцы по очереди стреляли каждому в затылок. Другие ставили своих жертв на колени перед ямой, в то время как прочие заставляли своих жертв бежать к яме и стреляли в них, когда они приближались к краю, и так далее.

Некоторые бросали маленьких детей в ямы живыми, в то время как другие швыряли их в воздух и расстреливали в полете. Все это сопровождалось смертельными стонами и криками умирающих и смехом палачей. Если один из обреченных пытался убежать в сторону, они застреливали его. Работая таким образом в течение примерно двух часов, немец подходил к столу, выпивал стакан водки, закусывал бутербродом с колбасой, а затем снова продолжал свою мерзкую работу.

С наступлением ночи, голая, и в полном изнеможении от того, что видела, я потеряла сознание. Той ночью я спаслась каким-то чудом: я проползла между

рядами полиции и добралась до своих друзей, которые жили на краю города. Вся моя семья и родственники были расстреляны вместе с восемнадцатью тысячами ровенских евреев.

Я не знаю имен палачей — там были эсесовцы, Гестапо, украинская полиция. Расстрел продолжался в течение почти трех дней⁹⁹.

Юрек Новаковски попытался спасти Лию и ее младшую сестру Мину, скрывая их на чердаке дома своей матери. «Накануне 'Action' мне удалось уговорить свою мать оставить двух еврейских девушек в нашем доме... К сожалению, к тому времени, как моя мать согласилась, был уже поздний вечер, и на полпути к дому Лии я наткнулся на полицейский патруль. Когда на следующее утро [7 ноября] я пришел в квартиру Бодкиеров, она уже была опечатана. Я был в отчаянии, и [моя сестра] Джидка сказала, что я даже был 'зеленого цвета'¹⁰⁰. Спустя несколько часов, наблюдая из окон квартиры своей матери, расположенной напротив собора в доме номер три по Замкнутой улице, Юрек Новаковски позднее вспоминал, что ровенские горожане наблюдали за всем, что происходило на площади Грабника: огромная толпа нееврейских граждан собралась за пределами полицейского кордона. После того как евреи ушли, горожане налетели на груды чемоданов и других еврейских ценностей и схватились в рукопашной, которая продолжалась достаточно долго. Они уволакивали все, что могли унести. В конце концов, полиция произвела выстрелы в воздух, чтобы разогнать толпу¹⁰¹.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

ПУБЛИКАЦИЯ НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА: BURDS J. HOLOCAUST IN ROVNO: THE MASSACRE AT SOSENKI FOREST, NOVEMBER 1941. PALGRAVE MACMILLAN, 2013.

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ДМИТРИЯ БЕЛЬКОВА.

¹ При спонсорской поддержке Исследовательского института идиша YIVO в Нью-Йорке.

² *Jan Tomasz Gross, Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia* (Princeton: Princeton University Press, 1988): 43. Для понимания насилия между соседями в Восточной Европе, см.: *Jan Tomasz Gross, Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland* (Princeton: Princeton University Press, 2001); *Shimon Redlich, Together and Apart in Brzezany: Poles, Jews, and Ukrainians, 1919-1945* (Bloomington: Indiana University Press, 2002).

³ *Christopher R. Browning, The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939—March 1942* (Lincoln: University of Nebraska Press, 2004): 291-293.

⁴ *Emanuel Levinas, Totality and Infinity: An Essay on Exteriority* (Pittsburgh: Duquesne University Press, 1969): 21. Я признателен антропологу колледжа Маунт-Холиок Эндрю Лассу за то, что он обратил мое внимание на это исследование много лет назад во время доклада, который он делал в Йельском университете.

⁵ Большинство ученых сходится во мнении, что имеются определенные опасения относительно достоверности советских коллекций по многим аспектам Второй мировой войны. Однако данные возражения в большей степени касаются напечатанных и отредактированных версий оригинальных рукописных свидетельств, нежели самих свидетельств. См. дискуссию в: *Marina Sorokina, People and Procedures: Toward a History of the Soviet Investigations*

- of the Nazi War Crimes // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 6, N 4. Fall 2005. P. 797–831.
- ⁶ Три предварительных отчета сохранились в американском Национальном управлении архивов и документации: NARA, RG226 OSS Classified Sources & Methods Files, Entry 210, Box 175, Folder 6: “Report about a stay in a P.W. camp,” Document #007902/002 (8 печатных страниц); “What German P.W.s think about the war,” #007902/003 (10 печатных страниц) “Report about one week’s life and experiences in a P.W. camp,” #007902/004 (11 печатных страниц). Все без даты. Цит. по: NARA, RG226, Entry 210, Box 175, Folder 5, “Report about one week’s life and experiences in a [German] P.W. camp,” Секретно, рассекречено в 1994 году.
- ⁷ “Report about a stay in a P.W. camp,” Секретно, без даты (январь, либо февраль 1945 г.). NARA, RG226, Entry 210, Box 175, Folder 6, Document Number 007902/002, p. 6.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Лучшее исследование украинских оккупационных газет — Українське життя в умовах німецької окупації (1939–1944 рр.): за матеріалами україномовної легальної преси / *Костянтин Курилишин и Ярослав Дашкевич* (Львів : Львівська національна наукова бібліотека імені В. Стефаніка, 2010); *Огороков, А. В.* Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны (Москва: Русский путь, 2007); Robert Edwin Herzstein, “Anti-Jewish Propaganda in the Orel Region of Great Russia, 1942–1943: The German Army and Its Russian Collaborators,” *Simon Wiesenthal Center Annual* Vol. 6 (1989): 33–55; *Сергей Кудряшев и Любовь Кудряцева*, сборн. “О всех подозрительных лицах сообщайте немедленно...”, *Источник: Документы русской истории* (1993), н.2: 89–93; *Johannes Schlootz and Babette Quinkert*, eds. *Deutsche Propaganda in Weissrussland: 1941–1944; eine Konfrontation von Propaganda und Wirklichkeit; Ausstellung in Berlin und Minsk* (Berlin: Free University, Fachbereich Politische Wiss., 1996); и Babette Quinkert, “‘Hitler, der Befreier!’ Zur psychologischen Kriegsführung gegen die Zivilbevölkerung der besetzten sowjetischen Gebiete 1941–1944,” in *Bulletin für Faschismus und Weltkriegsforschung* (Heft 14, 2000): 57–83. О немецкой антиеврейской пропаганде и подстрекательстве к антиеврейским действиям в первые дни войны, см.: *Жанна Ковба*, Людяність у безодні пекла: поведінка місцевого населення Східної Галичини в роки «остаточного розв’язання єврейського питання», (Київ: Дух і літера, 2009): 70–76, 100–101; *Bogdan Musial*, “Kontrevolutionäre Elemente sind zu erschossen”: die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges in Sommer 1941 (Berlin: Propyläen, 2000): 200–210.
- ¹⁰ Письменное показание под присягой доктора Леонарда Дубинского (род. в 1881 г.), 25 ноября 1944 г., Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. Р-7021 Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, оп. 71, д. 40, л. 40.
- ¹¹ “О зверствах немецких заправил на Волыни”, ГАРФ, Р-7021, оп. 71, д. 1, л. 44. (29 ноября 1944 г.).
- ¹² *Shimon Redlich*, *Together and Apart in Brzezany: Poles, Jews, and Ukrainians, 1919–1945* (Bloomington: Indiana University Press, 2002), 102. О Холокосте на советских территориях, см.: *Yitzhak Arad*, *The Holocaust in the Soviet Union* (Lincoln: University of Nebraska Press, 2009).
- ¹³ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далее ЦДАВО), ф. 3833, оп. 63, д. 9. Об украинских националистических листовках, нацеленных на коммунистов, евреев и поляков, см.: *Илья Альтман*, *Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг.* (М.: Фонд “Ковчег”, 2002): 40–49.
- ¹⁴ *Wladislaw Siemaszko u Ewa Siemaszko*. *Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia* (Warsaw: Borowiecky, 2008), I: 723.

- ¹⁵ *M. I. Koval*, "The Nazi Genocide of the Jews and the Ukrainian Population, 1941-1944," в Zvi Gitelman, ed. *Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR* (Bloomington: Indiana University Press, 1997): 51-53; *Mikhail I. Tyaglyy*, "The Role of Anti-semitic Doctrine in German Propaganda in the Crimea, 1941-1944," *Holocaust and Genocide Studies* Vol. 18, No. 3 (зима 2004 г.): 421-459; и *John-Paul Himka*, "Krakivski visti and the Jews, 1943: A Contribution to the History of Ukrainian-Jewish Relations," *Journal of Ukrainian Studies* Vol. 21, No. 1-2 (Summer-Winter, 1996): 81-96; Українське життя в умовах німецької окупації (1939-1944 рр.): за матеріалами україномовної легальної преси / *Костянтин Курилишин* і *Ярослав Дашкевич* (Львів : Львівська національна наукова бібліотека імені В. Стефаника, 2010).
- ¹⁶ Цит. по: *Martin Gilbert*, *The Holocaust: A History of the Jews of Europe during the Second World War* (New York: Macmillan, 1985): 195.
- ¹⁷ *Сергей Кудряшов*, "Русский коллаборационизм с нацистами и Холокост", документ представлен в Международном институте изучения Холокоста Яд ва-Шем [<http://www.yad-vashem.org.il/research&publications/research/kudryashov.pdf>]; и *Himka*, "Krakivski visti and the Jews, 1943". Данные о тиражах из: *Lucjan Dobroszycki*, *Reptile Journalism: The Official Polish-Language Press under the Nazis, 1939-1945* (New Haven: Yale University Press, 1994): 75; *Sergei Kudryashov*, "The Hidden Dimension: Wartime Collaboration in the Soviet Union," в *John Erickson and David Dilks*, eds. *Barbarossa: The Axis and the Allies* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994): 238-254.
- газетах, публікованих на місних діалектах на окупованих німцями територіях, см.: *Henry Abramson*, "Nachrichten aus Lemberg; lokale Elemente in der anti-semitischen Ikonographie der NS-Propaganda in ukrainischer Sprache" в *Grenzenlose Vorurteile* (Frankfurt am Main, 2002): 249-268; *Henry Abramson*, "'This is the Way it Was!' Textual and Iconographic Images of Jews in the Nazi-sponsored Ukrainian Press of Distrikt Galizien", *Why Didn't the Press Shout? Journalism and the Holocaust*, ред. Robert Moses Shapiro (New York: Yeshiva University Press, 2003): 537-556; *Grzegorz Hryciuk*, "Gazeta Lwowska": 1941-1944 (Wroclaw: Uniwersytetu Wroclawskiego, 1992); и *Piotr Kottunowski*, *Strategia propagandy hitlerowskiej w Generalnym Gubernatorstwie na podstawie "Krakauer Zeitung" (1939-1945)* (Lublin: Studium historyczno-filologiczne, 1990). Об огромном вкладе немцев в пропаганду на оккупированных восточных территориях, см. классическое исследование от *Hasso von Wedel*, *Die Propagandatruppen der Deutschen Wehrmacht* (Neckargemünd: Kurt Vowinkel Verlag, 1962).
- ¹⁸ *Владимир Янченко*, "Пятая колонна. К началу нападения Германии на СССР", Труд, N.14 (25 июня 1999 г.).
- ¹⁹ *Gross*, *Neighbors*, passim; *Dieter Pohl*, "Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine—A Research Agenda", в *Shared History-Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939-1941*, ред. *Eleazar Barkan*, *Elizabeth A. Cole* и *Kai Struve* (Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2007), 305-313; и *Kai Struve*, "Rites of Violence? The Pogroms of Summer 1941," *Polin: Studies in Polish Jewry* Vol. 24 (2012): 257-274.
- ²⁰ *Patrick Desbois*, *The Holocaust by Bullets: A Priest's Journey to Uncover the Truth Behind the Murder of 1.5 Million Jews* (New York: Palgrave Macmillan, 2009).
- ²¹ *Hubert P. van Tuyl*. Review of *Martin Dean's Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941-44*, *The Russian Review* Vol. 60, No. 3 (July 2001): 448-449.
- ²² *Самуиль Гиль [Самуил Гил]*, *Кровь их и сегодня говорит. О катастрофе и героизме евреев в городах и местечках Украины* (М.: "Фонд Жаботинский", 2005), 302. Только регулярной немецкой полиции на советских территориях насчитывалось 14,622 чел. Volksdeutsche и 126,321 чел. местных добровольцев, соотношение 8.6 к 1.

- ²³ *Hans-Jürgen Müller*, "The Brutalization of Warfare, Nazi Crimes, and the Wehrmacht" в *John Erickson and David Dilks*, eds. *Barbarossa: The Axis and the Allies* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994): 229–237. Об эскалации жестокости немцев на Востоке в сравнении с Западом, см.: *Omer Bartov*, *The Eastern Front, 1941–1945: German Troops and the Barbarisation of Warfare* (London: Macmillan, 1985); *Omer Bartov*, *Hitler's Army* (New York: Oxford University Press, 1992): 68–70; *Truman Anderson*, "The Conduct of Reprisals by the German Army of Occupation in the Southern USSR, 1941–1943," Ph.D. Dissertation, (University of Chicago, 1994); *Ben Shepherd*, *War in the Wild East: The German Army and Soviet Partisans* (Cambridge: Harvard University Press, 2004).
- ²⁴ *Кирсанов Н.А., Дробязко С.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // *Отечественная история*. N. 6 (1 ноября 2001). С. 70.
- ²⁵ П. Пономаренко И. Сталину, 18 августа 1942 г., Архив Президента Российской Федерации (АПРФ), Ф. 3, Оп. 50, Д. 471, Лл. 107–110, Опубл. в "Каратели: идет бешеная националистическая пропаганда", Вестник АПРФ (Вестник Архива Президента Российской Федерации), 1995, N. 2: с. 120–122.
- ²⁶ *Alfred J. Reiber*, "Civil Wars in the Soviet Union", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* Vol. 4, No. 1 (Winter 2003): 147–148.
- ²⁷ *Raul Hilberg*, *Destruction of the European Jews* (Chicago: Quadrangle Books, 1960), 243–244. Клименко Олег, Ткачов Сергій. Українці в поліції в рейхскомісаріаті "Україна" (Південна Волинь): німецький окупаційний режим на Кременеччині у 1941–1944 рр. (Харків: Ранок-НТ, 2012); *Martin Dean*, *Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44* (New York: St. Martin's Press, 1999); *Richard Breitman*, "Himmler's Police Auxiliaries in the Occupied Soviet Territories", *Simon Wiesenthal Center Annual* Vol. 7 (1990): 23–39; и *Erich Haberer*, "The German Police and Genocide in Belorussia, 1941–1944", *Journal of Genocide Research* Vol. 3 (2001), No. 1: 13–29; No. 2: 207–218; No. 3: 391–403.
- ²⁸ *V. Müller-Hillebrand*, *Das Heer. 1933–1945* (Frankfurt a/M, 1966) Vol. 3: 70, 114, 141; *Романичев Н.М.* Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки в 4-х кн. Кн.4. Война и народ. (М.: Наука, 1999): Сс. 153–167.
- ²⁹ *Кирсанов Н.А., Дробязко С.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // *Отечественная история*. N. 6 (1 ноября 2001); с. 68.
- ³⁰ Данные Альтмана значительно отличаются от предыдущих оценок. Сравните, *Wolfgang Benz*, ред. *Dimension des Völkermords: Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus* (Мюнхен, 1991). О характере насилия на Востоке в сравнении с Западом, см. *Timothy Snyder*, "Holocaust: The Ignored Reality", *New York Review of Books* (July 16, 2009); и *Timothy Snyder*, *Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin* (New York: Basic Books, 2010).
- ³¹ См.: *Gross, Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland* и последующее исследование в двух томах Польского института национальной памяти: *Raewł Machcewicz and Krzysztof Persaka*, eds. *Wokół Jedwabnego* (Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2002).
- ³² *Александр Круглов*, Трагедия Бабьего Яра в немецких документах (Днепропетровск: Ткума, 2011); *Давид Будник* и др., Ничто не забыто: еврейские судьбы в Киеве, 1941–1943 (Konstanz: Hartung-Gorre, 1993); *Erhard R. Wiehn*, *Die Schoah von Babij Jar* (Konstanz: Hartung-Gorre, 1991); *Patrick Dempsey*, *Babi-Yar: A Catastrophe* (Measham: P. A. Draigh, 2005); *Илья Левитас*, ред. Память Бабьего Яра: Воспоминания, документы (Киев: Еврейский совет Украины, 2001). В настоящий момент Карел Беркхофф готовит фундаментальное исследование резни в Бабьем Яре.

- ³³ Это количество значительно превышает данные, зарегистрированные в отчетах немецких Einsatzgruppen. На 15 октября 1941 г. Einsatzgruppe A сообщала о 125 000 расстрелянных ею евреев; на 14 ноября 1941 г. Einsatzgruppe B предоставила неполные данные о расстрелянных общим количеством 45,000; Einsatzgruppe C предоставила два отчета: 30 ноября 1941 г. Einsatzkommando 4a сообщала о 59 000 расстрелянных; а 2 декабря 1941 г. Einsatzkommando 5 сообщала об общем числе расстрелянных в 36 000. Наконец, 2 января 1942 г. Einsatzgruppe D сообщила об общем числе расстрелянных в 76 000 за предшествующие месяцы деятельности. Это, в общей сложности, 341 000 жертв. Несоответствие происходит из-за инициатив местной полиции и немецкого вермахта. О мобильных операциях по уничтожению, см. *Hilberg, The Destruction of the European Jews*, 300-301. Известно, что также существовали долгие мобильные и местные карательные отряды, которые продолжали деятельность Einsatzgruppen вслед за первоначальными Aktionen.
- ³⁴ *Michael Burleigh, Ethics and Extermination: Reflections on Nazi Genocide* (New York: Cambridge University Press, 1997): 81.
- ³⁵ *Shmuel Spector, The Holocaust of the Volhynian Jews, 1941-1944* (Jerusalem: Yad Vashem, 1990); и *Tikva Fatal-Kna'ani, Yehudeh Rovne, 1919-1945* [Ровенские евреи в 1919-1945 гг.: Жизнь и смерть общины] (Jerusalem: Yad Vashem, 2012). Краткое изложение событий Холокоста в Волыни см. у *Timothy Snyder, "The Life and Death of Western Volhynian Jewry, 1921-1945"* в *Ray Brandon u Wendy Lower*, ред. *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2008): 77-113. См. также информативный очерк *Александра Круглова, "Równie," Martin Dean* и др., ред. *The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933-1945, Volume II: Ghettos in German-Occupied Eastern Europe* (Indiana University Press and USHMM, 2012): 1458-1461. Лучшее исследование Холокоста в Волыни — *Gerlach, Christian. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschaft- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944* (Hamburger Edition; Auflage: Studienausgabe, 2007).
- ³⁶ Rowne; sefer zikaro [Ровно; мемориал еврейской общине Ровно в Волыни], редактор А. Авитачи (Тель-Авив: 1956): 514-517. Перевод с идиша Амига Б. Е. Гиттермана.
- ³⁷ *Gross, Revolution from Abroad*.
- ³⁸ *Terry Martin, "The Origins of Soviet Ethnic Cleansing"*, *The Journal of Modern History* Vol. 70, No. 4 (December 1998): 813-861; *Keith Sword*, ed. *The Soviet Takeover of the Polish Eastern Provinces, 1939-1941* (New York: St. Martin's Press, 1991).
- ³⁹ *Marek Herman, From the Alps to the Red Sea* (M.P. Western Galilee, Israel: Ghetto Fighters' Museum, 1985): 26.
- ⁴⁰ *Хая (Чая) Мусман, Город мой расстрелянный* (Нью-Йорк: 1994). Оба родителя Мусман были в числе 17 500 взрослых ровенских евреев, расстрелянных в Сосенках 7-9 ноября 1941 г. Чая Мусман родилась в Ровно 11 ноября 1922 г. Она умерла 7 июня 2010 г. в возрасте 87 лет в Бруклине, Нью-Йорке.
- ⁴¹ Данные обширные отрывки были воспроизведены с разрешения Чаи Мусман, *Город мой расстрелянный*, 74-77. Обратите внимание, что Чая Мусман писала «Боткер», в то время как Юрек Новаковски всегда писал «Бодкиер». Поэтому в этой книге я везде использовал «Бодкиер» для обозначения ровенской семьи Боткер/Бодкер/Бодкиер.
- ⁴² ГАРФ, Ф. Р-9401, Оп. 2, Д. 64, Л. 380. *Носкова А. Ф.*, ред. НКВД и польское подполье, 1944-1945 (По особым папкам И. В. Сталина) (М.: 1994): 5.
- ⁴³ Данная довоенная биография была воссоздана по «Семейным мемуарам» Ежи Иосифа Новаковски (*Jerzy Joseph Nowakowski, "Family Memoirs"*). Оригинальная неопубликованная руко-

пись на польском языке была подготовлена в период с 5 по 28 марта 1985 г. в Нью-Йорке. Перевод на английский язык Тамары Новаковски, его внуки. 16 печатных страниц.

- ⁴⁴ Данные обширные отрывки были воспроизведены с разрешения Чаи Мусман, *Город мой расстрелянный*, 74–77. Сравните, *Christine Worobec*, “Death Ritual among Russian and Ukrainian Peasants: Linkages between the Living and the Dead,” in *Letters from Heaven: Popular Religion in Russia and Ukraine*, edited by *John-Paul Himka and Andriy Zayarnyuk* (Toronto: University of Toronto, 2006): 13–45.
- ⁴⁵ *Nowakowski*, “Family Memoirs”, 8. Учитывая, что до революции отец Костека был меньшевиком в российской Думе, этот фактор мог послужить поводом для его ареста и казни Советами.
- ⁴⁶ *Spector*, *The Holocaust of Volhynian Jews*. В своем эссе о Ровно Александр Круглов насчитывает 28 тыс. еврейского населения Ровно в июне 1941. По его оценкам, 5 тыс. ровенских евреев удалось сбежать в восточном направлении в первые дни после 22 июня 1941 г. Таким образом, на начало немецкой оккупации в Ровно оставалось приблизительно 23 тыс. евреев. Это заниженные цифры, которые не сходятся с последующими подсчетами жертв среди евреев, подтвержденными судебными следователями. См.: *The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945, Volume II: Ghettos in German-Occupied Eastern Europe*, 1459. В то же время, из многочисленных свидетельств современников очевидно, что еврейские беженцы свободно перемещались с места на место, и вероятно, что число ровенских евреев продолжало увеличиваться даже после резни в ноябре 1941 г.
- ⁴⁷ Примерно 13 процентов евреев западных территорий Советского Союза пережили войну: десять процентов в результате того, что в 1941 г. они вместе с отступающими советскими войсками бежали в восточном направлении и только три процента из числа тех, кто остался и скрывался.
- ⁴⁸ Названия мест были отредактированы для лучшего понимания. *Sissel Green*, *Sissel’s Story: A True Story of a Jewish Family’s Survival from 1880 to 1958* (Bloomington, Indiana: Trafford Publishing, 2001): 188–190.
- ⁴⁹ *Shalom Yoran*, *The Defiant: A True Story of Escape, Survival, & Resistance* (New York: St. Martin’s Press, 1996): 49–53. Йоран присоединился к партизанскому движению и написал эти мемуары в конце 1940-х гг. в израильском госпитале, пока восстанавливался от ран.
- ⁵⁰ *Максим Гон*, “Голокост у західній Волині”, Бюлетень «Голокост і сучасність» Вып. 5 (сентябрь–октябрь 2002 г.); Вып. 6 (ноябрь–декабрь 2002 г.). О Холокосте в Волини, см. *Максим Гон*, ред. Голокост на Рівненщині: (Документи та матеріали) (Дніпропетровськ: Центральний укр. фонд історії Голокосту, 2004); и *Spector*, *Holocaust of the Volhynian Jews, 1941–1944*.
- ⁵¹ Цит. по: *Hannes Heer*, “How Amoral became Normality: Reflections on the Mentality of German Soldiers on the Eastern Front,” в *Hannes Heer and Klaus Naumann*, eds. *War of Extermination: The German Military in World War II, 1941–1944* (New York: Bergahn Books, 2000): 330.
- ⁵² Свидетельство Авраама Кишнера, (род. в 1920 г. в Клеване, под Ровно), 11 октября 1945 г., *Kraków. Żydowski Instytut Historyczny* (далее, *ŽIH*), 301/1190, с. 1.
- ⁵³ Свидетельство Авраама Кишнера, *ŽIH* 301/1190, с. 3.
- ⁵⁴ Рейхскомиссар Эрих Кох умер в 1986 г. в польской тюрьме. *Michael Parrish*, *The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953* (Westport: Praeger, 1996): 128.

Данные о 17 500 взрослых евреях основаны на проведенной впоследствии советской судебной экспертизе массовых захоронений в лесу Сосенки. О несоответствии отчетов *Einsatzgruppen* (15 тыс. убитых) и последующих полученных сведений, см. *Ronald Headland*, *Messages of Murder: A Study of the Reports of the Einsatzgruppen of the Security Police and the Security Service, 1941–1943* (Teaneck, New Jersey: Fairleigh Dickinson University Press, 1992): 53.

- ⁵⁵ Цит. по: *Koval*, "The Nazi Genocide of the Jews and the Ukrainian Population, 1941-1944", 52.
- ⁵⁶ Плакат от рейхскоммиссара Украины в Ровно, на немецком и русском языках, июнь 1942 г. ГАРФ, Ф. Р-7021, Оп. 71, Д. 40, Л. 16.
- ⁵⁷ *V. Baratz*, *Flucht vor dem Schicksal*, 84. Цит. по: *Karel C. Berkhoff*, *Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine Under Nazi Rule* (Cambridge: Harvard University Press, 2004): 81. На английском языке, см.: *Barbara Barac*, *Escape from Destiny: Holocaust Memoirs from Ukraine* (Melbourne, Australia: Jewish Holocaust Museum and Research Centre, 1990).
- ⁵⁸ Свидетельство Аделы и Инды Либерман, 1946 г., Łódź. ŻIH 301/872.
- ⁵⁹ Свидетельство Аделы и Инды Либерман, ŻIH 301/872.
- ⁶⁰ Свидетельство Авраама Киршнера (из Ровно), от 10 ноября 1945 г. ŻIH 301/1190, с. 3.
- ⁶¹ Эти данные основаны на информации из Таблицы 2. Напротив, Александр Круглов предлагает следующие данные: сентябрь: 136220; октябрь: 118,510; ноябрь: 65370; декабрь: 87130. Отчасти, несоответствие происходит из-за методологии. Круглов работал с совокупными данными, в то время, как автор настоящего исследования работал с подтвержденными *Aktionen*. Также Круглов проводит различие между немецкой и румынской, либо венгерской администрациями на территории современной Украины. Информация в Таблице 2 не отражает подобных различий. *Kruglov*, "Jewish Losses in Ukraine," *The Shoah in Ukraine*, 278-279.
- Существуют и другие проблемы с данными Круглова. К примеру, если Альтман определяет число убитых в Холокосте украинских евреев в 1 430 000, то Круглов утверждает, что до войны в Украине было 2 720 538 евреев, из которых 2 100 836 или 77.2% было убито в Холокосте. Альтман, "Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941-1945", 303; *Kruglov*, "Jewish Losses in Ukraine", *The Shoah in Ukraine*, 272-290.
- ⁶² *Kruglov*, "Jewish Losses in Ukraine", 280.
- ⁶³ *Dieter Pohl*, "The Murder of Ukraine's Jews under German Military Administration and in the Reich Commissariat Ukraine", *The Shoah in Ukraine*, 27. В то время как Круглов и большинство других историков отмечают доминирующую роль идеологии в операциях по уничтожению, Поль подчеркивает важность "взаимосвязи между захватом продуктовых магазинов Вермахтом, его идеологического восприятия продовольственной ситуации и решения убить... евреев". (37) Применяя ту же логику к местной милиции, Леонид Рейн с ним соглашается: Оккупационные "полицейские видели в участии в убийствах безоружных людей возможность улучшить материальное положение своих семей. Это имело немаловажное значение в сложных экономических условиях в результате оккупационной политики нацистов". *Leonid Rein*, "Local Collaboration in the Execution of the 'Final Solution' in Nazi-Occupied Belorussia," *Holocaust and Genocide Studies* Vol. 20, No. 3 (Winter 2006): 394; *Peter Klein* и др., ред. *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD Publikationen der Gedenk- und Bildungsstätte Haus der Wannsee-Konferenz*, Band 6. (Berlin: Edition Hentrich, 1997): 116.
- ⁶⁴ Цит. по: *Geoffrey P. Megargee*, *War of Annihilation: Combat and Genocide on the Eastern Front* (New York: Rowman & Littlefield, 2007): 124-125.
- ⁶⁵ *Megargee*, *War of Annihilation*, 124.
- ⁶⁶ *Владислав Наконечный*, «Холокост на Волыни: Жертвы и память», *Корни*, N 36 (октябрь-декабрь 2007).
- ⁶⁷ Цит. по: *Наконечный*, «Холокост на Волыни: Жертвы и память».
- ⁶⁸ Отчет Einsatzgruppe от 14 ноября 1941 г. *Yitzhak Arad*, ред. *The Einsatzgruppen Reports: Selections from the Dispatches of the Nazi Death Squads' Campaign Against the Jews, July 1941—January 1943*

- (Washington, D.C.: U.S. Holocaust Museum, 1990): 236. Сравните версию в: *Spector, The Holocaust of the Volhynian Jews*, 107.
- ⁶⁹ О Befehlshaber der Ordnungspolizei Otto von Oelhafen, cf. IfZ, MA 1569/15, Vernehmung Otto Oelhafen, 7./28.5.1947. Спасибо Дитеру Полю за эту информацию вместе текстом расшифрованной немецкой радиотелеграммы от 9 ноября 1941 г., обнаруженной Стивеном Тайасом в Национальном Британском архиве (NA/PRO): HW 16/32.
- ⁷⁰ *Klein, Die Einsatzgruppen*, 76–77. В 1945 г. Еккельна захватили советские войска, впоследствии он был допрошен. В феврале 1946 г. он был повешен в Риге за зверства, совершенные в Балтийском регионе. См.: *Helmut Krausnick u Hans-Heinrich Wilhelm, Die Gruppe der Weltanschauungskrieg: Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und SD, 1938–1942* (Stuttgart, 1982): 566–569.
- ⁷¹ Подписано как «V.P.» Цит. по: *Новак Т. Ф., Пароль знают немногие* (М.: Воениздат, 1966): 111. Новак был одной из ключевых фигур в создании антифашистского подпольного движения в Ровно. Его свидетельство о резне находится на страницах 110–120. Как мы увидим позже, Новак испытывал очевидную неприязнь к еврейским старейшинам во время войны, и это, по всей видимости, обусловило характер его воспоминаний. Его свидетельство может быть частично либо полностью недостоверным.
- Историк Джаред Макбрайд проследил за деятельностью Новака в военное время в постсоветских архивах, и он убежден, что подавляющая часть мемуаров Новака была сфальсифицирована. См. *Jared McBride, “A Sea of Blood and Tears’: Ethnicity, Identity and Survival in Nazi Occupied Volhynia, Ukraine 1941–1944”*, кандидатская диссертация, Калифорнийский университет в Лос-Аджелесе, готовится к выпуску в 2014 г.
- ⁷² *Wolfgang Curilla, Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944* (Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2006): 619.
- ⁷³ Меморандум номер 221 1-го Украинского Фронта от 11–13 апреля 1944 г, ГАРФ, Ф. Р-7021, Оп. 148, Д. 28, Л. 62, частично опубликован в *Круглов А. И., ред. Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 гг.* (Киев: Институт Иудаики, 2002): 387–388.
- ⁷⁴ Об Ostlandkompanie, см. “Ordnungspolizei Handbuch”, *Stefan Klemp, “Nicht ermittelt” Polizeibataillone und die Nachkriegsjustiz — Ein Handbuch* (Gebundene Ausgabe) (Essen: Klartext-Verlagsges, 2005). О 320-м и 33-м ПБ, см. сс. 618–622.
- ⁷⁵ Краткое описание деятельности подразделения см. у *Dieter Pohl, “Die Einsatzgruppe C,”* в *Klein, ред., Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion, 1941/42.* Превосходное краткое изложение последних исследований Холокоста на Украине см. у *Dieter Pohl, “Schauplatz Ukraine: Der Massenmord an den Juden im Militärverwaltungsgebiet und im Reichskommissariat 1941–1943”. Ausbeutung, Vernichtung, Öffentlichkeit. Studien zur nationalsozialistischen Verfolgungspolitik, Norbert Frei, Sybille Steinbacher u Bernd C. Wagner, ред.* (Munich: Saur, 2000): 135–173.
- ⁷⁶ *Новак, Пароль знают немногие*, 113–115. Обратите внимание, что в своем свидетельстве Новак, по всей видимости, сводит вместе события резни в Сосенках в ноябре 1941 г. и ликвидацию ровенского гетто в июле–августе 1942 г. Он концентрируется на нападках на еврейских старейшин за то, что они не вняли его предупреждениям и отказались организовать восстание против немцев.
- ⁷⁷ *Varac, Escape from Destiny*, 11, 21.
- ⁷⁸ Там же, 17.
- ⁷⁹ Большинство подробностей резни в лесу Сосенки в ноябре 1941 г. было тщательно отобрано из приблизительно 52-х рукописных показаний под присягой, составленных свидетелями событий для советской Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) в 1944 г. Они хранятся в

ГАРФ, Р-7021, Оп. 71, Д. 40, Лл. 1-64. Насколько мне известно, ни один из данных оригинальных документов ранее не использовался исследователями. Машинописные копии небольшого числа этих показаний хранятся в Государственном архиве Ровенской области (далее, ДАРО), Ф. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Лл. 1-124. Копии доступны в Яд ва-Шеме в Израиле. Помимо показаний свидетелей из фонда Чрезвычайной государственной комиссии в Москве, также существует несколько свидетельств, хранящихся в Еврейском историческом институте (ŻIH) в Варшаве (Польша).

Обратите внимание, что имеется некоторое несоответствие в датах. В некоторых источниках датами *Aktion* в Ровно считаются 6-8 ноября 1941 г., и высокоавторитетный историк из Киева Александр Круглов также определяет их в качестве дат расстрелов. Я сохранил даты 7-9 ноября 1941 г. как наиболее распространенные среди большинства свидетелей. Я полагаю, что несоответствие происходит из-за различий между всей операцией и фактическими расстрелами: накануне расстрелов немецкие полицейские подразделения были мобилизованы, чтобы перекрыть дороги из города с целью недопущения массового бегства евреев. Подобным образом, они были мобилизованы после расстрелов для охраны места казни в лесу Сосенки от расхитителей могил. Таким образом, три дня расстрелов превратились в неделю, а то и больше специальных полицейских операций. В то время как есть определенные разногласия по датам, никаких разногласий относительно того, что произошло, не существует: непосредственные события были подтверждены всеми свидетелями данной трагедии, вне зависимости от того, были ли они немцами, украинцами, русскими, поляками или евреями, и независимо от их роли в *Aktion* в качестве преступников, свидетелей или жертв.

⁸⁰ *Новак*, Пароль знают немногие, 116. *Новак* ошибочно говорит о еврейских кварталах в Ровно как о "еврейском гетто". Еврейское гетто официально не существовало до декабря 1941 г., после ноябрьского *Aktion*.

⁸¹ ГАРФ, Ф. Р-7021, Оп. 71, Д. 40, Лл. 11-12. Сравните с похожим свидетельством Хаима Израилевича Лернера от 21 ноября 1944 г., в котором подтверждается данная информация. ГАРФ, Ф. Р-7021, Оп. 71, Д. 40, Лл. 13-14.

⁸² *Spector*, The Holocaust of Volhynian Jews, 1941-1944, 114, на основе документов Яд ва-Шема.

⁸³ "Акт..." датирован. ГАРФ, Ф. Р-7021, Оп. 71, Д. 40, Л. 34.

⁸⁴ ДАРО, Ф. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Л. 90.

⁸⁵ ДАРО, Ф. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Лл. 94-95.

⁸⁶ *Новак*, Пароль знают немногие, 117.

⁸⁷ ДАРО, Ф. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Л. 90.

⁸⁸ *Z. Ledichover*, "Rovno's End", перевод с идиша Наоми Галь, в "Rowne; sefer zikaron", 526. Ледичовер скрывался от ареста в квартире уборщицы-полячки Васнек, работавшей в его семье до войны, квартира которой находилась напротив площади Грабника.

⁸⁹ ДАРО, Ф. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Л. 90.

⁹⁰ Свидетельство полячки Эмилии Раблински (род. в 1898 г.). ДАРО, Ф. Р-30, Оп. 2, д. 83, Л. 96.

⁹¹ Свидетельство Аделы и Инды Либерман (из Ровно) от января 1946 г., ŻIH 301/872, Сс. 1-8.

⁹² Свидетельство Аделы и Инды Либерман, ŻIH 301/872, Сс. 7-8.

⁹³ Свидетельство Семена Шолопы (род. в 1900 г.) от 11 сентября 1944 г. ГАРФ, Ф. Р-7021, Оп. 67, Д. 82, Лл. 26-27. Это свидетельское показание относится к массовой акции в Дрогобыче в 1943 г.

⁹⁴ Хаим Израилевич Лернер, от 21 ноября 1944 г. ГАРФ, Ф. Р-7021, Оп. 71, Д. 40, Лл. 13-14.

⁹⁵ Свидетельство полячки Эмилии Раблински (род. в 1898 г.). ДАРО, Ф. Р-30, Оп. 2, д. 83, Л. 96.

⁹⁶ Свидетельство Авраама Киршнера. ŻIH 301/1190, Сс. 4-5. Киршнер ошибочно определял дату как шестое ноября.

⁹⁷ Свидетельство Авраама Киршнера. ŻIH 301/1190, С. 6.

⁹⁸ *Meir Auksten [Meir Oxsmen]*, “The Survivor from a Mass Grave”, перевод с идиша Наоми Галь, в: “Rowne; sefer zikaron”, 544-545.

⁹⁹ ГАРФ, Ф. Р-7021, Оп. 71, Д. 40, Лл. 28-30. Редактированная (советизированная) печатная копия оригинального показания под присягой также находится в ДАРО, Ф. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Лл. 87-89. Вышеупомянутый текст отражает оригинальный рукописный вариант, подготовленный на русском языке работником НКВД с подписью Новаковски внизу каждой страницы. Обратите внимание, что в своем оригинальном показании Новаковска ошиблась с датами: датой распространения уведомлений было шестое ноября; датой собрания евреев на площади Грабника было седьмое ноября. Свидетельство Новаковски о ровненской акции стало образцом для последующих советских полицейских расследований. Его можно найти, к примеру, в качестве напечатанного свидетельского сообщения в Архиве Службы безопасности Украины (далее, архив СБУ), Ф. 13 ФП, Дело 74725 (5398) Аунану, Эдмунд Густав, Лл. 69-70. Русская версия свидетельских показаний Новаковски была опубликована в: *Ицках (Йитжак) Арад*, “Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944) (Иерусалим и Москва: Яд ва-Шем, 1991): 151-152. В этом варианте цитируется коллекция в архиве Яд ва-Шема, 0-53/32.

¹⁰⁰ *Nowakowski*, “Family Memoirs”, 9.

¹⁰¹ Интервью с проф. Ежи Новаковски, Нью-Йорк, 28 марта 2013 г.

Джеффри Бурдс

ХОЛОКОСТ В РОВНО: РЕЗНЯ В ЛЕСУ СОСЕНКИ НОЯБРЯ 1941 г. (ЧАСТЬ II)

АННОТАЦИЯ

Во второй (завершающей) части¹ русской журнальной публикации проанализировано поведение массовых убийц и обобщены сведения о последствиях расстрела евреев в Ровно в ноябре 1941 г. и судьбах примерно 30 выживших. В заключительном разделе автор приводит историю Исаака Башевиса Зингера и прослеживает «эхо» событий в Ровно. Как вспоминал позднее один из выживших, «то, что случилось 7 ноября [1941 года], навсегда останется в сердцах и памяти тех, кто уцелел». Это зверство преследовало и палачей, и жертв, и очевидцев трагедии. Оно и до сих пор преследует детей и внуков всех участников тех событий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Холокост на Востоке; Восточная Европа; Ровно; нацистская оккупация; коллаборационисты; еврейские жертвы; массовые захоронения; свидетельства геноцида.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ЛЮДИ? ПРЕСТУПНИКИ В ЛЕСУ СОСЕНКИ

ЭСТОНСКИЙ *Volksdeutsche* Эдмунд Густав Аунапу, 31-летний полицейский роты *Ostland*, четвертой роты 320-го полицейского батальона, а позже резервного 33-го полицейского батальона, был охранником во время массовой акции в Ровно в ноябре 1941 года². В сентябре 1941 года Аунапу с его отделением направили в Ровно. После его поимки, 20 ноября 1946 года он был допрошен советскими военными органами. Воспоминания Аунапу о массовых убийствах в лесу Сосенки хорошо соотносятся с воспоминаниями местных очевидцев: *“В восемь часов вечера [6 ноября 1941 года] нас вывезли из города на машинах и приказали организовать охранение вокруг города так, чтобы никто не смог войти в город или его покинуть. Мы дежурили до пяти часов утра следующего дня. В пять часов подъехало несколько машин, они забрали нас и отвезли к казармам нашего батальона, который располагался на западном краю го-*

рода Ровно". На следующее же утро, сразу после завтрака, 320-й полицейский батальон сперва перевезли на грузовиках к Кафедральной площади, где он охранял периметр в то время, как там собиралось около 23 500 ровенских евреев. Позже солдат 320-го полицейского батальона вывезли в лес Сосенки, где они посменно чередовались, охраняя периметр вокруг места казни, либо принимая участие в расстрелах³. *"Расстрелы продолжались в течение двух дней. Как только рвы заполнились трупами, нас сменили другие подразделения из нашего батальона. 320-й полицейский батальон занимался расстрелами. Когда в последнюю ночь я был на дежурстве, я прошел мимо места, где производились расстрелы, и увидел множество могил с непогребенными трупами. Перед расстрелом все жертвы разделись"*. На третий день подразделение Аунапу дежурило во время того, как советские военнопленные раскидывали грунт с целью скрыть массовые захоронения⁴.

Один из пятнадцати подсудимых, осужденных в 1946 году на суде над военными преступниками в Киеве, сержант Борис фон Драхенфельс, также оставил собственное свидетельство очевидца о ровенской резне⁵. Эстонский *Volksdeutsche* в *Ostlandkompanie*, Драхенфельс был *Wachtmeister*, т.е. сержантом роты 320-го полицейского батальона, который играл основную роль в расстрелах в Сосенках⁶. Из пятнадцати ответчиков, судимых в Киеве в 1946 году, Драхенфельс был лишь одним из троих, приговоренных к каторжным работам вместо казни⁷.

В расшифровках стенограммы своего допроса Драхенфельс описал массовое убийство следующим образом: *"Крики тысяч людей были слышны издалека... Они стояли в окружении множества полицейских и ожидали своей участи... Полицейские отводили группы людей ко рвам, где они раздевались. Специальные части СД и полицейские нашего батальона выстреливали им в затылок. Взрослых заставляли ложиться во рвы и расстреливали, в то время как детей отрывали от матерей и застреливали. Большинство стрелков были пьяными... Люди молили о пощаде, матери умоляли нас пощадить их детей"*⁸.

За участие в ровенской резне Драхенфельс был приговорен в Киеве к пятнадцати годам каторжных работ в советском трудовом лагере в Воркуте⁹.

После того как рвы заполнились несколькими слоями тел, последние несколько тысяч жертв были убиты на поверхности земли в открытом поле, прилегающем к основному месту казни. Советский командир партизан Терентий Новак наблюдал из близлежащего леса следующее: *"Солдаты и офицеры СД ворошили на влажной земле тела мертвых, застреливая из пистолетов либо закалывая раненых штыками. Падал мокрый снег, ужасающее поле смерти было залито кровью. Розовые потоки воды, смешавшейся с человеческой кровью, струились вниз к дороге"*¹⁰.

Другим свидетелем событий был немецкий солдат Макс Вайхарт. В ноябре 1941 года Вайхарта дислоцировали в Ровно. Из окна своего кабинета Вайхарт мог наблюдать за тем, как на площади Грабника собралось более двадцати тысяч евреев. Под давлением коллег-офицеров Вайхарт посетил место казни в лесу Сосенки, где своими глазами видел массовое убийство

еврейских мужчин, женщин и детей и даже фотографировал место действия. Его особенно преследовало воспоминание об *“одной молодой матери, [которая] держала своего младенца на руках. Они застрелили ее и просто закопали младенца заживо”*. После непосредственного наблюдения событий ровенской резни Вайхарт перенес нервный срыв и вскоре после этого был признан негодным к исполнению воинских обязанностей¹¹.

В 1960-х годах, в показании под присягой у следователя по немецким военным преступлениям, механик буквопечатающего телеграфного аппарата Кибак из *Einsatzgruppe С* подтвердил подробности ужасающих описаний, предоставленных жертвами и свидетелями: *“В Ровно я должен был участвовать в первом расстреле... Каждый член расстрельной команды должен был застрелить одного человека. Нам дали инструкцию целиться в голову с расстояния примерно десяти метров. На сегодняшний день я уже не могу сказать, кто отдавал приказ стрелять. В любом случае это был штабной офицер. На расстрелах присутствовало довольно много штабных офицеров. Приказом стрелять было: “Готов стрелять, целиться, пли!” Люди, которые были застрелены, затем падали в могилу. Меня самого определили в расстрельную команду; однако я смог выстрелить лишь около пяти раз. Мне стало нехорошо, я ощущал себя как будто во сне. Впоследствии надо мною смеялись, потому что я больше не мог стрелять. Рядовой либо младший капрал Вермахта, я не знаю, из какого подразделения, забрал у меня карабин, пошел и занял мое место в расстрельной команде.*

Я отошел и встал на расстоянии около пятидесяти метров от расстрельной команды. Было очевидно, что я был не в состоянии продолжать стрелять. Нервное напряжение было слишком сильным для меня. Когда меня спрашивают, получил ли я выговор за свой отказ, должен сказать, что такого не было”¹².

Фридрих Бергман был одним из трех-четырех членов своего подразделения, которые добровольно вызвались убивать евреев в Ровно. Он принимал участие в расстреле трех колонн евреев — мужчин, женщин, детей, включая младенцев, — приблизительно по сто человек в колонне. Затем, согласно его свидетельским показаниям, Бергмана одолела тошнота, и, “не в силах больше выносить запаха крови”, он возвратился к себе в казарму¹³.

Курт Кадик родился в 1908 году в Хельсинки (Финляндия) в семье немецкого инженера, специалиста по телеграфным технологиям. С 1916 по 1918 год Кадик обучался в русской гимназии. После революции в России его семья в 1918 году переехала в Ригу (Латвия). С 1931 по 1941 год Кадик работал в рижском Почтово-сберегательном банке. В 1941 году, во время советской аннексии Латвии¹⁴, Кадик был одним из нескольких тысяч прибалтийских *Volksdeutsche*, которым, в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа, было разрешено переселиться в Германию. В то время Кадик был тридцать один год, и, как многие другие из его поколения, он был зачислен в специальную немецкую полицейскую школу для резервистов. В 1941 году его мобилизовали в специальное латышское полицейское формирование, 33-й полицейский батальон¹⁵.

Вскоре после своего прибытия в Ровно латышский полицейский батальон (33-й ПБ) был использован в *Aktion* против ровенских евреев. 6 ноября, за день до *Aktion*, командир его формирования, первый лейтенант Линке, сообщил, что на следующий день ровенские евреи должны были быть “переселены”. Не было никакого упоминания, что евреи будут расстреляны.

Изначально 33-й полицейский батальон был ответственен за обеспечение безопасности главных дорог на входе и выходе из Ровно. Особая инструкция состояла в том, чтобы “ловить всех беглых евреев”. Их особо предупредили не применять чрезмерную силу в отношении евреев, вероятно, чтобы избежать бунта, который бы негативно сказался на организации казни. Каждому члену формирования выдали карабин 98 и тридцать пять патронов к нему.

Кадик вспоминал, что в первую ночь *Aktion* не было никаких инцидентов и его формирование сменили рано утром восьмого ноября. Около полудня восьмого ноября Кадик и десять его однополчан отправились на северо-восток, чтобы своими глазами увидеть операцию по массовому уничтожению в лесу Сосенки. В сентябре 1960 года он давал показания следователям в Главном управлении судебных властей по расследованию военных преступлений национал-социалистов. Кадик в ярчайших подробностях вспоминал то, свидетелем чего стал: *“Мы пошли к одной из уводивших из города дорог, которая вела к месту казни. Дорога шла из Ровно на северо-восток. Когда мы достигли этой дороги, то увидели длинную процессию медленно идущих и волочащих ноги евреев. У большинства евреев из ручной клади с собой было что-то одно. Больных и хилых евреев перевозили на телегах, запряженных лошадьми. Я видел мужчин, женщин, детей и стариков. Теперь наша задача состояла в том, чтобы заблокировать дорогу с обеих сторон с целью помешать любым попыткам сбежать. На моей позиции попыток побега не было.*

По мере того как длинная вереница евреев продвигалась вперед, вместе с ней шли войска заграждения. Где-то через три-четыре километра вереница свернула направо к поднимающейся выше холмистой и лесистой местности. Я шел в начале колонны. Возле самой дороги я увидел примерно шесть-семь подготовленных траншей. Мы должны были сформировать двойной кордон вокруг этих траншей и участка земли подальше. Я был в составе внутреннего кордона.

Затем евреев повели, а точнее, погнали на большой участок открытой местности. Здесь я должен отметить, что как только я увидел траншеи, то понял, что евреев собирались расстрелять. Евреи также об этом знали. Отныне никто больше не поверил бы в переселение. Прежде чем евреев согнали на оцепленный нами участок открытой местности, я помню, что они должны были сдать свои ценности. Для этой цели стояло несколько столов с сидящими за ними людьми в коричневой униформе. Не успели первые евреи прибыть на открытый участок, как охранник заставил их идти к траншеям. Перед этим евреи должны были раздеться догола.

Расстрелы начались незамедлительно. Я стоял на расстоянии приблизительно семидесяти метров от траншеи. Перед этим я изучил одну из траншей вблизи. Траншея была примерно четыре-пять метров в глубину, около десяти метров длиной и восемь метров в ширину. Со своей заградительной позиции я мог наблюдать,

как евреев колоннами по четверо сгоняли с участка открытой местности. Они должны были подняться на склон и попасть оттуда в траншеи. С одной стороны траншеи были более пологими для того, чтобы евреи могли сползть вниз. Расстрелы начались в районе обеда (примерно в 13:00–14:00). Со своей заградительной позиции я мог лишь видеть, как евреи исчезали в траншеях, и вскоре после этого я слышал pistolетные выстрелы.

Через некоторое время траншея заполнилась, и с того места, где я находился, я мог наблюдать, как евреи должны были ложиться поверх других трупов, а затем стрелки убивали их выстрелом в затылок. Они продолжали расстреливать, пока не стемнело, и к этому времени четыре или пять траншей были доверху полны трупов. По моей оценке, на участке открытой местности все еще оставалось приблизительно шесть тысяч евреев. Этим евреям оставили. Отныне меня и мою группу освободили от обязанностей по охранению, и мы вернулись в нашу казарму в Ровно. Другие солдаты полицейского батальона, а также 320-й полицейский батальон, оставались на месте казни в течение ночи. Украинские вооруженные формирования также были дислоцированы на месте казни с целью охранения. У меня сложилось впечатление, что члены украинской милиции гнали евреев вперед с особой жестокостью.

На следующий день, в соответствии с приказом, я со своей группой снова отправился на место казни. Я прибыл туда приблизительно в 16:00. Я увидел, что все траншеи уже были доверху заполнены трупами. На участке открытой местности оставалось около тысячи евреев. Командир моего подразделения дал тогда мне особое распоряжение охранять изъятые у евреев деньги. Деньги находились в двух огромных чемоданах, которые оставили открытыми. Деньги были исключительно бумажными деньгами в различной валюте. Украинские боевики должны были искать в снятой еврейской одежде драгоценности и деньги. Они помещали бумажные деньги в чемоданы, которые я охранял, а золото и драгоценности передавали на столы, за которыми сидели немцы в коричневой униформе. Насколько я помню, было три-четыре стола, занятые тремя-четырьмя людьми в коричневой униформе. Я отчетливо видел, как «коричневые партийные люди» чрезвычайно интересовались ювелирными изделиями и драгоценностями. Поскольку, как я уже говорил, все траншеи были доверху заполнены трупами, оставшаяся тысяча евреев была расстреляна на участке открытой местности. В этот день погода была по-зимнему холодная. Шел снег с дождем. Земля была очень мягкой. Я видел, как евреи должны были лечь в грязь лицом вниз, а затем их расстреливали. В каждой колонне было приблизительно двадцать евреев. Стрелки проходили мимо хвоста [колонны] и стреляли в жертв. На участке открытой местности евреи также должны были ложиться голыми поверх уже расстрелянных евреев. Их убивали таким же образом.

Незадолго до наступления темноты все евреи были убиты. По моему мнению, в этом *Aktion* было убито около 18 тысяч евреев. Спустя два дня после *Aktion* члены моего полицейского батальона несли ночную сторожевую службу у массовых захоронений. Я также стоял там одну ночь. В наши обязанности входило не подпускать к захоронениям расхитителей могил. Из могил все еще доносились стоны некоторых

*жертв. Еще я видел, как из могилы высунулась рука и начала двигаться. Очевидно, что некоторые жертвы были все еще живы. Это было ужасное зрелище*¹⁶.

Каким бы сложным ни было совершение личных и грязных убийств бесчисленных незнакомцев, психологическое напряжение проявлялось гораздо сильнее у преступников, знавших своих жертв. Украинская полиция, по всей видимости, перенесла основное бремя участия в расстрельных командах в масштабных *Aktionen* осени 1941 года. К примеру, в Бабьем Яре было 1500 стрелков: 300 из них были этническими немцами (из Германии и стран Балтии), а 1200 — этническими украинцами¹⁷.

В то время как немецкие стрелки, видимо, могли выбирать, принимать или нет участие в массовых убийствах, подобная свобода, очевидно, была недоступна для гораздо более многочисленных членов украинской милиции¹⁸. Выживший еврей из Ровно, Батиа Залуска, свидетельствовал, что «несколько украинских палачей побросали оружие и побежали к ямам. Их командир прокричал им вслед: “Что с вами такое, любители евреев, приказ есть приказ?” Затем он отдал приказ их расстрелять, и они были уничтожены и сброшены в яму”, бок о бок со своими еврейскими жертвами»¹⁹.

Украинские полицейские вспомогательные войска, в составе *Schutzmannschaft*, сформированном по приказу Гимmlера 26 июля 1941 года, играли основную роль в резне в лесу Сосенки²⁰. Почему местные украинцы сотрудничали с целью уничтожения местных евреев? В ходе дачи показаний офицерам разведки США бывший агент Украинского отдела немецкого Абвера (военная разведка) в польском Кракове отмечал значительные преимущества службы: «Каждый, работавший на украинский отдел [Абвера III, или немецкой военной разведки] в Кракове, получал красивую, полностью меблированную квартиру с двумя комнатами, включая телефон и радио. Тем, кто размещался за пределами города, в областях, также предоставляли квартиры, либо небольшие дома с телефонами и радио.

Сотрудники, выполнявшие свои обязанности в Кракове, в дополнение к продуктовым карточкам немецкой еды также получали особые партии товаров, включая виски, сигареты, одежду, еду и т.п. В областях каждый «*Meldekorpf*» [немецкий агент] расценивался как официальный переводчик для *Zollkommissariat* [немецкая таможня] и получал такие же продовольственные наборы [как у немецкого] чиновника, которые выдавались всем работникам государственной службы.

Кроме того, каждый работник получал стабильную оплату в пределах 300–500 злотых, счет на текущие расходы и дополнительные вознаграждения за донесения, размер которых варьировался в зависимости от степени их важности. Некоторые ценные донесения приносили до двух тысяч злотых. Украинские отделы в Кракове, равно как в областях, были снабжены явочными квартирами, где допрашивали подозрительных лиц²¹.

Работа обеспечивала контакты, а контакты обеспечивали возможности. Жительница Львова, этническая украинка, в 1944 году давала показания представителю Чрезвычайной государственной комиссии. Когда ее спросили про ее квартиру, которая до войны принадлежала евреям, она поначалу

изобразила неведение. В конце концов она призналась, что была уборщицей в Главном управлении Гестапо²².

Помимо материальных преимуществ и вознаграждений, существовали другие привилегии для коллаборационистов: *“В дополнение к официальным удостоверениям личности (legitimacia) каждый работник снабжался документами, разрешающими ему прогуливаться по городу либо округу ночью (в то время обычным гражданам не разрешалось гулять по ночам после определенного времени), кататься в немецких железнодорожных вагонах, а также пропусками, позволявшими свободно въезжать на территорию Рейха и протекторатов”*²³.

Многочисленные наблюдатели отмечали, что полицейские-коллаборационисты не только не скрывали своих ролей в убийствах, но часто хвастали своими злоупотреблениями. Леонид Рейн писал: *“Преступники сами часто открыто говорили о “чистках гетто” и не стыдились в подробностях описывать все злодеяния, которые они совершали во время Aktionen. Так, начальник полиции Несвижа в состоянии алкогольного опьянения рассказал жителям деревни Снов о своем участии в резне евреев в июне 1943 года в Барановичах, и как во время резни он лично сбрасывал евреев с балконов второго и третьего этажей”*²⁴. Почему полицейские-коллаборационисты хвастались? Рейн добавлял: *“Местные чиновники были первыми, кому была выгодна конфискация еврейской собственности. После Aktionen местные полицейские заходили в гетто в поисках спрятавшихся евреев, что давало им возможность грабить еврейские дома. Так, в показаниях, предоставленных советским следователям после войны, бывший Gemeindebürgermeister Корсаковичей Константин Мозолевский сообщал, что полицейские, участвовавшие в резне борисовских евреев, возвращались с “часами и другими предметами, которые они получали в качестве вознаграждения из имущества казненных евреев”*²⁵.

Будучи советским партизаном и скрываясь в часовой ремонтной мастерской в оккупированном немцами Ровно, еврей Наум Кон вспоминал, что *«некоторые из украинских полицейских носили по три-четыре штуки наручных часов на каждой руке, и я знал происхождение тех часов, как они были “получены”»*²⁶. Отнюдь не скрывая происхождения своих богатств, полицейские открыто хвастались тем, каким образом они им достались. *“Вошли два младших [украинских] полицейских с часами в несколько рядов на руках и завели разговор со старшим полицейским. Они объясняли, каким образом добыли каждые из тех часов. Это было то еще объяснение — оно превратилось в порочное хвастовство злодеяниями против невинных евреев, и злодеяния те были настолько жестокими, что заставили мои волосы встать дыбом. Одно дело — смерть, но садистская пытка — это другое, и те украинские полицейские хвастались медленными, мучительными и ужасными смертями, которые они специально задумали для “своих” евреев”*²⁷.

Наибольшее понимание мотиваций украинских полицейских в резне в Ровно было продемонстрировано в необычайном свидетельстве этнического поляка Юрека Новаковски, который в то время проживал в доме номер три по Замкнутой улице, расположенном непосредственно напротив Кафедраль-

ной площади: *“Сам я не могу подробно рассказать вам о том, что произошло в Сосенках, так как я этого не видел. Но люди, принимавшие участие в расстрелах, рассказали мне об этом. Сева Маевский, 1921 года рождения, радиотехник по профессии, сотрудничал с Гестапо, а позже работал в Информационном отделе (Verbindungsstab) немецкой контрразведки; и Георг Дацюк, этнический украинец²⁸, работавший переводчиком в Schutzpolizei, а позже в украинско-немецком СД (Sicherheitsdienst), немецкой службе безопасности.*

Дацюк рассказал мне, что поначалу ему было “неудобно” стрелять в беззащитных людей, которые к тому же лежали голыми на земле лицом вниз. Среди тех, которых он, Дацюк, застрелил, было несколько его знакомых еврейских девушек, с которыми он встречался ранее на вечеринках, с некоторыми он даже учился в школе. Но, сказал Дацюк, он должен был застрелить даже их. Это была норма, продолжал Дацюк, с целью привить вкус к крови, к убийству. Полицейский постарше, я не помню сейчас его имени, показал ему на примере, как это делать, а затем Дацюк открыл огонь сам: стрелять в затылки, а затем сбрасывать тела в яму. Они не расстреливали детей, не хотели расходовать пули, а вместо этого просто швыряли их в яму живыми. Я пережил [ужасы], сказал Дацюк, с которыми никогда не сталкивался даже Нерон²⁹.

Маевский хвастался, что после массовых расстрелов в Сосенках он набрал столько золотых часов, монет, браслетов и других изделий, что ему хватило на всю оставшуюся жизнь³⁰.

Сергей Лещук, около тридцати пяти лет, проживавший в Ровно, также принимал участие в расстрелах евреев³¹.

Чая Мусман была потрясена до слез, когда впервые прочитала данное показание под присягой своего возлюбленного Юрека Новаковски. Почему? Потому что Георгий Дацюк был их другом, а девушки, убитые Дацюком, были близкими подругами из их общего круга, учащимися ее десятого класса еврейской женской гимназии³². До Чаи дошли слухи, что кто-то из их компании был одним из стрелков, но она не знала, что это был Дацюк, пока впервые не прочитала этот документ в 2004 году. Она помнила его таким порядочным, чутким человеком. И мысль о том, что Дацюка превратили в чудовищного преступника, который с такой безнаказанностью убил их друзей, несомненно, причиняла ей глубочайшую боль.

Это — печальная правда, что иногда бывшие друзья становились чудовищными преступниками. Другой выживший рассказал такую историю. Из-за их благосостояния осенью 1939 года Советы заставили семью Лидии Эйхенхольц переехать из Ровно в Дубно (на расстояние более ста километров). В то время Эйхенхольц было шестнадцать лет. Она с печалью вспоминала сына украинского католического священника по имени Нестор, который стал весьма дружелюбен в советский период: *“Я видела Нестора каждый день до июня сорок первого. После немецкого вторжения на территорию восточной Польши, я слышала, что Нестор присоединился к петлюровской бригаде... Нестор предал всех своих еврейских друзей. Он исчез в 1945 году, больше его никогда не видели”³³.* В июле 1941 года ее отца, дедушку и всех мужчин из ее семьи забрала украинская

милиция. Их расстреляли и сбросили в близлежащий ров. Среди стрелков был ее довоенный друг Нестор.

В архивах украинской вспомогательной полиции (Hilfspolizei) во Львове имеются 54 заявления о вступлении в ряды украинской полиции, все они датированы августом 1941 года. Каждое включает прошение о разрешении присоединиться к полиции, в котором большинство обещало “достойно и добросовестно выполнять все приказы”. Каждый заявитель также предоставлял краткую автобиографию с указанием даты и места рождения, профессии, воинской обязанности и остальной относящейся к делу информации, которая часто включала в себя причины желания вступить в ряды немецкой оккупационной полиции. Все 53³⁴ заявления были от этнических украинцев, а 45 заявителей (85 процентов) отмечали, что присоединились к украинской народной милиции, как только немцы вторглись на территорию Советского Союза. Почти все служили в польской армии в 1930-х годах, и не было никого из Львова. Большинство было в возрасте 30–35 лет, и не было никого старше сорока. Некоторые указывали членство в Организации украинских националистов (ОУН), кое-кто даже отбывал тюремные сроки при поляках за украинскую националистическую деятельность, и все демонстрировали явные признаки украинской националистической солидарности, подписываясь, к примеру, как “украинец Толопко Михайло”, либо указывая, что они вступили в ряды, “чтобы отомстить евреям и полякам”³⁵. Очевидно, что немецкие власти проверяли свою коллаборационистскую полицию на склонность к геноциду, и наибольшее количество готовых к этому людей было в рядах украинских националистов.

Помимо националистических настроений, четким фактором, воздействующим на принятие решений о вступлении в ряды коллаборационистской полиции, также являлся оппортунизм. Безусловно, политическая экономика геноцида помогла мотивировать преступников. Йитжак Арад описал основные принципы Холокоста как экономического преступления. *“Во-первых, все жилые помещения и их содержимое, оставленные сотнями тысяч евреев, которые бежали от приближающейся немецкой армии или были эвакуированы восточнее, в глубь территории Советского Союза. Во-вторых, сотни тысяч квартир (и их содержимое), прежде принадлежавших евреям, которые были выселены и отправлены к местам казней либо в гетто в качестве промежуточного этапа на пути к их истреблению. В-третьих, все личное имущество, валюта и ценности, украденные у жертв на местах, где они были убиты”*³⁶. Жительница Ровно, 43-летняя этническая полячка Эмилия Раблинска, вспоминала: *“Одежду людей, которых расстреляли, перевезли в фургонах на чердаки административных зданий города, в сараи и т.д. Ее постирали, отсортировали, а затем распределили среди немцев, которые отослали эти вещи домой в Германию”*³⁷. Все это являлось неотъемлемой частью экономической эксплуатации Украины, когда трофеи геноцида делились между местными жителями, а также немецкими солдатами и администрацией Рейха. Так было задумано, что гибель евреев была экономически выгодна всем остальным.

Помимо золотых часов, немецкий оккупационный режим предлагал полицейским и коллаборационистам другие многочисленные поощрения. По состоянию на 1944 год, немецкие оккупационные власти предлагали целых двадцать литров водки и пять тысяч злотых за каждого схваченного местными жителями еврея. Заручение поддержкой местных украинцев влекло за собой определенные расходы. В Трохимброде, деревне к северо-востоку от Луцка с преобладающим еврейским населением, *“половина зданий уже была разобрана шакалящими украинцами, которые унесли все, даже стены и полы”*³⁸. *“В то время почти невозможно было достать соль, поэтому немцы вознаграждали каждого христианина, который убивал еврея либо приводил его живым, половиной килограмма соли”*³⁹. В результате во время войны точно так же существенно выросли затраты евреев, стремящихся избежать поимки⁴⁰. К зиме 1943 года стоимость фальшивых документов во Львове достигала 25 тысяч злотых⁴¹. В 1943 году капсула со смертельным ядом в Кракове стоила 10 тысяч злотых⁴².

Помимо экономических возможностей и антисемитской идеологии, основной составляющей массовых убийств также являлся алкоголь. Говоря об *Einsatzgruppen*, Рауль Гильберг отмечал, что, как правило, *“время от времени у людей случались нервные срывы”*, и *“в некоторых подразделениях использование алкоголя стало обычной практикой”*⁴³. Психиатр Роберт Джей Лифтон обнаружил, что у членов *Einsatzgruppen* наблюдалось очень большое количество случаев *“тяжелых тревожных расстройств, кошмаров, тремора и многочисленных жалоб на физическое состояние”*, всех симптомов посттравматического стресса⁴⁴. Рудольф Гесс вспоминал: *“Многие члены Einsatzkommandos, не в силах больше нести на себе бремя кровавых злодеяний, совершили самоубийства. Некоторые даже сошли с ума. Большинство членов этих Kommandos, выполняя свою ужасную работу, были вынуждены полагаться на алкоголь”*⁴⁵. Солдаты, остановившиеся у Казимира Брыша в деревне Кравчица под Львовом, несли ответственность за зверства в районе Львова. Позднее Брыш вспоминал: *“Каждый день они напивались, а когда я спросил, где они достали водку, они ответили: «Нам дают водку, и это нас полностью устраивает. Мы должны пить»*⁴⁶. Леонид Рейн подтверждал, что *“многие [стрелки]... во время казней были пьяными”*⁴⁷.

Массовые казни всегда сопровождались большими торжествами для полицейских, принимавших участие в расстрелах. Как отмечал историк Юрген Маттеус, *“частые призывы Гиммлера к празднествам после казней позволяли его людям укреплять связи, расслабляться и поддерживать подобие нормальности”*⁴⁸. Все это подпадало под рубрику управления *“душевной гигиеной”* солдат: *“Командиры батальонов и рот должны принимать особые меры по ослаблению напряжения для душевного здоровья участников подобных действий. Впечатления от прошедшего дня должны быть вытеснены вечеринками. Кроме того, солдатам необходимо постоянно читать лекции о необходимости мер, вызванных политической ситуацией”*⁴⁹.

РАССКАЗЫ ВЫЖИВШИХ В РОВНО

На следующий день после массовых убийств в лесу Сосенки отряд советских партизан под командованием Новака развесил печатные свидетельства кровавой расправы поверх изначальных немецких постановлений, обязывавших евреев собраться на площади Грабника. Новак прогуливался по улицам и наблюдал, как потрясенные местные жители — в основном, украинцы и этнические поляки — читали свидетельства друг другу вслух и по их щекам текли слезы⁵⁰.

В течение последующих дней и недель несколько небольших групп оставшихся в живых евреев вновь появились в Ровно. Они отчаянно искали информацию о родных, обращаясь за поддержкой к соседям и друзьям-евреям. Они приносили с собой ужасающие свидетельства резни, и постепенно эта информация просачивалась повсюду среди остального сообщества.

В своих опубликованных мемуарах Чая Мусман оставила трогательное свидетельство героических усилий ее друга-поляка Юрека Новаковски по спасению ее лучшей подруги Лии Бодкиер (она же Кристина Новаковска) от верной смерти: *«Рассказывая историю о евреях из моего уничтоженного города, я также хочу сказать о моем друге, молодом поляке Юреке Новаковски. Он оказался настоящим человеком, Человеком с большой буквы. Моей подруге Лие не удалось эвакуироваться [летом 1941 года], и она осталась в Ровно. Как и все остальные евреи города, в ноябре 1941 года Лия с родителями и младшей сестрой Миной отправилась на [площадь] Грабника. Оттуда немцы повели их небольшими группами [пешком] к лесу под названием Сосенки, где их расстреляли. Когда группа Лии и ее родителей подошла к Сосенкам, они услышали выстрелы, и отец [Лии] приказал своим жене и дочерям бежать. Лия помчалась на [соседнее] поле. Охранники открыли по ней огонь, но, к счастью, никто не стал ее преследовать. Лия подбежала к стогу сена, забралась внутрь и спряталась там до наступления темноты.*

Той ночью она отправилась к дому украинских крестьян, которые ее впустили, накормили и дали ей новую одежду. На ней были изящный плащ и платье; Лия отдала их хозяевам и взяла взамен крестьянскую одежду, в которой возвратилась в город, в свой пустой дом.

Дома она никого не нашла — родители, сестра, все ее соседи были убиты. Она была одна на вымершей улице⁵¹.

Спустя несколько дней Юрек Новаковски нашел ее и забрал к себе домой, где прятал на чердаке [дома номер три по Замкнутой улице]»⁵².

Позднее Кристина Новаковска вспоминала, что украинские полицейские, следившие за евреями по пути к лесу Сосенки, стояли примерно через каждые сто метров, так что на самом деле убежать из колонны было достаточно легко. Украинский полицейский мог сделать несколько выстрелов, пока вы бежали, но не мог покинуть свой пост⁵³.

3. ИТОГИ: ПОСЛЕДСТВИЯ РОВЕНСКОЙ РЕЗНИ

Уничтожение евреев имело самые тяжелые последствия для Ровно как процветавшего культурного центра. Еврейский партизан Авраам Лыдовский

вернулся в Ровно в феврале 1944 года. Его взору открылся до боли знакомый, но и практически неузнаваемый город: *«По улицам довольно прохаживались русские и поляки, одетые в лучшие вещи евреев, из некогда еврейских домов теперь доносился смех новых жильцов. Мы немymi тенями проходили по улицам города, пытаясь углядеть хоть одного еврея, но не встретили ни одного»⁵⁴.*

Один из выживших, Авраам Киршнер, вспоминал, как оставшиеся обитатели еврейского района Ровно узнавали о трагической судьбе, постигшей их родных в лесу Сосенки: *«Те из нас, кто остался в городе, встречали людей, рассказавших о той страшной ночи, о том, что в лесу лежат тела тысяч убитых. Во рвах, среди мертвецов, были и все еще живые люди, но которые медленно задыхались от придавивших их тел.*

На третий день [после трагедии] тринадцать из нас одолжили машины и без нарукавных повязок отправились в лес. То, что мы увидели, было сущим адом. Тысячи тел во рвах уже начинали чернеть. В одной куче лежали сотни советских паспортов, в другом месте мы нашли чей-то брошенный башмак и останки тел. Я не нашел свою семью, но увидел мою подругу — ей исполнилось 17, какой красивой она была! Она лежала рядом с родителями, пуля попала ей в щеку.

Потом мы видели, как убитых хоронили. Немцы привели советских военнопленных и велели им привязывать к лошадям по несколько тел, так лошади и волокли их до могил. Всего могил было 12, каждая по 12–20 метров в длину и метров 10 в глубину. Пленных, которые в этом участвовали, потом тоже убили, чтобы не оставлять свидетелей чудовищного преступления. Землю распали плугом, чтобы скрыть все следы, так что никто не узнал бы, какое зверство совершилось здесь»⁵⁵.

Один немецкий офицер сфотографировал тела евреев, которые даже не помещались в могилы. Эту фотографию потом забрал у него в 1944 году ровенский еврей Ипполит Ситовский. Она до сих пор хранится в одном из засекреченных московских архивов. Это единственная фотография места, где были убиты тысячи людей в лесу Сосенки.

Авраам Киршнер не только посетил лес Сосенки вскоре после резни, в самом Ровно он видел, как торговали изъятым у евреев имуществом.

«На следующий день после казни в канцелярию городского главы, занятую немецким командованием, отправились 600 запряженных лошадейми повозок, перевозивших оставшееся на площади имущество убитых. Я видел, как вещи везли по улицам, как их разгружали. Сортировать скарб приказали еврейкам — женам и дочерям убитых. Позже они рассказывали, что на одежде часто оставалась кровь — такие вещи немцы велели выбрасывать или разрешали раздавать евреям. Оставшееся отправили в синагогу, которую превратили в склад награбленного.

Затем немцы и украинцы принялись грабить и разорять дома убитых, найденное отдавали самим немцам и тем, кто занял административные здания. Большую часть потом отправили в Германию. Конечно, как и в других городах, все меха пришлось сдать. Угнанные автомобили и мотоциклы накрывали постельным бельем»⁵⁶.

Инженер Моше Гильденман добавил: *«Украинцы, как саранча, набросились на дома евреев, они разоряли их и тащили любые ценности. Что нельзя было уне-*

сти в руках, то грузили на запряженные лошадыми телеги — туда сваливали мебель, крупные вещи, посуду — все, что только можно было забрать. Все украинское население города, бедные и богатые, образованные и простые участвовали в этом безобразии. Всего нескольким евреям удалось спрятаться в подвалах, на чердаках, по углам и щелям, но украинцы выдавали немцам их укрытия, чтобы те могли убить, уничтожить их. Особенно охотно это делали, если можно было получить за «службу» вознаграждение»⁵⁷.

Тогда только 18-летней Блуме Дойтч удалось сбежать с Актіон в Сосенках и укрыться в чешской деревушке. Они с отцом вернулись в Ровно спустя несколько дней: «Город казался нам каким-то чужим. Не могу описать Ровно, который я увидела. Евреев не осталось, город стenal. Дома были разрушены либо проданы немцами. То тут, то там украинцы тащили мебель и вещи — собственность евреев, а большие немецкие грузовики вывозили то, что еще оставалось в их домах. От такого зрелища слезы наворачивались на глаза, колени подкашивались. Наш дом оказался в черте гетто. Оно протянулось от Пониевской [Понятовской] улицы, от железной дороги, и до конца улицы Воли. Сюда согнали 4000-5000 евреев, избежавших бойни. Так мы попали в гетто, но могли расстаться с жизнью в любой момент. Люди были сломлены и подавлены, скорбели по убитым близким и жалели, что не разделили их участь. Зачем теперь было жить? Обитатели гетто ходили на ходячих мертвецов, потерявших надежду, отчаявшихся и ждущих смерти»⁵⁸.

За резней в Сосенках последовали масштабные мероприятия, направленные на уничтожение оставшихся евреев Ровно, которые еще не попали в гетто. Сорокалетняя Мария Демчишина, украинка по происхождению, вспоминала: «После массового расстрела немцы усилили патрулирование города, и выживших евреев хватили прямо на улицах, отправляя на специальных машинах на Белую улицу [в тюрьму Гестапо]». Интересно отметить, что Демчишина заходила в гости к другу, жившему напротив тюрьмы на Белой улице, — и с ужасом наблюдала за творившимся там из окна его квартиры.

«Однажды прямо на моих глазах произошла страшная сцена. На улице появились два грузовика, забитые людьми. Немцы начали выводить людей из машин, строили по пять в ряд. Когда все вышли, им приказали полностью раздеться и прыгать в яму, выкопанную заранее. Люди не хотели идти, некоторые плакали и просили сжалиться, но никакого милосердия от немцев не дождалось. Любого, кто пытался оказать сопротивление или отказывался спускаться в яму, солдаты били прикладами и расстреливали [на месте]. Тем, кто оказался в яме, было приказано лечь лицом вниз, и тогда немцы расстреляли и их. Всего было убито около 60 человек, привезенных на этих двух грузовиках. Когда все было кончено, немцы слегка забросали ямы землей и уехали»⁵⁹.

Эти слова подтверждаются и рассказом сестер Либерман: «На следующий день [после бойни] евреев, остановленных на улице, расстреливали на месте»⁶⁰.

Восемнадцатилетней Лие Бодкиер удалось избежать гибели в лесу Сосенки. В первые дни она была потрясена и напугана, но смогла добраться до родительского дома в Ровно. На двери стояла официальная печать рейха,

соседи с подозрением разглядывали ее, пока девушка топталась на крыльце, пытаясь понять, что же делать дальше. Проходившему мимо офицеру захотелось помочь симпатичной девушке, и он сам просто снял печать, пропускающая ее в дом. В последующие несколько недель Лия продала большую часть мебели и другого имущества семьи, чтобы раздобыть пропитание. В конце концов она нашла приют в доме очень набожной польской католички пани Остаповичовой, богатой вдовы, жившей в собственном доме. К тому же Лие помогала соседка Лидка Высоцкая, этнически русская девушка, с которой они подружились еще до войны и которая была лишь немногим старше ее самой.

Вскоре Юрек Новаковски стал часто навещать Лию. С ним они придумали план, как Лие спрятаться «на арийской стороне» под вымышленным именем, а позже им пожениться. Двое друзей, Лидка Высоцкая и Колька Трысичов, юный радикал, чья сестра Лена за время войны смогла нажить некоторое состояние благодаря черному рынку, согласились подписать вместе с Юреком фальшивую бумагу: *«Мы, нижеподписавшиеся, подтверждаем, что подательница документа — беженка из Кутно по имени Кристина Брониевская, дочь Йозефа Яника, родилась 3 июля 1922 года в Кутно. Все документы, удостоверяющие личность, сгорели при пожаре в доме»*. Этот документ видел и официально заверил нотариус, так что Лия превратилась в полячку. Потом Юрек Новаковски убедил католического священника крестить ее и записать под именем Кристины Брониевской. Священник также направил молодых людей к другому польскому католическому пастору, чей приход располагался неподалеку от Житина, где пара венчалась 30 декабря 1941 года.

Изначально мать Юрека приняла невестку-еврейку в штыки и категорически отказалась пускать молодых жить в свой дом в центре Ровно. Возможно, это решение оказалось для супругов спасительным, поскольку маловероятно, что им удалось бы сохранить тайну в городе, где многие хорошо знали Лию Бодкиер. В результате пара перебралась в съемную комнату в Здолбунове, что в 12 километрах к югу от Ровно. Там Юрек нашел работу в торговой компании *Zentralhandelsgesellschaft Ost GmbH*, которая занималась переброской провизии между фронтом и тылом. Юрек Новаковски вспоминал: *«Работа в структуре, которая была связана с торговлей продуктами, была очень кстати, поскольку благодаря связям мне удавалось доставать кое-что и для дома. /.../ Мука служила отличным средством обмена, и я ею торговал. Благодаря этим моим занятиям мы могли достать другие необходимые для выживания продукты. /.../ Таким образом первый период оккупации мы пережили относительно благополучно и даже смогли помогать семье и друзьям. С одеждой и обувью приходилось хуже, их мы себе позволить не могли»⁶¹*. 10 октября 1942 года Кристина родила сына Ежи Новаковски.

Юрек Новаковски описывал их жизнь беглецов в Здолбунове и Ровно следующим образом: *«Мы с Кристиной пытались вести себя как можно более естественно и не отстранялись от участия в общественной жизни, поскольку иначе мы могли бы вызвать подозрения. Так что Кристина ходила к портнихе, чтобы та сшила ей платье или скроила пальто. Мы ходили с сыном гулять в ближайший парк, ходили в гости. Время от времени я выпивал с друзьями. Там же можно было*

узнать немало важных новостей об оккупации. Рутинка и домашние дела давали возможность на время забыть о ежедневно нависавшей над нами опасности. Она все еще существовала в значительной мере. Отряды немецкой полиции совместно с украинскими полициями и венгерскими армейскими патрулями ходили по домам, устраивали обыски, останавливали людей на улицах, отправляли молодых людей на принудительные работы в Германии. Украинские националисты тоже представляли угрозу; в близлежащих деревнях они жестоко расправлялись с поляками. Опасность несли пересуды и сплетни наших соседей-поляков, иногда до нас доходили слухи о людях, которые укрывали евреев⁶².

Коротко говоря, семья жила в постоянном страхе раскрытия и разоблачения. «Ходили слухи, что немцам доносили о евреях, скрывающихся даже на нашей улице»⁶³. Только за первый год молодая семья переезжала четыре раза, постоянно избегая глаз подозрительных соседей. Юрек писал в мемуарах: «В этих заметках я осознанно не описываю убийства, казни и виселицы на улицах, которые часто видел во время оккупации»⁶⁴. «Внешность Кристины вполне могла сойти за арийскую, особенно когда она надевала на голову платок. У нее также было безупречное [польское] произношение, [в котором совершенно не слышался еврейский акцент]. Она всегда вела себя очень уверенно, ничуть не смущалась, ругалась с соседями, что, конечно, исключало любые подозрения. Многие польские антисемиты доверяли ей настолько, что спокойно делились с ней своей ненавистью к евреям. И тем не менее повседневная жизнь оставалась напряженной. В домах то и дело проходили обыски, а по всему городу украинские националисты вырезали польские семьи»⁶⁵.

К 1943 году на Волыни появилась и другая проблема: чтобы чувствовать себя в безопасности, уже недостаточно было просто не быть евреем, опасно было иметь даже польские корни, поскольку фанатичные украинские националисты — бандеровцы — все чаще нападали на уроженцев Польши. В 1944 году украинские националисты убили старшую сестру Юрека, Марусю, когда та вышла купить продуктов для сотрудников на работе⁶⁶. Здолбунов был освобожден Красной армией 3 февраля 1944 года, и семья вернулась в Ровно. Город потом еще несколько месяцев подвергался бомбардировкам, так что 80% Ровно сравняло с землей немецкими бомбами.

По сравнению со всем остальным, этот период, наверное, был самым тяжелым для семьи за всю войну. В июне 1944 года Юрека Новаковски призвали на партизанскую службу в отряд, подчинявшийся Сидору Ковпаку, выдающемуся советскому партизанскому командиру. С военной службы Юрек демобилизовался в декабре 1944 года с серьезной травмой правого глаза. В конце июня 1945 года все семейство Новаковски переехало в Польшу, город Бытом в Силезском воеводстве⁶⁷.

ФОРМИРОВАНИЕ И ЛИКВИДАЦИЯ РОВЕНСКОГО ГЕТТО

После 9 ноября 1941 года в городе осталась примерно четверть всех евреев, живших в Ровно до войны, т.е. около 7000-8000. Сразу же после расстрела в Сосенках жилье и собственность всех евреев были конфискованы, а остав-

шиеся евреи города, получившие разрешения на работу, были переселены вместе с максимум тремя ближайшими членами семьи в только что устроенное еврейское гетто, специально созданное в северо-западной части Ровно недалеко от тюрьмы Гестапо на Белой улице. Авраам Киршнер вспоминал: *«На следующий день, когда я пришел на работу, я вдруг понял, что не хочу ни работать, ни жить после потери самых дорогих мне людей. Когда арбейтслайтер [начальник] пришел и увидел, что мы просто стоим, каждый погруженный в свои мысли, он сказал, что участь, постигшая наших родителей, уготована и нам.*

Через несколько дней в Ровно стали обустривать еврейский район. Всех оставшихся евреев (8000) согнали на несколько самых бедных улиц, и мы поняли, что и нам не избежать смерти. Поскольку бежать было некуда, мысли о самоубийстве стали бродить в наших умах. Некоторые начали вооружаться пистолетами и гранатами, оставшимися от советских солдат, другие же приступили к рытью подземных убежищ»⁶⁸.

Уверенный в неизбежности смерти и в том, что это — только вопрос времени, Киршнер вскоре сбежал из ровненского гетто и до конца войны скрывался в Клеване.

В июле 1942 года большая часть из оставшегося в Ровно еврейского населения была отправлена за 70 километров от города — в Костополь и Прохуров, где была убита в череде менее крупных *Aktionen*⁶⁹. 13 июля 1942-го немецкий инженер Герман Грэбе, работавший на компанию *Jung A.G.*, расположенную неподалеку от Здолбунова, лично наблюдал расформирование ровненского гетто: *«Вечером того дня я отправился в Ровно и встретился с Фрицем Эйнспорном перед домом на Банхоффштрассе, где жили евреи, работавшие на мою фирму. Где-то в начале одиннадцатого часа гетто окружило большое подразделение СС и примерно в три раза большее число сотрудников украинской милиции. Потом туда привезли несколько прожекторов, установили по периметру гетто и включили свет. Если двери и окна оказывались заперты, а обитатели домов не открывали на стук, бойцы СС и милиционеры разбивали окна, выламывали двери палками и ломами и входили в дома. Людей вытаскивали на улицы в чем они были, не имело значения, были ли они одеты или их подняли с кроватей. Поскольку большинство евреев отказывались выходить из домов и пытались сопротивляться, СС и милиционеры применяли силу. В конце концов они одерживали верх и выгоняли людей на улицы ударами кнутов, пинками и тычками прикладов. Жителей выселяли с такой поспешностью, что в некоторых случаях маленькие дети оставались лежать в кроватках. На улицах женщины кричали, разыскивая детей, а дети — пытались найти родителей. Это ничуть не мешало офицерам СС вести людей по улице, заставляя их бежать трусцой и бить. Так продолжалось, пока колонна не добралась до уже ждавшего их товарного поезда. Вагон заполняли за вагоном, и крики женщин и детей, щелчки кнутов и автоматные выстрелы оглушали и долго не затихали.*

Поскольку несколько семей или групп людей забаррикадировались в особенно крепких домах, где двери не поддавались палкам и ломам, немцы решили применить ручные гранаты. Гетто располагалось неподалеку от железнодорожных путей

Ровно, те, кто были помоложе, попытались перебраться через пути и неглубокую речку, чтобы вырваться с территории гетто. Пригородные места не освещались электрическими фонарями, поэтому место было решено осветить сигнальными ракетами. Всю ночь побитые и израненные люди шли по освещенным улицам под лай собак. Женщины несли на руках мертвых детей, тащили и волочили за руки и за ноги мертвых родителей по дороге к поезду. Снова и снова по гетто прокатывались эхом крики «Открыть дверь!», «Открыть дверь!».

Около шести часов утра я ненадолго вышел из дома, а Эйнспорн и еще несколько немецких рабочих остались внутри, они только вернулись. Мне казалось, что главная опасность миновала, и я решил, что большой беды не будет. Вскоре после моего ухода в дом 5 по Банхоффштрассе ворвались украинские милиционеры и вытащили оттуда семерых евреев, отправив на место общего сбора в гетто. Вернувшись, я смог помешать отправке еще нескольких. Потом я отправился на площадь в гетто выручать первых семь пленников. На улице, по которой я шел, лежали десятки тел — погибшие были всех возрастов, обоих полов. Двери домов были открыты нараспашку, окна разбиты. Обрывки одежды, обувь, чулки, куртки, шапки, шляпы, плащи и прочее валялись прямо на дороге. На углу дома лежал ребенок, ему не было еще и года, с проломленным черепом. Кровь и мозги остались на стене дома, растеклись вокруг тельца. На младенце не было ничего, кроме одной рубашонки. Командир, майор СС Путиц, расхаживал взад-вперед по ряду из 80–100 мужчин-евреев, жавшихся к земле. В руке он держал тяжелый собачий хлыст. Я подошел к нему, показал письменное разрешение за подписью штабляйтера [начальника отдела кадров] Бека и потребовал вернуть семерых рабочих, которых я узнал среди затравленных людей. Доктор Путиц пришел в ярость из-за решения Бека, и ничто не могло его убедить освободить семерых. Он движением руки очертил квадрат и сказал, что любой, кто сюда попадает, больше отсюда не выходит. Хоть он и был зол на Бека, он разрешил забрать людей из дома 5 на Банхоффштрассе и из Ровно самое позднее до 8 часов. Уходя от доктора Путица, я заметил украинскую деревенскую телегу, запряженную двумя лошадьми. В повозке лежали мертвые с уже одеревеневшими конечностями. По обе стороны торчали руки и ноги. Телега двигалась к товарняку. Потом я забрал 74 запертых в доме рабочих в Здолбунов.

Через несколько дней после 13 июля 1942 года окружной комиссар Здолбунова Георг Маршал созвал собрание начальников компаний, смотрителей станций, руководителей Организации Тодта и сообщил им, что все компании и пр. должны немедленно подготовиться к «переселению» евреев, причем сделать это чуть ли не немедленно. Он объяснил это погромом в Ровно, где были ликвидированы все евреи, т.е. расстреляны под Костполем»⁷⁰.

В первую ночь, когда только начался разгром ровенского гетто, Барбара Барац с дочерью сумели выбраться и спрятаться на квартире друга их семьи Якова Сухенко. Барац с нескрываемым отвращением вспоминала, что, пока они оплакивали жестокое уничтожение оставшихся евреев, немецкие соседи Сухенко устраивали праздничную вечеринку: «В то время [как мы слышали крики евреев], в квартире немки шумно праздновали, я слышала музыку, слышала, как они танцевали»⁷¹.

Ровенское гетто было ликвидировано в последнюю *Aktion* в августе 1942 года. «В 11 вечера украинские полицаи и личный состав немецкой армии окружили гетто, вывели всех евреев, погрузили их в вагоны и вывезли в неизвестном направлении. Небольшая группа евреев сбежала в другие города по арийским документам, некоторые — в другие гетто»⁷². Опечатанный поезд направлялся к расположенным неподалеку местам расстрела или к другим гетто, которые тоже были ликвидированы в последующих операциях.

Следователи сопровождали евреев Ровно в последнем пути и вели учет их последовательной ликвидации в августе и сентябре 1942 года. 25 августа 1942 года немецкие подразделения и украинские милиционеры расстреляли около 3000 человек в Березне⁷³. После казни специальная группа из восьми немецких полицейских и нескольких местных членов украинской милиции обратилась к местному населению с просьбой выдать оставшихся евреев: «Любой, кто хочет получить килограмм соли и полкилограмма сахара, должен выдать евреев»⁷⁴.

25 сентября 1942 года в деревне Александрия под Ровно несколько местных жителей-украинцев видели, как два грузовика привезли советских военнопленных копать большую яму примерно в полукilометре от железнодорожного моста, на местном поле⁷⁵. В ту ночь прибыли отряды украинской милиции из Тучина, Клевая и Костополя⁷⁶. Потом деревню окружили военные и милиционеры. В ту ночь многие евреи попытались бежать, опасаясь за свою жизнь, но большинство из них были застрелены милиционерами, перекрывшими все пути. На следующий день 43-летний украинский плотник Иван Морозик пошел посмотреть на *Aktion* — расстрел евреев.

«На следующий день они собрали всех евреев на площади и начали отбирать ценные вещи: кольца, часы, браслеты. Я тогда хотел пойти копать картошку, но у меня не было лопаты, так что меня задержали и повезли с остальными. Нас всех привезли в сторону Святского леса, на поле. Всем, у кого были лопаты, и мне в том числе, было приказано отойти в заросли. Когда мы отошли, между нами и ямой встали охранники. Потом они разделили мужчин и женщин, женщинам велели раздеться догола. Одна еврейка, Чехман, забилась в истерику, умоляя дать ей проститься с мужем, но немец только сильно ее ударил.

Когда все женщины разделись, им велели спуститься в яму, и те, кто стояли близко, включая меня, слышали плач женщин и детей и выстрелы автоматов-пулеметов. Потом настала очередь мужчин раздеваться. Трое еврейских мальчиков должны были ходить между ними и собираться все, что находили в карманах, потом мужчин тоже заставили спуститься в яму.

Потом немцы приказали нам закапывать [мертвых], и мы уже закончили и только начали расходиться, когда привезли еще двадцать евреев, и нам приказали остаться. Когда [эти последние евреи] начали раздеваться, я дал деру в лес и по оврагу добрался до дома племянника, который жил там неподалеку»⁷⁷.

Пятидесятитрехлетняя вдова Агафья Ковальчук добавляла: «После массового расстрела [украинская милиция] начала проводить обыски в квартирах [в ев-

рейском гетто], а потом прочесывала леса в поисках спрятавшихся. Им удалось поймать примерно сотню человек, которых затем отвели на реку Горынь и там расстреляли»⁷⁸. Ковальчук указала имена некоторых местных членов Украинской народной милиции, участвовавших в бойне, в их числе были: начальник милиции Павел Гаврилюк, его заместители Александр Онищук и Павел Семенюк, а также Александр Остапович, Юрий Моркуп и многие другие⁷⁹. Рассказывают, что Онищук славился особой жестокостью. Ковальчук утверждала, что своими глазами видела, как он схватил пожилого еврея и потребовал: «*Давай сюда золото!*» — но у того золота не оказалось, и тогда Онищук схватил старика за бороду и оторвал ее вместе с кожей, а потом вырезал крест на лбу у еврея⁸⁰. В октябре в деревне Старомыльск под Здолбуновом в местном овраге были расстреляны 1700 евреев⁸¹.

Начиная с этого дня, Ровно и близлежащие окрестности были официально обозначены как *Judenfrei*, т.е. свободные от евреев. В следующие семь месяцев продолжалась ликвидация других гетто на всей территории рейхскомиссариата «Украина», так что к окончанию операции в апреле 1943 года большая часть Украины была официально объявлена «свободной от евреев».

ПРИЗРАКИ ЕВРЕЕВ, “ПАРЯЩИЕ В СУМЕРЕЧНОМ МИРЕ”

В рассказе Исаака Башевиса Зингера «Свадьба в Браунсвилле» к доктору Солломену Марголину является дух его прежней любви Рейцель, которую немцы расстреляли со всей семьей в Польше. Доктор не может ничего понять. И в рассказе Башевиса Зингера есть такие строки: «*Очевидно, Рейцель и сама не понимает того, что с ней произошло. Он слышал о таких случаях, — как это называется? — парение в сумеречном мире. Астральное тело, отделяясь от физического, находится в состоянии полусознания и, не имея возможности достичь своих целей, цепляется за фантазии и прошлое*»⁸². Выжившего Марголина съедает чувство вины. «*Если хочешь знать, то полагаю, что мы и на самом деле тогда умерли. Нас истребили, стерли с лица земли. Даже уцелевшие носят смерть в своих сердцах*». «*Он страдал от ипохондрии, а страх смерти преследовал его даже во сне*». И все же он каким-то образом сумел найти в своем сердце место для мира, не отпустить призрак погибшей возлюбленной.

Трагическая судьба евреев Ровно преследовала и до сих пор преследует немногих выживших и их потомков. Как и многие другие евреи Ровно, Меир Оксман избежал Холокоста в Ровно только потому, что был арестован в 1940 году и провел войну в советском лагере в Сибири. После отступления вместе с советскими войсками в июне 1941-го он был вскоре арестован за сионизм. Во время войны до Оксмана доходили слухи о том, что все евреи Ровно погибли. Оксман рассказывал, что, когда ему изредка доводилось встретиться в лагере земляков из Ровно, они «*оплакивали судьбы наших братьев, сердца обливались кровью, мы жаждали мести*». Больше всего на свете Меир Оксман желал возмездия. Вскоре после окончания войны он вернулся домой. «*Повсюду, куда ни глянь, оставались следы разрушения и осквернения. Я прибыл на ровенский*

вокзал и увидел перед собой город, который как будто пострадал от землетрясения. С землей сравнивали целые районы, и только остовы домов и груды развалин говорили о том, что здесь произошло. Я ходил по улицам, смотрел на людей и не увидел ни одного еврея»⁸³.

Меир Розенбойм всю немецкую оккупацию прятался с семьей в доме сочувствующего выходца из Чехии. Даже после того, как один украинский знакомый выдал его украинскому полицейскому, он сумел избежать ареста и полтора года скрываться в землянке, спрятанной под стогом сена неподалеку от чешской деревни⁸⁴.

В отличие от большинства евреев, Кристина Новаковски так никогда и не вернула себе прежнее еврейское имя Лии Бодкиер, которое носила до войны. Возможно, в ее душе Лия умерла вместе со всей семьей холодным ноябрьским днем 1941 года, и потом только переродилась в польку Крестину Новаковски, так и оставшись ею до конца дней. Возможно, это связано с тем, что 10 октября 1942 года в Здолбунове у них с Юреком родился сын Ежи, а боясь антисемитизма в Польше, она и после войны решила скрывать еврейское происхождение. В семейных фотоальбомах Новаковски сохранилось немало снимков Кристины Новаковски. Есть там и несколько ее довоенных фотографий, но на каждом снимке Лии Бодкиер ее собственной рукой имя исправлено на «Крестину Новаковски».

В 1960 году Кристина Новаковски решила посетить семейный дом Бодкиеров в Ровно. Ей удалось отыскать сам дом, где они жили, и поговорить со многими бывшими соседями, как немногочисленными выжившими евреями, так и неевреями. Она прошла по их квартирам, вспоминая свое прошлое, и взгляд Кристины Новаковски задерживался на семейной мебели Бодкиеров, растащенной из ее отчего дома еще в 1941 году⁸⁵. Неожиданные приветы из похороненного прошлого поразили ее до глубины души.

Юрек и Кристина Новаковски развелись в 1956 году. Кристина в конце концов иммигрировала в Швейцарию, где устроилась работать библиотекарем в Цюрихе. Ее сын Ежи писал: «Она постоянно использовала имя, которое получила в войну, — Кристина, думаю, так она продолжала защищать и меня. Мне кажется, что страхи военного времени все еще живы в ней. И все же чем старше она становится, тем больше возвращается к еврейским корням. Она присоединилась к общине и выбрала кладбище в Цюрихе, где завещала себя похоронить. На могильной плите написаны оба ее имени, а также имена родителей и сестры»⁸⁶.

ПРИЗРАКИ ЕВРЕЕВ И ГНЕТУЩАЯ ПУСТОТА

*День — для живых, ночь — для мертвых.
[Старинная польская пословица]*

Все места, где творились жестокие преступления, имеют особое значение для будущих поколений. Но в случае с Ровно вскоре после войны было приложено немало усилий, чтобы «изгладить из памяти» мысль о том, что под

одним из крупнейших в стране городов, всего в какой-нибудь сотне метров от главного шоссе, ведущего в Киев, захоронены 23 500 жертв расстрела. Первые скромные памятники, поставленные сразу после войны, давно забыты, а многие были еще и разрушены воинствующими антисемитами. В следующие 46 лет советской власти место официально предали забвению, а лесные заросли поглотили могилы. Памятные мероприятия начинали и вскоре забрасывали.

Астрофизики посвящают всю жизнь изучению того, что невидимо глазу. Никто никогда не видел границы Вселенной, но астрофизики сумели математически доказать их существование. Никто никогда не видел черных дыр, но астрофизики могут вычислить их существование по тому эффекту, который они оказывают на соседние звезды.

Точно также современная Украина — это страна, в которой об истории ведутся споры, место, где многие либо отрицают Холокост на территории Украины, либо преуменьшают его значение для истории страны. Слово «Холокост» на Украине чаще употребляется в отношении Голодомора — голода 1932–1933 годов, который, по мнению многих украинцев, был прямым следствием сталинской политики «геноцида», направленной против украинцев. Память о судьбе украинских евреев во время войны оказалась в значительной степени похороненной вместе с погибшими.

И все же, несмотря на многолетнюю решимость украинцев сквозь пальцы смотреть на собственную историю, существуют объективные исторические свидетельства, которые не дают о себе забыть. Р. Клифтон Спарго отметил, что *«сама природа заключает в себе следы жестокости, поскольку была не только ее свидетелем и в прямом смысле — местом преступления, лес как будто и сам помнит о зверствах, здесь происходивших»*⁸⁷. В первые 20 лет постсоветской истории Украины открытие массовых захоронений стало обычным делом, а украинские судмедэксперты оказались в сложном положении: из-за националистических веяний ответственность за открытые новые братские могилы все чаще возлагают на советские зверства, а не на нацистскую жестокость.

Культурное влияние, которое оказывает такое количество замученных и похороненных столь близко к украинским деревням, селам и городам, никогда особенно не изучалось. И, несмотря на повсеместное обилие скрытых от глаз массовых захоронений, живые постоянно проходят мимо них, как будто не замечая их следов по соседству — следов, которые красноречиво спорят с их видением прошлого страны. Советская власть систематически мешала сохранению памяти о погибших евреях, замалчивала их смерти, часто целенаправленно стремилась буквально закатать в асфальт места, где они пострадали, как и все прошлое украинских евреев в целом⁸⁸. Только в 2013 году, например, администрация города Львова официально приняла решение о прекращении использования еврейских надгробий для мощения общественных дорожек⁸⁹. Многие были уничтожены, и уничтожены намерен-

но: разрушить хотели и материальные свидетельства, и память, которую они в себе несли.

В Бобрке, городе в 27 километрах от Львова, советские военные бульдозерами разровняли местное еврейское кладбище, а сверху построили казармы. В самом Львове был построен детский сад, для которого был использован песок с братской могилы в Яновском концентрационном лагере, где под песком покоились кости десятков тысяч замученных евреев. Когда в 1945 году местность исследовала Советская государственная чрезвычайная комиссия, советские инженеры обнаружили источающий страшный запах озеро трупного жировоска в несколько метров глубиной, которое поднялось на поверхность из-под песка. *«На летней жаре находившиеся близко к поверхности тела быстро перегнивали и распространяли настолько невыносимый запах, что подойти к могилам поближе было невозможно»*⁹⁰. Во время войны Большую синагогу Ровно превратили в сортировочный склад для вещей, конфискованных у евреев, теперь же здесь располагается модный спортивный и торговый центр «Олимп». Площадь Грабника у Покровского собора теперь превратилась в символ городского забвения. Там нет ни одного камня, ни одной таблички, которые бы напоминали о том, что здесь когда-то находилось еврейское гетто — ведь здесь и располагался район Воля на северо-востоке города. Единственным исключением в забвении прошлого ровенских евреев стал лес Сосенки, где в 1991 году международная еврейская организация воздвигла мемориал на месте расстрела. Однако сейчас все уже давно заросло и пришло в запустение, а антисемиты регулярно устраивают здесь поджоги и разграбляют могилы. На Белой улице, на месте, где стояла тюрьма Гестапо, наоборот, установлен красивый памятник, за которым постоянно ухаживают, вот только посвящен он «52 000 мужчин и женщин, погибшим здесь», и нигде не упоминается о том, что большинство из них были евреями. Отвергнутое наследие.

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ: ЕВРЕЙСКИЕ МЕСТА В РОВНО СЕГОДНЯ

Столько усилий было приложено к тому, чтобы стереть память о прошлом, но и теперь кости ровенских евреев не дают о себе забыть, останки не дают себя спрятать, как будто мертвые сами находят способы напомнить живым о неприглядной и ужасающей правде, о бесславном прошлом Украины.

Удивительно, что еврейский фольклор, столь богатый рассказами о демонах, големах и дибукках, почти ничего не рассказывает о призраках Холокоста⁹¹. И все же в Ровно и его окрестностях одна из самых живучих городских легенд, существующих и поныне, повествует как раз о призраках евреев, о жертвах Холокоста, которые и сейчас преследуют город. Многие верят, что советские попытки заложить плитами то место в Сосенках, где покоятся 23 000 мужчин, женщин и детей, провалились именно из-за вмешательства потусторонних сил: призраки евреев не хотели, чтобы это место предали забвению. Вот и в наше время многие рассказывают, что видели призраков

на четырехкилометровом участке дороги между Собором на площади Грабника и лесом Сосенки.

По всей Германии, Польше и Украине, где были жестоко убиты миллионы евреев, сложилась обширная и богатая культура призраков евреев, которые продолжают бродить по землям своих убийц. Польский фольклорист Алина Кала писала, что в польском народном сознании «*потусторонние силы охраняют священные для евреев места: синагоги, кладбища и даже те места, где они были в прошлом*»⁹². Под верхним слоем этих городских легенд, замешанных на вере в сверхъестественное, лежит глубокий отпечаток послевоенной народной культуры. Социолог Эйвери Ф. Гордон писал: «*Призрак — это не просто мертвый или пропавший без вести человек, это социальная фигура, и изучение этого феномена начинается там, где тесное переплетение истории и личностей сливается в жизнь общества. ... Прошлое часто преследует нас помимо нашей воли, оно обладает мощной энергией и всегда — каплей магии, меняет нашу структуру восприятия реальности. Мы на собственном опыте сталкиваемся уже не с холодными фактами, а вспоминаем забытое и через это меняемся сами*»⁹³.

Такие призраки — это проекция незавершенного прошлого в настоящее. Одним из излюбленных еврейскими привидениями мест в современной Польше является Муранов, район в Варшаве, ставший еврейским гетто, обитатели которого были полностью истреблены после Восстания в варшавском гетто в апреле 1943 года. Это трагическое место прославили бессмертные слова выжившего узника гетто Юлиана Тувима из обращения «Мы, польские евреи», написанного в 1944 году: «*Мы, польские евреи... [Но] вернее тогда: не “мы, польские евреи”, а “мы, призраки, тени замученных и убитых братьев наших — польских евреев”... Мы, польские евреи... Мы, вечно живые — это значит те, кто погиб в гетто и лагерях, и мы, призраки, то есть те, кто из-за морей и океанов вернемся в страну и будем пугать среди руин целостью сохраненных тел и призрачностью как будто бы сохраненных душ... Мы — вновь в катакомбах, в бункерах, под мостовыми Варшавы, топающие в вони канализационной жижи, провожаемые удивленными взглядами здешних постоянных обитателей — крыс*»⁹⁴.

Вслед за Анри Лефевром историк Одри Молле окрестила район Варшавского гетто, ныне известный как Мурановский район Варшавы, *espace véci* — место, которое есть и в реальности, и в нашем воображении⁹⁵. Она обнаружила многочисленные рассказы о появлении призраков в Муранове: «*Местные рассказывают, что духи не покидают Муранов со времен войны*»⁹⁶. Одним из мест, где они появляются чаще всего, является высотное здание, расположенное напротив Еврейского исторического института в Варшаве. Здание было построено на месте бывшей главной городской синагоги, и в нем поселился призрак раввина, который стал являться здесь с начала строительных работ в 1976 году. «*Работы заняли пятнадцать лет, и молва приписывала проволочки в строительстве проклятью бывшего раввина синагоги*»⁹⁷. Прогуливаясь по Муранову, Моллет поняла, что каждый житель мог бы рассказать о своем рай-

оне историю, от которой мурашки бегут по коже: евреи приходят к ним в кошмарах, трясут и душат в постелях, слышатся душераздирающе крики, из ниоткуда раздаются голоса⁹⁸. Такие видения рассерженных еврейских призраков до сих пор часто происходят по всей Польше по большим праздникам, таким как *Dzień Wszystkich Świętych*, отмечающийся 1 ноября — католический праздник поминания усопших (День всех святых).

Вроцлав считается самым зловещим городом Польши. По замечанию британского журналиста, «когда Красная армия осадила Вроцлав в 1945-м, немецкое командование превратило город в крепость, устроив штаб командования в средневековых пыточных камерах под Партизанским холмом. Рассказывают, что в коридорах раздавались крики»⁹⁹. В 2009 году на этом месте был открыт популярный ночной клуб, который сейчас носит ироничное название «Провокация» и позиционируется как место, «где живые встречаются с мертвыми». Призраки жертв, замученных не то Советами, не то Германией, все еще бродят по катакомбам и улицам Одессы, общежитию Харьковского университета ... чуть ли не везде, где когда-либо евреи жили и умерли насильственной смертью во время и после Второй мировой войны. Жители Лоди рассказывают, что слышат стенания еврейских подневольных рабочих, которых немцы потом убили в последнем доме по улице Попиолы¹⁰⁰. В деревне Горай на юго-востоке Польши, неподалеку от Люблина, местные жители часто сообщают о том, что видели на еврейском кладбище льва, которого они считают еврейским духом, охраняющим могилы. На том месте, где собрали евреев и откуда их потом депортировали осенью 1939 года, жители нередко наблюдают призрачных евреев, расхаживающих с длинными курительными трубками по улице, примыкающей к современной часовне св. Яна Непомуцкого (рядом с муниципальным культурным центром)¹⁰¹.

Неподалеку от Горая польская Избица, расположенная примерно в 250 километрах к западу от Ровно, во время войны стала транзитным гетто для евреев, которых отправляли на смерть в лагеря Белжец и Собибор. В результате в 1942 году евреи составляли 93% местного населения. Журналистка Малгожата Мацьковиак описывала город так: «Десятилетиями Избица была городом, где эхо кошмаров военного времени смешивалось с присутствием потустороннего прошлого. Самым мрачным местом в Избице считается дом, ныне заброшенный, который был построен на краю братской могилы убитых евреев. “В этом доме слышались крики детей и топот ног по лестнице”. Очевидцы утверждают, что видели, “как по стенам дома стекала кровь, а по ночам мы слышали детский плач. Иногда можно было услышать, как кулаком разбивали окно”»¹⁰².

О чем говорят все эти легенды о призраках евреев, сложившиеся в юго-восточной Польше и на западной Украине? Лучше всего на этот вопрос ответил Эйвери Гордон: «Преследование — это то, что должно было кончиться, но так никогда и не кончилось»¹⁰³. Прошлому Холокосту украинских евреев не был положен конец. В глубокомысленном эссе «Еврейские призраки Польши» Руфь Виссе сравнивает потерю евреев для польской культуры и истории с потерей конечности: «Сегодня некоторые поляки ощущают потерю еврейского населения

как фантомную боль в конечности, которая была ампутирована, но создает неприятное ощущение того, что она все еще на месте. Однако евреев больше нет»¹⁰⁴. Джонатан Шорш подчеркивал первостепенную важность этой ассоциации с еврейскими демонами, с жертвами Холокоста, которые не желали упокоиться: «На Границе черной дыры этой народной травмы, грань между вымыслом и реальностью, между настоящим и прошлым стирается». «Преследование призраков — это именно “тот особый случай, когда сливаются видимое и невидимое, живые и мертвые, прошлое и настоящее”»¹⁰⁵.

ГРУЗ ИСТОРИИ: “ДАЖЕ УЦЕЛЕВШИЕ НОСЯТ СМЕРТЬ В СВОИХ СЕРДЦАХ”

“Я не сплю по ночам, я не могу спать по ночам. Меня все время нагоняют призраки”.

*Шимон Сребник,
ветеран гетто Лоди*¹⁰⁶

Истории о привидениях не дают покоя целым поколениям неевреев на Украине, создавая особые места, которые остаются священными и даже пугающими для большинства украинцев. Но куда более реальные призраки — груз неискупленного и ужасающего прошлого — преследуют самих евреев.

Груз этот проявляется по-разному. После освобождения Ровно в 1944 году советскими войсками один из выживших, Эдуард Розенберг, узнал, что на него, его жену и всю семью, которая была в полном составе арестована, а потом расстреляна в лесу Сосенки, донес украинец Зубков, член немецкой СД. И еще Розенберг узнал, что Зубков с семьей вслед за отрядом СД переехал в Люблин. «Это была для меня особенно важная информация, я ведь хотел выследить его [Зубкова] и отомстить за смерть моей жены и семьи, их всех расстреляли по его доносу»¹⁰⁷. Подобную жажду возмездия десятилетиями испытывали все выжившие евреи¹⁰⁸. Либель Гальперин, мальчик, которому удалось выкарабкаться из-под груды мертвых тел в Сосенках, вступил в партизанский отряд в 1942 году, он мечтал причинить страдания тем, кто причинил их ему и его семье: «Я воевал и мстил [за те страдания], но сердце до сих пор не спокойно»¹⁰⁹. Читая истории, подобные той, что случилась в Ровно, мы, конечно, вызываем к справедливости. Но как можно найти справедливость, преодолевающую такую невыразимую, невообразимую боль? Лоуренс Лэнгер поднял этот вопрос с особенной остротой: «Позвольте мне начать с конкретных подробностей, поскольку я убежден, что все попытки проникнуть в трагический мир Холокоста должны начинаться с несмягченного описания самых страшных преступлений того времени. Я недавно слушал рассказ выжившего в Ковенском гетто. Он говорил о так называемой Kinderaktion, когда немцы собрали всех детей (и многих стариков) и повели их в Девятый форт на казнь. Свидетель находился в комнате, когда вошел солдат СС и потребовал у ма-

тери отдать годовалого малыша, которого та держала на руках. Она отказалась подчиниться, так что солдат схватил ребенка за ноги и разорвал его пополам на глазах у матери.

Каждый раз, когда я слышу такие истории, которые, к сожалению, не единичны, но рассказывают о сотнях подобных случаев, у меня каждый раз идет мороз по коже, я не могу поверить, что такое возможно, отчасти из-за животного ужаса, который испытываешь от такой истории, потому что это идет вразрез со всеми моими представлениями о том, как можно и нужно жить. Я пытаюсь представить, что чувствовали те, кто там находился, — мать, свидетель и убийца, но больше того — я спрашиваю себя, что можно сделать с этой информацией, как нам вписать ее в историю, в литературу, которые больше никогда не дадут вырваться спонтанной злобе, скрывающейся в таких поступках? На каких скрижалях человечества нам написать это? Как не дать человечеству забыть об этих зверствах и определить их как самое страшное зло, присущее всему человечеству?

Наверное, никак. Для этого потребуются скрижали, которые как раз человеческими не будут, нам придется дать определения обществу бесчеловечному в противовес нормальному, а раз всего этого нет, мы, за неимением другого, возвращаемся к более традиционным способам выражения. Результаты могут оказаться приемлемыми, но какой ценой достанется нам это послабление? Другой способ состоит в том, чтобы начать с принятия действительности, в которой бы не было ни философии, ни системы воззрений, которые мы лелеем с начала времен, и принятия последствий этого тяжелого решения, куда бы они нас ни завели»¹¹⁰.

Нас всех преследуют ужасы Холокоста, с которыми невозможно примириться из-за присущего нам ощущения ценности жизни.

С этой точки зрения, неотступное преследование как евреев, так и неевреев не зависит напрямую от Холокоста в Ровно. Дело в том, что опыт переживших этот Холокост трансформировался в более значимый опыт, который дополняется и опытом тех, кто его не пережил. Израильский писатель Амос Оз посвятил свои мемуары «Повесть о любви и тьме» своей маме, Фаине Клауснер, которая покончила с собой в 1952 году в возрасте 38 лет, когда сыну было всего двенадцать. Отец Фаины Клауснер до войны владел мельницей в Ровно, но в 1934 году вся семья сумела перебраться в Израиль. Несмотря на то, что она и ее семья не испытали на себе всех ужасов войны лично, Фаину потом до конца жизни преследовали ложные воспоминания о той страшной бойне в лесу Сосенки, где погибли «среди веток, птиц, грибов, кустов смородины и лесных ягод» почти 24 000 евреев. Ей не удалось убежать от предсмертных криков близких, погибших в войну. Амос Оз вспоминал: «Среди непосредственных причин, сведших маму в могилу, был груз истории, личная обида, травмы и страх перед будущим. Ее всегда терзали дурные предчувствия, может, так сказался на ней Холокост. Может, ей представлялось, что то, что случилось с евреями в ее родном городе, рано или поздно случится и здесь [в Израиле], что здесь перебьют всех. Конечно, она не делилась такими мыслями с маленьким мальчиком, разве что косвенно, через те истории и сказки, что она рассказывала, книги, которые читала, шопенгауэрское видение мира, от которого волосы вставали дыбом.

К концу 1951 года депрессия Фаины приняла угрожающие обороты. Она умерла в отчаянии, бродя по улицам Тель-Авива в страшный ливень, по-видимому, приняв смертельную дозу успокоительного, чтобы навсегда заглушить крики призраков Ровно»¹¹¹.

Груз этот переходит с живых и мертвых в том числе и на их потомков. Физиологи наблюдают за тем, как он передается от поколения к поколению и как влияет на наследников, выживших в Холокосте. Груз прошлого, лежащий на живых, лучше всего описал журналист из Филадельфии Дэвид Ли Престон, и отец, и мать которого пережили Холокост. Его мать, родом из украинской Турки, подростком пряталась всю войну в сточных трубах Лемберга (Львова). Его отец был Ровенским евреем, который получил стипендию на обучение на инженера-химика во Франции, сумел выжить в Аушвице и Биркенау. Престон с грустью вспоминает, как трагическое прошлое, пережитое во время Холокоста, продолжало преследовать и его самого в повседневной жизни: *«Холокост не отпускает меня. Если я иду на симфонический концерт, я вижу перед собой полукруг еврейских музыкантов, которых заставляли играть в Белжеце, где вместе с еще 600 000 других евреев замучили моих бабушку с дедушкой. В поезде я чувствую себя своим отцом, которого везут в товарном вагоне в Аушвице в окружении мертвых и еще еле живых тел. Если в спортзале я иду в душ, мне кажется, что я принимаю душ перед газовой камерой с бабушкой и дедушкой. Если приходит почтальон — для меня он тот самый почтальон, который ждал за дверью дома в Турке, когда пришли за семьей мамы, а после вошел внутрь и взял, что ему понравилось. Если я иду в лес, меня вместе с родителями папы и другими евреями Ровно гонят в лес, где приказывают рыть себе могилы, перед тем как нас уложит в них автоматная очередь»¹¹².*

Для некоторых представления о Холокосте заменяют, обрамляют и предопределяют их собственную, настоящую жизнь. Менахем З. Розенсафт так изложил тяжелые воспоминания: *«Многие, если не все дети и внуки тех, кто пережил Холокост, делят жизнь с призраками. В нашей жизни их не меньше, чем на кладбище. Мы носим с собой тени и эхо умирающих в мучениях, которых мы никогда не испытывали и не видели». Личным призраком Розенсафта стал его брат, которого он никогда не видел и который был убит в ночь с 3 на 4 августа 1943 года в Аушвице: «Со смерти моей матери в 1997 году он живет во мне. Я могу представить себе его лицо, попробовать представить голос, страх, охвативший его, когда захлопнулись двери газовой камеры, его последние слезы. Если я его забуду, он исчезнет. ... Мы, те, кого преследует прошлое, тоже должны передать своих призраков приемникам»¹¹³.*

Призраки евреев преследовали и преступников. Например, в феврале 1942 года генерал СС Эрих фон дем Бах-Зелевский вернулся домой с восточного фронта, страдая тяжелыми заболеваниями кишечника. Начальник медицинской службы СС доложил Гиммлеру, что фон дем Бах-Зелевский *«страдал от галлюцинаций, вызванных расстрелами евреев, которые тот проводил лично»¹¹⁴.* Другой случай касается генерала войск СС Карла Вольфа, который

был главнокомандующим немецкими войсками в Италии в 1945 году, а до этого руководил аппаратом Генриха Гиммлера. Историк Ричард Брейтман сообщает: «В начале 1946 года у Вольфа диагностировали паранойю, и его направили на психиатрическую экспертизу: ему мерещилось, что его преследуют еврейские демоны»¹¹⁵. Вольфа настолько захватили видения еврейских призраков, жаждущих отмщения за его преступления, что в феврале 1947 года его определили в психиатрическую лечебницу¹¹⁶.

И все же, пока некоторых не отпускают трагедии прошлого, другие ищут возможности нажиться на смерти и останках погибших евреев.

РАСХИЩЕНИЕ И ОСКВЕРНЕНИЕ МОГИЛ

Впервые внимание международной общественности к жуткой «традиции» расхищения могил на местах массовых убийств евреев во времена Второй мировой войны привлекли строки из поэмы Андрея Вознесенского «Ров»:

**Тощий, как кочерга,
Гамлет брал черепа
и коронок выдёргивал ряд.
Человек отличается от червя.
Черви золото не едят.
Ты куда ведёшь, ров?
Ни цветов, ни сирот.
Это кладбище душ — геноцид¹¹⁷.**

Монумент, построенный на месте кровавой расправы в 1945 году, был, очевидно, снесен при советской власти. Вспоминает Авраам Киршнер: «После окончания войны мы собрали Еврейский совет, состоявший из бывших жителей Ровно и включавший 12 человек. Мы нашли то место, раскопали каждый ров, сделали насыпи на каждой могиле, отгородили все забором. Мы делали это несколько раз, однако каждый раз наши труды сводили на нет бандеровцы [представители украинского националистического подполья, последователи С. Бандеры]. Они вырывали столбы и разрезали колючую проволоку. Они уничтожили все сделанные нами надписи, говорившие о том, что место посвящено памяти [евреев] жертв фашистов.

Весной 1944 года со всего Ровно собралась люди, раввин Штейнберг вознес молитву Кадиш и произнес речь в память о жертвах зверств гитлеровской армии»¹¹⁸.

Владислав Семашко также добавляет, что оставшимся жителям Ровно приходилось переделывать монумент «несколько раз, так как каждый раз кто-то уничтожал все опознавательные знаки, а мемориальные таблички осквернялись непристойными надписями»¹¹⁹. В июне 1991 года на том же месте был воздвигнут новый монумент в честь 50-летия со дня вторжения немецких захватчиков¹²⁰. С тех пор это место все так же притягивает грабителей могил и вандалов.

За последние двадцать лет независимости Украины в ровенских газетах регулярно встречаются статьи о так называемых «черных археологах» — грабителях могил, выкапывающих останки евреев на территории массовых захоронений в Сосенках в поисках золота, бриллиантов и других ценностей¹²¹. Согласно распространенному на территории юго-востока Польши и запада Украины поверью, на могилах евреев можно найти огромные богатства. Польский фольклорист Алина Кала отметила в своей хронике *«безумные попытки найти спрятанные сокровища на территории разрушенных синагог, домов, на заброшенных кладбищах и даже в лагерях смерти»*¹²². *«Некоторые жители села Белжец [рядом с которым находился один из лагерей смерти] разбогатели, выкапывая золотые цепочки и зубы в местах захоронений»*¹²³. Все эти поиски выглядят по меньшей мере иронично, учитывая ситуацию в современной Украине, где массовая культура отрицает само существование еврейских останков, несмотря на то, что коварные и изворотливые оппортунисты постоянно оскверняют священные останки евреев с целью наживы.

Казимеж Выка, известный польский литературовед из Ягеллонского университета в Кракове, выразился по этому поводу лучше всех: *«Золотой зуб, вырванный изо рта покойника, будет кровоточить всегда, даже если никто не узнает, откуда он»*¹²⁴.

В 1946 году Моисей Мошкович, переживший Холокост житель украинского города Стрый, призвал немцев признать преступления против еврейского народа, в противном случае немцев всегда будут преследовать их неуспокоенные души, не желающие быть забытыми: *«Сегодня все евреи в Германии, рожденные здесь или приехавшие сюда, являются обвинителями немцев, они преследуют и будут преследовать их до тех пор, пока каждый из тысяч и миллионов немцев, принимавших личное участие в уничтожении евреев, не будет предан правосудию... Пока немцы не найдут в себе смелость признать последствия преступлений нацистов против евреев, они так и будут искать способы прогнать такого обвинителя со своей земли и осудить его как возмутителя мира и спокойствия»*¹²⁵.

Это заявление можно перефразировать для нашего случая: **«Пока украинцы не найдут в себе смелость признать последствия преступлений украинских националистов против евреев, они так и будут искать способы прогнать такого обвинителя со своей земли и осудить его как возмутителя мира и спокойствия»**¹²⁶. Среди всех европейских стран Украина оказалась меньше всех способной признать свои преступления против евреев, и поэтому сегодня украинцев преследуют неуспокоенные души, не желающие быть похороненными¹²⁷.

Историк Омер Бартов в своем исследовании показал, как много усилий приложили украинцы, чтобы стереть еврейскую культуру из своей национальной памяти: *«Призраки прошлого до сих пор свободно бродят в горах и долинах, толпятся на немоощных улицах и собираются в синагогах, превращенных в свалки мусора, и на заброшенных кладбищах, где сейчас пасется скот. Обыватели ходят среди этих руин и призраков, вспоминая об их присутствии, только когда*

очередной незнакомец задаст им нужный вопрос, и забывают о них, как только незнакомец уйдет. Это место застыло во времени»¹²⁸.

Пришло время Украине и украинцам признать свое воинственное прошлое и позволить телам погибших евреев покоиться с миром.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

Bundesarchiv-Außenstelle (BAL) [Федеральный архив Германии, Людвигсбург]: *Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung nationalsozialistischer Verbrechen (ZStL)* [Центральная администрация следственного управления по расследованию национал-социалистических преступлений Людвигсбург].

Державний архів Львівської області (ДАЛО) [Государственный архив Львовской области (Львов, Украина)]:

Ф. Р-12: Команда української поліції у Львові. Оп. 1. Д. 4.

Ф. Р-239: Прокуратура Львовской области Прокуратуры СССР. Оп. 2, Следственный отдел.

Державний архів Служби безпеки України [Государственный архив Службы безопасности Украины (Киев)]:

Ф. 13 ФП. Дело 74725 (5398) Аунапу, Эдмунд Густав (Род. в 1910 г. в Эстонии, батальон «Ostland»).

Державний архів Рівненської області (ДАРО) [Государственный архив Ровенской области (Ровно, Украина)]:

Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 83. Л. 1-124.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) (Москва, Россия):

Ф. Р-7021: Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков;

Ф. Р-7021. Оп. 71. Д. 1 [Свидетельства очевидцев из Ровенской области]:

(1) Елисей Данилюк (род. в 1881 г.) (Л. 32);

(2) Яков Карпук (род. в 1886 г.) (Л. 34-35);

(3) Ипполит Ситовский (род. в 1902 г.) (Л. 38-39);

(4) Казимир Новосадовски (род. в 1922 г.) (Л. 42);

(5) Протоиерей Михайло Носаль (Л. 44-45);

(6) Вера Байдан (род. в 1908 г.) (Л. 49-50);

(7) Валерьяна Маевская (род. в 1901 г.) (Л. 52);

(8) Яков Ушаков (род. в 1921 г.) (Л. 54);

(9) Нина Криволец (род. в 1894 г.) (Л. 58-59);

(10) Анна Морозовская (род. в 1893 г.) (Л. 62);

(11) М. Рыбинский (Л. 65);

(12) Иосиф Мартыновский (род. в 1903 г.) (Л. 114-116);

(13) Мария Рейзек;

(14) Емельян Стухлий;

- (15) Вячеслав Мадера;
 - (16) Владимир Моровек;
 - (17) Надежда Коваржик;
 - (18) Анна Краживка;
 - (19) Севастьян Подгаук;
 - (20) Владислав Кобелянский;
 - (21) Феодосия Мартынюк;
 - (22) Андрей Ковальчук;
 - (23) София Козак;
 - (24) Ольга Охота (род. в 1914 г.);
- Ф. Р-7021, Оп. 71, Д. 40 [Свидетельства очевидцев из Ровенской области]:
- (1) Анна Морозовска (род. в 1893 г.) (Л. 7-8);
 - (2) Ольга Трихлеб (род. в 1914 г.) (Л. 9-10);
 - (3) Эдуард Розенберг (род. в 1893 г.) (Л. 11-12);
 - (4) Хольм Израилевич Лернер (род. в 1902 г.) (Л. 13-14);
 - (5) Юрий Новаковский (Jurek Nowakowski) (род. в 1918 г.) (Л. 15-16);
 - (6) Эмилия Раблинская (род. в 1898 г.) (Л. 17-18);
 - (7) Мария Демчишина (род. в 1901 г.) (Л. 19-20);
 - (8) Николай Воробьев (род. в 1914 г.) (Л. 21-24);
 - (9) Григорий Клешкань (род. в 1904 г.) (Л. 25-27);
 - (10) Кристина Новаковска (урожд. Лиа Бодкиер, род. в 1923 г.) (Л. 28-29);
 - (11) Яков Карпук (род. в 1886 г.) (Л. 30-31);
 - (12) Иван Федоров (род. в 1917 г.) (Л. 32-33);
 - (13) Мария (Ковальчук) Дмитриева (род. в 1922 г.) (Л. 34-35);
 - (14) Эдуард Розенберг (род. в 1893 г.) (Л. 36);
 - (15) Галина Борщевская (род. в 1894 г.) (Л. 37-38);
 - (16) Леонард Дубинский (род. в 1881 г.) (Л. 39-40);
 - (17) Татьяна Грицюк (род. в 1921 г.) (Л. 41-42);
 - (18) Евгения Казачек (род. в 1913 г.) (Л. 43-44);
 - (19) Анна Михель (род. в 1916 г.) (Л. 45-46);
 - (20) Анна Колычева (род. в 1914 г.) (Л. 47);
 - (21) Паулина Синякова (род. в 1912 г.) (Л. 49);
 - (22) Мария Ласковецкая (род. в 1897 г.) (Л. 50);
 - (23) Анна Колычева (род. в 1914 г.) (Л. 51);
 - (24) Юрий Новаковский (род. в 1918 г.) (Л. 52-53);
 - (25) Анна Лавренюк (род. в 1898 г.) (Л. 54);
 - (26) Мария (Левицкая) Марчук (род. в 1924 г.) (Л. 55);
 - (27) Антон Котвица (род. в 1910 г.) (Л. 56-57);
 - (28) Наталья Котвица (род. в 1907 г.) (Л. 58-59);
 - (29) Юрий Новаковский (род. в 1918 г.) (Л. 60-61).

Музей Второй мировой войны (Натик, Массачусетс).

Семейный архив Мусман:

Фотография из личной коллекции Чаи Мусман.

Национальное управление архивов и документации (NARA) (Колледж Парк, Мэриленд):

NARA, RG263 [NND36821], CIA Subject Files.

Семейный архив Новаковски:

Jerzy Joseph Nowakowski, "Family Memoirs", оригинальная неопубликованная рукопись на польском языке, подготовленная в Нью-Йорке с 5 по 28 марта 1985 года. Перевод на английский язык Тамары Новаковски. 16 печатных страниц с одинарным интервалом;

Фотографии из различных семейных альбомов Новаковски.

Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВОВ) [Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев, Украина)].

Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ) [Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Киев, Украина)].

Мемориальный музей Холокоста в США (USHMM) (Вашингтон):

USHMM, RG-06.025, Central Archives of the Federal Security Services (former KGB) of the Russian Federation records relating to war crime trials in the Soviet Union, 1939-1992, Section *02 Kiev, 1945-1946.

Институт визуальной истории и образования фонда Шоа (Лос-Анджелес, Калифорния, США):

Выжившие в Ровно:

Maria Berger, VNE interview code 32398 (на английском языке);

Eva Sosna Weiner, VNE interview code 22640 (на английском языке);

Anna Zinkevich, VNE interview code 49463 (на русском языке);

Яд ва-Шем (Иерусалим, Израиль).

Исследовательский институт идиша (YIVO) (г. Нью-Йорк, Нью-Йорк, США):

RG1258 Документы Филиппа Фридмана;

RG1871 Коллекция Нусьи Рота (содержит 172 подлинные военные листовки периода немецкой оккупации Украины, а также более 1500 оригинальных фотографий).

Żydowski Instytut Historyczny (ŻIH) [Еврейский исторический институт (Варшава, Польша)]:

zespół (группа) 301:

301/451 Szparberg Сура і Рува (Краков: 9 июня 1945 г.);

301/662 Winicer Abraham (Лодзь: 11 августа 1945 г.);

301/752 Lidowski (1942 г.);

*301/872 Adela Liberman and Ina Liberman (Лодзь: 1946 г.);

*301/1190 Kirschner Abraham (Краков: 19 ноября 1945 г.);

301/2519 Jawec Lusja (Валбжих: 24 июня 1945 г.);

301/2886 Gelman Rachel (без даты);

zespół 302:

- 302/8 [информаторы Гестапо из гетто в Кракове];
 302/29 Peres Goldstein (Гоша: 1943 г.);
 302/107 Mosze Waszczyzna (Отвоцк, Валбжих: 1947-1948 гг.).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Arad, Yitzhak. The Einsatzgruppen Reports: Selections from the Dispatches of the Nazi Death Squads' Campaign Against the Jews, July 1941 — January 1943 (Washington, D.C.: U.S. Holocaust Museum, 1990).

Auksmen, Meir [Oxsmán, Meir]. The Survivor from a Mass Grave, в А. Avitachi, ed. Rowne; sefer zikaron (Tel Aviv: "Yalkut Wolyn," 1956), 544-545.

Barac, Barbara. Escape from Destiny: Holocaust Memoirs from Ukraine (Melbourne, Australia: Jewish Holocaust Museum and Research Centre, 1990).

Doitch (Guz), Bluma. Notes of the Bloody Affair, перевод с идиша Наоми Галь, в Rowne; sefer zikaron (Tel Aviv: "Yalkut Wolyn," 1956), 529-540.

Eichenholz, Lidia. Survivor's Tale (New York: iUniverse, 2004).

Green, Sissel. Sissel's Story: A True Story of a Jewish Family's Survival from 1880 to 1958 (Bloomington, Indiana: Trafford Publishing, 2001).

Grees, Noah. The Way It Happened, перевод с идиша Наоми Галь // А. Avitachi, ed. Rowne; sefer zikaron (Tel Aviv: "Yalkut Wolyn," 1956), 521-522.

Gross, Natan. Who Are You, Mr Grymek? (London and Portland: Vallentine Mitchell, 1990).

Herman, Marek. From the Alps to the Red Sea (M.P. Western Galilee, Israel: Ghetto Fighters' Museum, 1985).

Hoess, R. *Commandant of Auschwitz: The Autobiography of Rudolf Hoess*, C. FitzGibbon, trans. (London: Weidenfeld and Nicolson, 1959).

Kaplan, Helene C. I Never Left Janowska (New York: Holocaust Library, 1989).

Klee, Ernst, Willi Dressen and Volker Riess, eds. "The Good Old Days" The Holocaust as Seen by Its Perpetrators and Bystanders (New York: Konecky and Konecky, 1991).

Klein, Peter et al., eds. Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD Publikationen der Gedenk- und Bildungsstätte Haus der Wannsee-Konferenz, Band 6. (Berlin: Edition Hentrich, 1997).

Kohn, Nahum and Howard Roiter. A Voice from the Forest: Memoirs of a Jewish Partisan (New York: Holocaust Library, 1980).

Kramer, Clara and Stephen Glantz. Clara's War: One Girl's Story of Survival (New York: ECCO, 2010).

Kuroń, Jacek. My First Encounters with Jews and Ukrainians // *Polin: Studies in Polish Jewry* Volume 14 (2001). P. 237-248.

Ledichover, Z. Rovno's End, перевод с идиша Наоми Галь, в А. Avitachi, ed. Rowne; sefer zikaron (Tel Aviv: "Yalkut Wolyn," 1956). P. 524-526.

Lewin, Kurt I. A Journey through Illusions (Santa Barbara: Fithian Press, 1994).

Lydovski, Abraham. Here Is Buried Jewish Rovno, перевод с идиша Наоми Галь, в А. Avitachi, ed. Rowne; sefer zikaron (Tel Aviv: "Yalkut Wolyn," 1956), 560–563.

Maltz, Moshe. Years of Horror—Glimpse of Hope: The Diary of a Family in Hiding (New York: Shengold Publishers, Inc., 1993).

Meed, Vladka. On Both Sides of the Wall: Memoirs from the Warsaw Ghetto (New York: Holocaust Library, 1974).

Oz, Amos. A Tale of Love and Darkness: A Memoir (Fort Washington, Pennsylvania: Harvest Books, 2005).

Pell, Joseph with Fred Rosenbaum. Taking Risks: A Jewish Youth in the Soviet Partisans and His Unlikely Life in California (Berkeley: Western Jewish History Center and RDR Books, 2004).

Preston, David Lee. A Bird in the Wind // The Philadelphia Inquirer Magazine (May 8, 1983).

Preston, David Lee. Journey to My Father's Holocaust // The Philadelphia Inquirer Magazine (April 21, 1985).

Preston, David Lee. Speaking for the Ghosts // The Philadelphia Inquirer Magazine (May 14, 1995).

Redlich, Shimon. Together and Apart in Brzezany: Poles, Jews, and Ukrainians, 1919–1945 (Bloomington: Indiana University Press, 2002).

Rosensaft, Menachem Z. Living with Ghosts of the Holocaust // The Washington Post (August 4, 2010).

Rozenboym, Meir. What I Saw with My Own Eyes, перевод с идиша Наоми Галь, в Rowne; sefer zikaro, edited by А. Avitachi (Tel Aviv: 1956). P. 526–529.

Rowne; sefer zikaro [Ровно; мемориал еврейской общине г. Ровно, Волынь], edited by А. Avitachi (Tel Aviv: 1956).

Yoran, Shalom. The Defiant: A True Story of Escape, Survival, & Resistance (New York: St. Martin's Press, 1996).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Арад, Ицках (Йитжак). Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944 гг.) (Иерусалим и Москва: Яд ва-Шем, 1991).

Гон, Максим, ред. Голокост на Рівненщині (Документи та матеріали) (Дніпропетровськ: Центральний Український фонд історії Голокосту, 2004).

Круглов, А. И., ред. Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах (Киев: Институт иудаики, 2002).

Круглов, Александр. Трагедия Бабьего Яра в немецких документах (Днепропетровск: Ткума, 2011).

Мартынова, О. Г. и др., ред. Ровенщина в роки Великої Вітчизняної війни Радянського Союзу, 1941–1945. Документи и материалы (Львів: Каменяр, 1989).

Милякова, Л. Б., ред. Книга погромов: Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны, 1918–1922 гг. Сборник документов (Москва: РОССПЭН, 2007).

Мусман, Хая (Чая). Город мой расстрелянный (Нью-Йорк: 1994).

Носкова, А. Ф., ред. НКВД и польское подполье, 1944–1945 (По особым папкам И.В. Сталина) (Москва, 1994).

Новак, Т.Ф. Пароль знают немногие (М.: Воениздат, 1966).

Романів О. М., Федуцак І. В., Західноукраїнська трагедія, 1941 (Львів: Наук. т-во ім. Т. Шевченка, 2002).

Сергійчук, Володимир. Погроми в Україні, 1914–1920: Від штучних стереотипів до гіркої правди, приховуваної в радянських архівах (Київ: О. Теліги, 1998).

Шморгун, Е. и др., ред. Рівненщина репресована, депортована, мордована, 1939–1941: матеріали громадських історико-правових слухань у Рівному 9 червня 1996 року (Рівне: видавництво «Азалія» Рівненської організації Спілки письменників України, 1997).

ЛИТЕРАТУРА

Abramson, Henry. Nachrichten aus Lemberg; lokale Elemente in der antisemitischen Ikonographie der NS-Propaganda in ukrainischer Sprache // Grenzenlose Vorurteile (Frankfurt am Main, 2002). P. 249–268.

Abramson, Henry. 'This is the Way it Was!' Textual and Iconographic Images of Jews in the Nazi-sponsored Ukrainian Press of Distrikt Galizien / Why Didn't the Press Shout? Journalism and the Holocaust, Robert Moses Shapiro, ed. (New York: Yeshiva University Press, 2003). P. 537–556.

Adler, Nanci. The Future of the Soviet Past Remains Unpredictable: The Resurrection of Stalinist Symbols Amidst the Exhumation of Mass Graves // Europe-Asia Studies. Vol. 57, No. 8 (December 2005). P. 1093–1119.

Aly, Gotz. Hitler's Beneficiaries: Plunder, Racial War, and the Nazi Welfare State (New York: Metropolitan Books, 2006).

Anderson, Truman. The Conduct of Reprisals by the German Army of Occupation in the Southern USSR, 1941–1943, Ph.D. Dissertation (University of Chicago, 1994).

Arad, Yitzhak. The Holocaust in the Soviet Union (Lincoln: University of Nebraska Press, 2009).

Arad, Yitzhak. Plunder of Jewish Property in the Nazi-Occupied Areas of the Soviet Union / David Silberklang ed., Yad Vashem Studies Vol. 29. (Jerusalem: Keter Publishing, 2001).

Arad, Yitzhak. Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps (Bloomington: Indiana University Press, 1987).

Arico, Massimo. Polizia d'ordine e genocidio ebraico. I crimini del battaglioni tedeschi do polizia giugno 1941/settembre 1942 (2010).

Bartov, Omer. Hitler's Army (New York: Oxford University Press, 1992).

Bartov, Omer. The Eastern Front, 1941-1945: German Troops and the Barbarisation of Warfare (London: Macmillan, 1985).

Bartov, Omer. Erased: Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-Day Ukraine (Princeton: Princeton University Press, 2007).

Benz, Wolfgang, ed. Dimension des Volkermords: Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus (Munich, 1991).

Berkhoff, Karel C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine Under Nazi Rule (Cambridge: Harvard University Press, 2004).

Berman, Khariton. "Do Not Forget Jewish Volyn!" // The Jewish Observer Vol. 16, No. 59 (August 2003).

Birn, Ruth Bettina. Collaboration with Nazi Germany in Eastern Europe: the Case of the Estonian Security Police // Contemporary European History. Vol. 10, Issue 2 (July 2001): 181-198.

Breitman, Richard. The Architect of Genocide: Himmler and the Final Solution (Waltham: Brandeis University Press, 1992).

Breitman, Richard. Himmler's Police Auxiliaries in the Occupied Soviet Territories // Simon Wiesenthal Center Annual. Vol. 7 (1990). P. 23-39.

Browning, Christopher R. Ordinary Men: Reserve Battalion 101 and the Final Solution in Poland (New York: Harper Perennial, 1993).

Browning, Christopher R. The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 — March 1942 (Lincoln: University of Nebraska Press, 2004).

Burakovskiy, A. Key Characteristics and Transformation of Jewish-Ukrainian Relations during the Period of Ukraine's Independence: 1991-2008 // Nationalism and Ethnic Politics. Vol. 15, No. 1 (2009). P. 109-132.

Burds, Jeffrey. Ethnic Conflict and Minority Refugee Flight from Post-Soviet Ukraine, 1991-2001 // The International Journal of Human Rights. Vol. 12, No. 5 (December 2008). P. 689-723.

Burds, Jeffrey. Ukraine: The Meaning of Persecution // Transitions Online (Prague), May 2, 2006.

Burleigh, Michael. Ethics and Extermination: Reflections on Nazi Genocide (New York: Cambridge University Press, 1997).

Butkevich, Nikolai. Racially Motivated Attacks on the Rise [на Украине] // Transitions on Line (May 20, 2007).

Butkevich, Nikolai. Jew-Hatred is on the Rise in the Land of Pogroms // Forward.com (October 19, 2009).

Cała, Alina. The Image of the Jew in Polish Folk Culture (Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University, 1995).

Christ, Michaela. Dynamik des Totens: Die Ermordung der Juden von Berditschew. Ukraine 1941-44 (Frankfurt am Main: Sischer Taschenbuch Verlag, 2011).

Crossland, Zoe. Of Clues and Signs: The Dead Body and Its Evidential Traces // American Anthropologist. Vol. 111, No. 1. P. 69-80.

Curilla, Wolfgang. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weisrusland 1941-1944 (Paderborn: Ferdinand Schoningh, 2006).

Dauber, Jeremy. Demons, Golems, and Dybbuks: Monsters of the Jewish Imagination (Nextbook, 2004).

Dean, Martin. Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941-44 (New York: St. Martin's Press, 1999).

Dean, Martin. Robbing the Jews: The Confiscation of Jewish Property in the Holocaust, 1933-1945 (Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2008).

Dean, Martin et al. eds. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933-1945, Volume II: Ghettos in German-Occupied Eastern Europe (Indiana University Press and USHMM, 2012).

Dempsey, Patrick. Babi-Yar: A Catastrophe (Measham: P. A. Draigh, 2005).

Desbois, Patrick. The Holocaust by Bullets A Priest's Journey to Uncover the Truth Behind the Murder of 1.5 Million Jews (New York: Palgrave Macmillan, 2009).

Dobroszycki, Lucjan. Reptile Journalism: The Official Polish-Language Press under the Nazis, 1939-1945 (New Haven: Yale University Press, 1994).

Engelking, Barbara. Jest taki piękny, słoneczny dzień: Losy Żydów szukających ratunku na wsi polskiej 1942-1945 (Warsaw: Stowarzyszenie Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2011).

Epstein, Helen. Children of the Holocaust: Conversations with Sons and Daughters of Survivors (New York: Penguin, 1988).

Fatal-Kna'ani, Tikva. Yehudeh Rovne, 1919-1945 [Ровенские евреи в 1919-1945 гг.: Жизнь и смерть общины] (Jerusalem: Yad Vashem, 2012).

Gerlach, Christian. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschaft- und Vernichtungspolitik in Weisrusland 1941 bis 1944 (Hamburger Edition; Auflage: Studienausgabe, 2007).

Gilbert, Martin. The Holocaust: A History of the Jews of Europe during the Second World War (New York: Macmillan, 1985).

Gordon, Avery F. Ghostly Matters: Haunting and the Sociological Imagination (University of Minnesota Press, 1997).

Grabowski, Jan. Ja tego Żyda znam: Szantazowanie Żydów w Warszawie, 1939-1943 (Warsaw: IfiS PAN, 2004).

Grabowski, Jan. Judenjagd. Poloanie na Żydów, 1942-1945 (Warsaw: Studium Dziejow Pewnego Powiatu, 2011); опубликовано на английском языке под названием: Hunt for the Jews: Betrayal and Murder in German-Occupied Poland (Bloomington: Indiana University Press, 2013).

Gross, Jan Tomasz. Golden Harvest: Events at the Periphery of the Holocaust (New York and London: Oxford University Press, 2012).

Gross, Jan Tomasz. Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland (Princeton: Princeton University Press, 2001).

Gross, Jan Tomasz. Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia (Princeton: Princeton University Press, 1988).

Haberer, Erich. The German Police and Genocide in Belorussia, 1941-1944 // Journal of Genocide Research. Vol. 3, No. 1. P. 13-29; No. 2 (2001). P. 207-218; No. 3. P. 391-403.

Headland, Ronald. Messages of Murder: A Study of the Reports of the Einsatzgruppen of the Security Police and the Security Service, 1941-1943 (Teaneck, New Jersey: Fairleigh Dickinson University Press, 1992).

Heer, Hannes. How Amorality Became Normality: Reflections on the Mentality of German Soldiers on the Eastern Front / Hannes Heer and Klaus Naumann, eds. War of Extermination: The German Military in World War II, 1941-1944 (New York: Bergahn Books, 2000).

Herzstein, Robert Edwin. Anti-Jewish Propaganda in the Orel Region of Great Russia, 1942-1943: The German Army and Its Russian Collaborators / Simon Wiesenthal Center Annual. Vol. 6 (1989). P. 33-55.

Hilberg, Raul. Destruction of the European Jews (Chicago: Quadrangle Books, 1960).

Himka, John-Paul. "Krakivski visti" and the Jews, 1943: A Contribution to the History of Ukrainian-Jewish Relations // Journal of Ukrainian Studies. Vol. 21, Nos. 1-2 (Summer-Winter 1996). P. 81-96.

Hirsch, Marianne and Leo Spitzer. Ghosts of Home: The Afterlife of Czernowitz in Jewish Memory (Los Angeles: University of California Press, 2010).

Hoffman, Eva. After Such Knowledge: Where Memory of the Holocaust Ends and History Begins (New York: PublicAffairs, 2004).

Hohne, Heinz. Der Orden unter dem Totenkopf: Die Geschichte der SS (Orbis, 2000).

Hryciuk, Grzegorz. "Gazeta Lwowska": 1941-1944 (Wroclaw: Uniwersytetu Wroclawskiego, 1992).

Huneke, Douglas K. The Moses of Rovno: The Stirring Story of Fritz Graebe, a German Christian Who Risked His Life to Lead Hundreds to Safety During the Holocaust (New York: Dodd Mead, 1985).

Katachanovskii, Ivan. The Politics of Soviet and Nazi Genocides in Orange Ukraine // Europe-Asia Studies. Vol. 62, No. 6 (August 2010). P. 973-997.

Klemp, Stefan. "Nicht ermittelt" Polizeibataillone und die Nachkriegsjustiz — Ein Handbuch (Gebundene Ausgabe) (Essen: Klartext-Verlagsges, 2005).

Klier, John D. The Pogrom Tradition in Eastern Europe / Tore Bjeorgo and Rob Witte, eds. Racist Violence in Europe (New York: St. Martin's Press, 1993).

Kołtunowski, Piotr. Strategia propagandy hitlerowskiej w Generalnym Gubernatorstwie na podstawie "Krakauer Zeitung" (1939-1945) (Lublin: Studium historyczno-filologiczne, 1990).

Koval, M. I. The Nazi Genocide of the Jews and the Ukrainian Population, 1941-1944 / Zvi Gitelman, ed. Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR (Bloomington: Indiana University Press, 1997).

Krausnick, Helmut and Hans-Heinrich Wilhelm, Die Truppe der Weltanschauungskrieg: Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und SD, 1938–1942 (Stuttgart, 1982).

Kruglov, Alexander [Aleksandr]. Jewish Losses in Ukraine / в Ray Brandon and Wendy Lower, eds. The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2008). P. 272–290.

Kudryashov, Sergei. The Hidden Dimension: Wartime Collaboration in the Soviet Union / John Erickson and David Dilks, eds. Barbarossa: The Axis and the Allies (Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994). P. 238–254.

Kudryashov, Sergei. Russian Collaboration with the Nazis and the Holocaust / Paper presented at the International Institute for Holocaust Research at Yad Vashem.

Kulczycki, John J. The National Identity of the ‘Natives’ of Poland’s ‘Recovered Lands // National Identities. Vol. 3, No. 3 (2001). P. 205–219.

Langer, Lawrence J. Preempting the Holocaust (New Haven: Yale University Press, 1999).

Liempt van, Ad. Hitler’s Bounty Hunters: The Betrayal of the Jews (Oxford: Berg Publishers, 2005).

Lower, Wendy. Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine (Raleigh: University of North Carolina Press, 2007).

McBride, Jared. ‘A Sea of Blood and Tears’: Ethnicity, Identity and Survival in Nazi Occupied Volhynia, Ukraine 1941–1944, диссертация, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, в 2014 году.

Machcewicz, Paweł and Krzysztof Persaka, eds. Wokół Jedwabnego (Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2002).

MacNair, Rachel. Psychological Reverberations for the Killers: Preliminary Historical Evidence for Perpetration-Induced Traumatic Stress // Journal of Genocide Research. Vol. 3, No. 2 (2001). P. 273–282.

Mallet, Audrey. Negotiating, Contesting and Constructing Jewish Space in Postwar Muranow (M.A. Thesis: Concordia University, 2011).

Mark, James. “What Remains? Anti-Communism, Forensic Archeology, and the Retelling of the National Past in Lithuania and Romania // Past & Present. Issue 206, Suppl. 5 (2010). P. 276–300.

Matthaus, Jürgen. Controlled Escalation: Himmler’s Men in the Summer of 1941 and the Holocaust in the Occupied Soviet Territories // Holocaust and Genocide Studies. Vol. 21, No. 2 (Fall 2007). P. 218–242.

Martin, Terry. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. Vol. 70, No. 4 (December 1998). P. 813–861.

Megargee, Geoffrey P. War of Annihilation: Combat and Genocide on the Eastern Front (New York: Rowman & Littlefield, 2007).

Miszczak, Marta. Opowieści o dawnym Goraju: Goraj. Żydzi we wspomnieniach mieszkańców // NOWa Gazeta Biłgorajska. No. 39 (2006).

Moskowitz, Moses. The Germans and the Jews: Postwar Report // Commentary. Vol. 1, No. 2 (July–December, 1946). P. 7–14.

Müller, Hans-Jurgen. The Brutalization of Warfare, Nazi Crimes, and the Wehrmacht / John Erickson and David Dilks, eds. *Barbarossa: The Axis and the Allies* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994). P. 229-237.

Müller-Hillebrand, V. *Das Heer. 1933-1945* (Frankfurt a/M, 1966).

Musial, Bogdan. *Kontrevolutionäre Elemente sind zu erschossen: die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges in Sommer 1941* (Berlin: Propylaen, 2000).

Paperno, Irina. *Exhuming the Bodies of Soviet Terror // Representations.* Vol. 75 (Summer 2001). P. 89-118.

Parrish, Michael. *The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939-1953* (Westport: Praeger, 1996).

Plavnieks, Richard. *Nazi Collaborators on Trial during the Cold War: The Cases against Viktors Arājs and the Latvian Auxiliary Security Police*, диссертация (University of North Carolina at Chapel Hill, 2013).

Pohl, Dieter. *Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine — A Research Agenda / Shared History-Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939-1941*, edited by Eleazar Barkan, Elizabeth A. Cole, and Kai Struve (Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2007). P. 305-313.

Pohl, Dieter. *Die Einsatzgruppe C / Peter Klein, ed., Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion, 1941/42: Die Tätigkeit und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD* (Berlin: Druckhaus Hentrich, 1997).

Pohl, Dieter. *The Murder of Ukraine's Jews under German Military Administration and in the Reich Commissariat Ukraine / Ray Brandon and Wendy Lower, eds. The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2008). P. 23-76.

Pohl, Dieter. *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941-1944. Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens* (München, 1996).

Pohl, Dieter. *Schauplatz Ukraine: Der Massenmord an den Juden im Militärverwaltungsgebiet und im Reichskommissariat 1941-1943 / Ausbeutung, Vernichtung, Öffentlichkeit. Studien zur nationalsozialistischen Verfolgungspolitik*, edited by Norbert Frei, Sybille Steinbacher, and Bernd C. Wagner (Munich: Saur, 2000). P. 135-173.

Prusin, Alexander Victor. 'Fascist Prisoners to the Gallows!': The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945-February 1946 // *Holocaust and Genocide Studies.* Vol. 17, No. 1 (Spring 2003). P. 1-30.

Quinkert, Babette. 'Hitler, der Befreier!' Zur psychologischen Kriegführung gegen die Zivilbevölkerung der besetzten sowjetischen Gebiete 1941-1944 // *Bulletin für Faschismus- und Weltkriegsforschung* (Heft 14, 2000). P. 57-83.

Redlich, Shimon. *The Jews in the Soviet Annexed Territories, 1939-1941,* *Soviet Jewish Affairs.* Vol. 1, No. 1 (June 1971). P. 81-90.

Reiber, Alfred J. *Civil Wars in the Soviet Union // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Vol. 4, No. 1 (Winter 2003).

Remnick, David. *The Spirit Level // The New Yorker* (November 8, 2004).

Rhodes, Richard. Masters of Death: The SS-Einsatzgruppen and the Invention of the Holocaust (New York: Vintage Books, 2003).

Reitlinger, Gerald. The Final Solution: The Attempt to Exterminate the Jews of Europe, 1939–1945 (New York: Beechurst Press, 1953).

Romer, Felix. Kameraden: Die Wehrmacht von innen (Munich: Piper, 2012).

Rudling, Per Anders. Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence, Ideology // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. Vol. XLVIII, Nos. 1-2 (March–June 2006). P. 1-39.

Sack, John. An Eye for an Eye: The Untold Story of Jewish Revenge against Germans in 1945 (New York: Basic Books, 1993, 1995).

Sandkuhler, Thomas. Endlosung in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsiniciativen von Berthold Beitz 1941-1944 (Bonn: Dietz Nachfolger, 1996).

Schama, Simon. Landscape and Memory (New York: Alfred A. Knopf, 1995).

Schloutz, Johannes and Quinkert, Babette, eds. Deutsche Propaganda in Weissrussland: 1941-1944; eine Konfrontation von Propaganda und Wirklichkeit; Ausstellung in Berlin und Minsk (Berlin: Free University, Fachbereich Politische Wiss., 1996).

Schorsch, Jonathan. Jewish Ghosts in Germany // Jewish Social Studies. Vol. 9 (Spring-Summer 2003). P. 139-169.

Shepherd, Ben. War in the Wild East: The German Army and Soviet Partisans (Cambridge: Harvard University Press, 2004).

Siemaszko, Władisław and Ewa Siemaszko. Ludobojstwo dokonane przez nacjonalistow ukraińskich na ludności polskiej Wołynia, в двух тт. (Warsaw: Borowiecky, 2008).

Singer, Isaac Bashevis. A Wedding in Brownsville (1964), Short Friday and Other Stories (New York: Fawcett Crest, 1961-1964). P. 238-245.

Snyder, Timothy. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin (New York: Basic Books, 2010).

Snyder, Timothy. The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing 1943 // Past & Present. No. 179 (May 2003). P. 197-234.

Snyder, Timothy. Holocaust: The Ignored Reality // New York Review of Books (July 16, 2009).

Snyder, Timothy. The Life and Death of Western Volhynian Jewry, 1921-1945 / Ray Brandon and Wendy Lower, eds. The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2008). P. 77-113.

Snyder, Timothy. The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing, 1943 // Past & Present. Vol. 178 (May 2003).

Sorokina, Marina. People and Procedures: Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 6, No. 4 (Fall 2005). P. 797-831.

Spargo, R. Clifton. The Ethics of Mourning: Grief and Responsibility in Elegiac Literature (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2004)

Spector, Shmuel. Aktion 1005: Effacing the Murder of Millions // *Holocaust and Genocide Studies* Vol. 5, No. 2 (1990). P. 157-173.

Spector, Shmuel. The Holocaust of the Volhynian Jews, 1941-1944 (Jerusalem: Yad Vashem, 1990).

Spector, Shmuel. The Jews of Volhynia and their Reaction to Extermination // *Yad Vashem Studies*. Vol. 15 (1983). P. 159-186.

Starman, Hannah. Generations of Trauma: Victimhood and the Perpetuation of Abuse in Holocaust Survivors // *History and Anthropology*. Vol. 17, No. 4 (December 2006).

Struve, Kai. Rites of Violence? The Pogroms of Summer 1941 // *Polin: Studies in Polish Jewry*. Vol. 24 (2012). P. 257-274.

Sword, Keith, ed. The Soviet Takeover of the Polish Eastern Provinces, 1939-41 (New York: St. Martin's Press, 1991).

Sydnor, Jr., Charles W. Soldiers of Destruction: The SS-Death's Head Division, 1933-1945 (Princeton: Princeton University Press, 1977-1990).

Tobias, Jim G. and Peter Zinke, *Judische Rache an NS-Tatern* (Hamburg: Konkret Literaturverlag, 2000).

Tokarska-Bakir, Joanna. *Legendy o krwi, antropologia przesądu* (Warsaw: WAB, 2008).

Tumarkin, Nina. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia (New York: Basic Books, 1995).

Tyaglyy, Mikhail I. The Role of Antisemitic Doctrine in German Propaganda in the Crimea, 1941-1944 // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 18, No. 3 (Winter 2004). P. 421-459.

Uziel, Daniel. Wehrmacht Propaganda Troops and the Jews // *Yad Vashem Studies*. Vol. 29 (2001). P. 28-63.

Verdery, Katharine. The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change (New York: Columbia University Press, 2000).

Webber, Alex. Wroclaw, Poland's Ghost Town // *The Guardian* (October 30, 2009).

Wedel, Hasso von. *Die Propagandatruppen der Deutschen Wehrmacht* (Neckargemund: Kurt Vowinckel Verlag, 1962).

Westermann, Edward B. Hitler's Police Battalions: Enforcing Racial War in the East (Lawrence: University of Kansas Press, 2005).

Wiehn, Erhard R. *Die Schoah von Babij Jar* (Konstanz: Hartung-Gorre, 1991).

Wisse, Ruth R. Poland's Jewish Ghosts // *Commentary*. Vol. 83, No. 1 (January 1987). P. 25-33.

Worobec, Christine. Death Ritual among Russian and Ukrainian Peasants: Linkages between the Living and the Dead / в *Letters from Heaven: Popular Religion in Russia and Ukraine*, edited by John-Paul Himka and Andriy Zayarnyuk (Toronto: University of Toronto, 2006). P. 13-45.

Zbikowski, Andrzej. Antysemityzm, szmalcownictwo, współpraca z Niemcami a stosunki polsko-żydowskie pod okupacją niemiecką / в *Polacy i Żydzi pod Okupacją niemiecką, 1939-1945: Studia i materiały* (Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2006). P. 429-535.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Альтман, Илья. Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941-1945 (Москва: Фонд «Ковчег», 2002).

Будник, Давид и др. Ничто не забыто: еврейские судьбы в Киеве, 1941-1943 (Konstanz: Hartung-Gotte, 1993).

Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего Рейха (Санкт-Петербург: изд. дом «Нева», 2003).

Гиль, Самуил [Самоил Гил]. Кровь их и сегодня говорит. О катастрофе и героизме евреев в городах и местечках Украины (М.: «Фонд Жаботинский», 2005).

Гон, Максим. Голокост у західній Волині // Бюлетень «Голокост і сучасність». Вып. 5 (сентябрь-октябрь 2002 г.); Вып. 6 (ноябрь-декабрь 2002 г.).

Гон, Максим. «Волынский узел»: Украинцы и поляки между двумя мировыми войнами // День. № 95, 100 (2004).

Янченков, Владимир. Пятая колонна. К началу нападения Германии на СССР // Труд, № 14 (25 июня 1999 г.).

Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. № 6 (2001).

Клименко Олег, Ткачов Сергій. Українці в поліції в рейхскомісаріаті «Україна» (Південна Волинь): Німецький окупаційний режим на Кременеччині у 1941-1944 рр. (Харків: Ранок-НТ, 2012).

Ковба, Жанна. Людяність у безодні пекла: поведінка місцевого населення Східної Галичини в роки «остаточного розв'язання єврейського питання», (Київ: Сфера, 1998).

Круглов, Александр. «Еврейская акция» в Каменец-Подольском в конце августа 1941 года в свете немецких документов // Голокост і сучасність: Студії в Україні і світі. Том 4. № 1 (2005).

Круглов, Александр. Уничтожение евреев в г. Ровно в начале 1941 года в свете немецких документов // Голокост і сучасність: Студії в Україні і світі. Том 11. № 1 (2012). С. 104-165.

Кудряшев, Сергей и *Любовь Кудрявцева.* «О всех подозрительных лицах сообщайте немедленно...» // Источник: Документы русской истории (1993). № 2. С. 89-93.

Курилишин, Костянтин и *Ярослав Р. Дашкевич.* Українське життя в умовах німецької окупації (1939-1944 рр.): за матеріалами україномовної легальної преси (Львів: Львівська національна наукова бібліотека імені В. Стефаника, 2010).

Левитас, Илья, ред. Память Бабьего Яра: Воспоминания, документы (Киев: Еврейский совет Украины, 2001).

Михальчук, Р. Ю. «Жовтень 1942-го: трагедія мізоцьких євреїв», <http://rghod.ucoz.ua/publ/1-1-0-3>.

Михальчук Р. Ю., Луценко М. Журнал «Український Хлібороб» та концепт «жидо-большевизму» на його сторінках у рівненський період видання

(січень — жовтень 1942 року) // Голокост і сучасність: Студії в Україні і світі. Т. 11. № 1 (2012). С. 34–77.

Михальчук, Р. Ю. Трагедія мізоцьких євреїв в контексті голокосту на Рівненщині. http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/slv/2011_11/st22.pdf.

Найман, А. Я. Юдофобия современных антиукраинских сил в Украине // «Еврейское наследие» (Москва). № 13 (1995).

Наконечный, Владислав. Евреи и украинский коллаборационизм // Корни. № 29 (январь-март 2006).

Наконечный, Владислав. Волынь — кровавое поле войны (Тернопіль: «Підручники і посібники», 2006).

Наконечный, Владислав. Холокост на Волини: Жертвы и память // Корни. № 36 (октябрь-декабрь 2007).

Огороков, А.В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны (Москва: Русский путь, 2007).

Романичев, Н.М. Сотрудничество с врагом / Кн. 4: Народ и война. Великая Отечественная война, 1941–1945. Военно-исторические очерки в четырех книгах (Москва: Наука, 1999). С. 153–167.

ПУБЛИКАЦИЯ НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА: BURDS J. HOLOCAUST IN ROVNO: THE MASSACRE AT SOSENKI FOREST, NOVEMBER 1941. PALGRAVE MACMILLAN, 2013.

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ДМИТРИЯ БЕЛЬКОВА.

¹ Часть I опубликована в «Журнале российских и восточноевропейских исторических исследований», 2017, №1(8). С. 69–110.

² Архив Службы безопасности Украины (СБУ). Ф. 13 ФП. Д. 74725 (5398) Аунапу, Эдмунд Густав. Основная рукописная расшифровка стенограммы допроса Аунапу находится на лл. 35–40, от 20 ноября 1946 г. 3 февраля 1944 г., возле Дубно, Аунапу был захвачен в плен Красной армией. Большое спасибо Джареду МакБрайду за предоставление данного материала.

³ Свидетельство Эдмунда Аунапу. Архив СБУ. Ф. 13 ФП. Д. 74725 (5398), Л. 36.

⁴ Там же. Лл. 36–37.

⁵ В 1946 году в Киеве сержант Борис фон Драхенфельс был приговорен к пятнадцати годам каторжных работ в Воркуте, в советском лагере для военнопленных на Дальнем Востоке. Круглов. Уничтожение евреев в г. Ровно. С. 113. Драхенфельс пережил лагерь и после войны возвратился в Германию. Его последнее опубликованное интервью состоялось в 2002 году.

⁶ На самом деле Драхенфельс был в составе не 320-го полицейского батальона, а так называемой Ostlandkompanie, которая являлась первой ротой 33-го полицейского батальона.

⁷ В то время как западногерманский прокурор в Дортмунде (Z) 45 Js 7/61 смог подтвердить имена 529 участников различных зверств немцев, они постановили, что, несмотря на высокую вероятность, доказательств участия Драхенфельса было недостаточно. AR-, Bundesarchiv Ludwigsburg, = ZStL II 204 AR-Z 48/58. Я признателен Дитеру Полю за эту информацию.

⁸ Мемориальный музей Холокоста США, RG-06.025, документы Центрального архива Федеральной службы безопасности (бывшего КГБ) Российской Федерации, касающиеся судов над во-

енными преступниками в Советском Союзе, 1939–1992, раздел *02 Киев, 1945–1946 (N-18762, том 11), документ 234, допрос Драхенфельса-Калюверы, В.Б. Б-Е-О от 10 декабря 1945 г. Данный отрывок цитируется в: *Alexander Victor Prusin*. 'Fascist Prisoners to the Gallows!': The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945 — February 1946 // *Holocaust and Genocide Studies* Vol. 17, No. 1 (Spring 2003). P. 1–30.

⁹ После своего возвращения в Германию, Драхенфельс стал знаменитостью в Западной Германии, где у него часто брали интервью о трудностях жизни в лагерях для военнопленных немецких солдат в Советском Союзе. См.: *Ihr verreckt hier bei ehrlicher Arbeit! Deutsche im Gulag 1936–1956* (Graz: Anthologie des Erinnerns, 2000); и фильм *Verurteilt im Kiewer Kriegsverbrecherprozess 1946* (Dokumentation von: Christine Blum — Minkel und Bengt von zur Mühlen). Я признателен Дитеру Полю за эту информацию.

¹⁰ *Новак*. Пароль знают немногие. С. 119.

¹¹ Свидетельство Роберта Томарцкиевича (Tomarczkiewicz), друга Вайхарта, подразделение снабжения, немецкая 100-я пехотная дивизия. ГАРФ, Ф. Р-7021, Оп. 148, Д. 43. Местонахождение фотографий ровенской резни неизвестно. В конце 1941 года, в Рождество, Томарцкиевич видел своего друга Вайхарта в Ровно. Я благодарен Джареду МакБрайду за предоставление этого документа.

О культуре насилия и поглощенности немцев коллекционированием ужасных фотографий на Восточном фронте см.: *Dieter Pohl*. *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens* (München, 1996); и Daniel Uziel, "Wehrmacht Propaganda Troops and the Jews", *Yad Vashem Studies* Vol. 29 (2001). S. 28–63.

¹² Цит. по: *Ernst Klee, Willi Dressen and Volker Riess*, eds. "The Good Old Days" The Holocaust as Seen by Its Perpetrators and Bystanders (New York: Konecky and Konecky, 1991). С. 62. [Statement of Kiebach 1.11.63: 204 AR-Z 269/60, p. 1431 f.]; и *Круглов*, ред. Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины; *Spector*. *Holocaust of the Volhynian Jews*. С. 114, добавляет: «Рвы были заранее вырыты русскими военнопленными на месте казни, расположенном в сосновом лесу. Возле рвов чиновники ровенского Gebietskommissariat деловито регистрировали имена жертв, собирали и инвентаризировали их документы и ценные вещи. Члены подразделения SD Kommando из Ровно, которые сформировали отделение Einsatzkommando 5С несколькими днями ранее, были главными преступниками. Их подразделение насчитывало от 80 до 100 человек». Ср: *Christopher R. Browning*. *Ordinary Men: Reserve Battalion 101 and the Final Solution in Poland* (New York: Harper Perennial, 1993). P. 64–67; и *Pohl*. "Die Einsatzgruppe C". P. 76–77.

Освальд Руфайзен отмечал, что многие немецкие полицейские воспринимали убийство евреев как «грязную работу», в которой, по мере возможности, позволялось не принимать участия. См.: *Rein*. "Local Collaboration,". С. 393.

¹³ Цит. по: *Александр Круглов*, «Уничтожение евреев в г. Ровно в начале 1941 года в свете немецких документов», Голокост і сучасність: Студії в Україні і світі, Том 11, No. 1 (2012). С. 164–165. Также Бергман был охранником в лагере для военнопленных в Ровно. В 1959 году в Восточной Германии он был казнен за военные преступления. *Круглов*, «Уничтожение евреев в г. Ровно». С. 113.

¹⁴ Это авторская интерпретация преобразования Латвийской Республики в Латвийскую ССР и ее включения в состав Союза ССР в августе 1940 г. (*прим. ред.*).

¹⁵ **33-й (резервный) полицейский батальон** (нем. Reserve Polizei Bataillon 33) не был, собственно, латышским или эстонским полицейским батальоном — при том, что изначально форми-

ровался в основном из числа фольксдойче, репатриированных в 1939–1941 гг. из Эстонии и Латвии в рейх и на оккупированные территории Польши, а также латышских и эстонских добровольцев. Некоторые из этих фольксдойче также имели эстонские или латышские корни, но считались немцами. Батальон из жителей Прибалтики был сформирован в июле–августе 1941 г. в г. Штансдорф и Франкфурте–на Одере, состоял из трех рот: 1-я рота формировалась из фольксдойче и латышей, 2-я и 3-я роты — из эстонцев и эстоноземельцев. Изначально носил наименование **полицейский батальон «Остланд»** (нем. Polizei Bataillon “Ostland”), в октябре 1941 г. был переименован в 33-й резервный полицейский батальон. Предназначался для борьбы с партизанами и участия в нацистской истребительной политике на Востоке. Помимо Ровенской трагедии 1941 г., батальон был задействован в карательных акциях и массовых расстрелах евреев на Украине и в Белоруссии (в частности, в Минске и окрестностях Слонима), а отдельная его часть — также в ликвидации Рижского гетто. С 31 марта 1943 г. личный состав батальона был приписан к Эстонскому легиону СС.

33-й (резервный) полицейский батальон из-за совпадающего номера нередко путают с **33-м эстонским охранным батальоном** (нем. Schutzmannschaft Front/Wacht Bataillon 33 (estnische), сформированным в 1942 г. в двух составах (Front и Wacht), как правило, из этнических эстонцев-добровольцев. С декабря 1943 г. последний был переименован в **33-й эстонский полицейский батальон** (нем. Estnische Polizei Batallion 33), что лишь усиливает путаницу в современных научных публикациях (*прим. ред.*).

- ¹⁶ Свидетельство Курта Кадика, солдата 33-го запасного полицейского батальона. Bundesarchiv В 162/2896, Bl. 3414–3419. Спасибо Мартину Беклеру за предоставление данных материалов и Джареду Макбрайду за помощь в сборе полной коллекции ровенских документов из Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung nationalsozialistischer Verbrechen (ZStL) в Людвигсбурге (Германия).
- ¹⁷ Цит. по: *Найман А. Я.* Юдофобия современных антиукраинских сил в Украине // «Еврейское наследие» (Москва). № 13, 1995. Данное превалирование украинских преступников в Бабьем Яре являлось поводом для гордости ровенского политического руководителя, заместителя городского совета Ровно, В. Шкуратюка. Напротив, историк Дитер Поль настаивает, что в Бабьем Яре предположительно были десятки украинских стрелков и что основной контингент преступников был в составе немецкого подразделения Sonderkommando 4a.
- ¹⁸ О последующих приказах см.: *Browning*. Ordinary Men.
- ¹⁹ *Spector*. Holocaust of the Volhynian Jews, 114. Свидетельство Батии Залуски, NCD IP Дело 0162.c
- ²⁰ *Richard Breitman*. The Architect of Genocide: Himmler and the Final Solution (Waltham: Brandeis University Press, 1992): 52–53.
- ²¹ Анонимный отчет бывшего агента Украинского отдела, Краков, Польша, без даты. “The Organization and Working System of the Abwehr III in G[eneral] G[ouvernement]”, NARA, RG263 [NND36821], CIA Subject Files, Box 3, German Intelligence Service (Abwehr), Vol. 4: 1–10. Цитата находится на 3-й странице отчета.
- ²² ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 67. Д. 75.
- ²³ NARA, RG263 [NND36821], CIA Subject Files, Box 3, German Intelligence Service (Abwehr), Vol. 4: 3.
- ²⁴ *Rein*. Local Collaboration. P. 395.
- ²⁵ Цит. по: *Rein*. Local Collaboration. P. 396. О захвате еврейской собственности см.: *Martin Dean*. Jewish Property Seized in the Occupied Soviet Union in 1941 and 1942: The Records of the Reichshauptkasse Beutestelle // Holocaust and Genocide Studies Vol. 14, No. 1 (2000); *Martin Dean*. Robbing the Jews: The Confiscation of Jewish Property in the Holocaust, 1933–1945 (New York: Cambridge University Press, 2008); *Dieter Pohl*, The Robbery of Jewish Property in Eastern Europe

- under German Occupation, 1939-1942, в *Martin Dean. Constantin Goschler and Philipp Ther*, eds. *Robbery and Restitution: The Conflict over Jewish Property in Europe* (New York: Bergahn Books, 2007). P. 68-80; и *Gerard Aalders. Nazi Looting: The Plunder of Dutch Jewry during the Second World War* (New York: Berg Publishers, 2004).
- ²⁶ *Nahum Kohn and Howard Roiter. A Voice from the Forest: Memoirs of a Jewish Partisan* (New York: Holocaust Library, 1980). P. 147.
- ²⁷ *Kohn and Roiter. A Voice from the Forest*, 147-148. Кон работал связным между советским шпионом Николаем Кузнецовым (он же лейтенант Абвера Пауль Зиберт) и Москвой. О культуре насилия и гордости злоупотреблениями в отношении евреев среди членов администрации Рейха в округе Галиция см.: ужасающие описания в *Dieter Pohl. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941-1944*.
- ²⁸ Вычеркнуто в оригинале: «этнический украинец, который впоследствии стал *Volksdeutsche*».
- ²⁹ Ссылка уместна. Согласно греческой мифологии, Нерон был демоном из ада, собирателем душ, который не мог противиться хорошей сделке. Современным аналогом стал Мефистофель: демон, который разлагает добродетель сделками в обмен на душу. «666» — математический эквивалент имени «Нерон».
- ³⁰ Местные полицейские-коллаборационисты собирали золотые часы в качестве свидетельства своего богатства и статуса. См. свидетельство из Ровно советского партизана Наума Кона: *Kohn and Roiter. A Voice from the Forest*. P. 147-149.
- ³¹ Из рукописного показания под присягой Юрека Новаковски, датированного 6 декабря 1944 года, хранящегося в ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 71. Д. 40. Лл. 52-53. Личности Дацюка и Маевского были также установлены в книге Самуила Гиля, наряду с остальными: Gebietskommissar Веир [Беер?], следователь Гестапо Хольц Майнц, украинские полицейские Нестерчук, Зубков, Кравчук, Маевский, Дацюк и тюремные охранники Кушнерук, Никитюк, Федотов, Коваленко и Кривой Кондрат. *Самуил Гиль. Кровь их и сегодня говорит*. С. 163-165.
- ³² Подробности биографии Дацюка были подтверждены в основном списке отличившихся жестокостью преступников в период немецкой оккупации Ровенской области, хранящемся в ГАРФ. Р-7021. Оп. 127. Д. 168. Лл. 1-56. В документе перечисляются 282 имени с краткими биографиями и перекрестными ссылками на показания свидетелей. Опись содержит сравнительные списки преступников по каждой оккупированной немцами области. Я благодарен Джареду МакБрайду за предоставление этого документа.
- ³³ *Lidia Eichenholz. Survivor's Tale* (New York: iUniverse, 2004). P. 18. «Бригада Петлюры» была названа в честь Симона Петлюры, печально известного украинского офицера-националиста, войска которого совершали погромы украинских евреев во время и после Первой мировой войны. В 1926 г. Петлюра был убит в Париже Шоломом Шварцбардом, мужем и отцом одной из его многих жертв-евреев.
- ³⁴ Так у автора (*прим. переводчика*).
- ³⁵ Державний архів Львівської області (далее, ДАЛО). Ф. Р-12: Команда української поліції у Львові. Оп. 1, Д. 4. Лл. 1-111. [Цитаты с Л. 28].
- ³⁶ *Yitzhak Arad. Plunder of Jewish Property in Nazi-Occupied Areas of the Soviet Union // Yad Vashem Studies Vol. 29* (2001).
- ³⁷ Свидетельство полячки Эмили Раблински (род. в 1898 г.). ДАРО, Ф. Р-30, Оп. 2, д. 83, Л. 96.
- ³⁸ *Kohn and Roiter. A Voice from the Forest*. P. 57.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ YIVO Исследовательский институт идиша (далее YIVO), RG1258. The Papers of Philip Friedman, Box 49, File 869, *Klara Z. Szwarcow Kramer, W. Ukryciu: Dziennik z okresu okupacji hitlerowskiej w*

Zolkwi, машинописный текст на польском языке, на 142 страницах, даты записей с лета 1942 г. по 26 июля 1944 г. Информация о вознаграждениях за евреев находится на стр. 43. Из восьми тысяч евреев в Золочеве Клара Шварцов была одной из всего лишь пятидесяти, выживших в начале войны. Она выжила, прячась в подземном бункере семьи Бек (*Volksdeutsche*), которая укрывала восемнадцать евреев до освобождения Красной армией. См. *Clara Kramer and Stephen Glantz. Clara's War: One Girl's Story of Survival* (New York: ECCO, 2010).

- ⁴¹ Landau Ozjasz "Ghetto we Lwowie — Papiery aryjskie," YIVO, RG1258, RG215 Berlin collection, File 853.
- ⁴² Landau Ozjasz "Ghetto we Lwowie — Papiery aryjskie," YIVO, RG1258, RG215 Berlin collection, File 853.
- ⁴³ *Hilberg. The Destruction of European Jews*, 218. Сравните с: *Rachel MacNair. Psychological Reverberations for the Killers: Preliminary Historical Evidence of Perpetration-Induced Traumatic Stress // Journal of Genocide Research. Vol. 3, No. 2 (2001). P. 275.*
- ⁴⁴ *MacNair. Psychological Reverberations for the Killers. P. 276.*
- ⁴⁵ *R. Hoess. Commandant of Auschwitz: The Autobiography of Rudolf Hoess* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1959). P. 163; *MacNair. Psychological Reverberations for the Killers. P. 275.*
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 67. Д. 77. Л. 43.
- ⁴⁷ *Rein. Local Collaboration. P. 393.*
- ⁴⁸ *Jürgen Matthäus. Controlled Escalation: Himmler's Men in the Summer of 1941 and the Holocaust in the Occupied Soviet Territories // Holocaust and Genocide Studies Vol. 21, No. 2 (Fall 2007). P. 229.*
- ⁴⁹ Цит. по: *Matthäus. "Controlled Escalation". С. 229.*
- ⁵⁰ *Новак. Пароль знают немногие. С. 119.*
- ⁵¹ Здесь проф. Ежи Новаковски добавляет, что в итоге Кристина добралась до квартиры своего дяди, где она оставалась первое время. У дяди Кристины было действующее удостоверение о работе, и поэтому ему было разрешено остаться в Ровно.
- ⁵² *Мусман. Город мой расстрелянный. С. 74-77.*
- ⁵³ Интервью с проф. Ежи Новаковски Порт Вашингтон, Нью-Йорк, 28 марта 2013 г.
- ⁵⁴ *Abraham Lydovski. "Here Is Buried Jewish Rovno", перевод с идиша Наоми Галь, в: Rowne; sefer zikaron, 560-563.*
- ⁵⁵ Свидетельство Авраама Киршнера. ŻIH 301/1190, Сс. 7-8.
- ⁵⁶ Свидетельство Авраама Киршнера. ŻIH 301/1190, Сс. 8-9. Барбара Барац и ее дочь также вспоминали, как одежду мертвых евреев перевозили в Большую синагогу. *Varas. Escape from Destiny. P. 20.*
- ⁵⁷ Инженер *Moshe Gildenman. "The Attitude of the Non-Jewish Population Toward the Jews", перевод с идиша Наоми Галь, в Rowne; Sefer Zikaron. P. 518.* Гильденман добавлял, что этнические белорусы вели себя так же плохо, как и украинцы, но этнические поляки, которые также подверглись нападкам со стороны немцев и украинцев, были «цивилизованными» в отношении евреев в Ровно в 1941 году. Гильденман вспоминал, что этнические чехи также были очень благосклонно настроены по отношению к евреям. О политической экономике геноцида см.: *Ad van Liempt. Hitler's Bounty Hunters: The Betrayal of the Jews* (Oxford: Berg Publishers, 2005); *Gotz Aly, Hitler's Beneficiaries: Plunder, Racial War, and the Nazi Welfare State* (New York: Metropolitan Books, 2006). P. 110-117, где автор предоставляет полную переведенную копию оригинального доклада: «Доклад А об условиях в Украине на основании экспертизы частной корреспонденции между Рейхом и Украиной немецких организаций и их сотрудников, находящихся в компетенции Рейха, проведенной «Немецкой служебной почтой» Украины», сделанного на

основании изучения немецким почтовым цензором тысяч писем немцев, назначенных на службу или работу в Украине.

- ⁵⁸ *Bluma Doitch (Guz)*. Notes of the Bloody Affair, перевод с идиша Наоми Галь, в: Rowne; Sefer Zikaron. P. 529-540.
- ⁵⁹ ДА РО, Ф. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Лл. 90-91.
- ⁶⁰ Свидетельство Аделы и Инды Либерман, ЖІН 301/872, Сс. 7-8.
- ⁶¹ *Nowakowski*. Family Memoirs. P. 9, 12-15.
- ⁶² Там же. С. 15.
- ⁶³ Там же. С. 9.
- ⁶⁴ Там же. С. 16.
- ⁶⁵ Там же. С. 9.
- ⁶⁶ Там же. С. 3, 15. Об украинских националистических этнических чистках в Волини с 1943 года, см.: *Timothy Snyder*. The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing 1943 // Past & Present No. 179 (May 2003). P. 197-234.
- ⁶⁷ *Nowakowski*. Family Memoirs. P. 10-11. В соответствии с декретом И. Сталина от 9 ноября 1944 года, все этнические поляки были обязаны покинуть Украину, в то время как этнические украинцы были депортированы из Польши в Украину. Согласно документам архива Чрезвычайной государственной комиссии в Ровно, Юрек и Кристина Новаковски покинули Украину 5 мая 1945 г. ДА РО, Ф. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Л. 87.
- ⁶⁸ Свидетельство Авраама Киршнера. ЖІН 301/1190, Сс. 9-10.
- ⁶⁹ *Browning*. Origins of the Final Solution. P. 293.
- ⁷⁰ Для лучшего понимания названия мест были отредактированы. *Hermann Graebe*. The Trial of German Major War Criminals Sitting at Nuremberg, Germany, December 17, 1945 to January 4, 1946. Twenty-Fifth Day: Wednesday, January 2, 1946, Part 1, 201-202. О том, как Гребе отважно старался спасти евреев, см.: *Douglas K. Huneke*. The Moses of Rovno: The Stirring Story of Fritz Graebe, a German Christian Who Risked His Life to Lead Hundreds to Safety During the Holocaust (New York: Dodd Mead, 1985).
- ⁷¹ *Varas*. Escape from Destiny. P. 35.
- ⁷² Свидетельство Аделы и Инды Либерман, ЖІН 301/872, С. 3.
- ⁷³ ДА РО, Р-30, Оп. 2, Д. 83, Лл. 19-27.
- ⁷⁴ Свидетельство 46-летней еврейки Брюхи Сапожник. ДАРО. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Л. 22.
- ⁷⁵ ДА РО, Р-30, Оп. 2, Д. 83, Лл. 10-11, 13, 14-15.
- ⁷⁶ Там же. Л. 15.
- ⁷⁷ Там же. Л. 10-11. 60-летний украинский крестьянин Емельян Грицюк также был в составе группы местных жителей, которая должна была хоронить мертвых. Грицюк подтвердил подробности, описанные Морозиком. Лл. 12-13. Племянница Морозика, Елена Морозик, жившая приблизительно в двухстах метрах от места казни, также подтвердила ключевые подробности. Л. 13.
- ⁷⁸ ДАРО. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Лл. 14-15.
- ⁷⁹ ДАРО. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Л. 14.
- ⁸⁰ ДАРО. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Л. 15.
- ⁸¹ Свидетельство местного директора фермы, 51-летнего этнического украинца Кондрата Дмитрука. ДАРО. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Л. 42. Данное свидетельство подтверждается многочисленными местными жителями в Здолбунове и селе Старомыльск, где в овраге находилось место проведения массовой казни. См., в особенности, свидетельство 30-летнего Бронеслава Латышкевича: ДАРО. Р-30, Оп. 2, Д. 83, Лл. 44-45.

- ⁸² *Isaac Bashevis Singer. A Wedding in Brownsville (1964) Short Friday and Other Stories (New York: Fawcett Crest, 1961-1964). P. 238-245.*
- ⁸³ В конечном итоге Оксман нашел одного еврея, Леибля Гальперина, история которого была пересказана выше во второй главе. *Meir Aukshmen [Meir Oxsmen]. The Survivor from a Mass Grave. Rowne: sefer zikaron. P. 544-545.* Перевод с иврита Шона Кирнана и Ханны Шварц. О мести Советов на Восточном фронте см.: *Jeffrey Burds. Sexual Violence in Europe in World War II, опубликована в специальном выпуске "Sexual Violence during War" в Politics and Society. Vol. 37, No. 1 (March 2009). P. 47-55.*
- ⁸⁴ *Meir Rozenboym. What I Saw with My Own Eyes. Rowne; sefer zikaron. P. 526-529.*
- ⁸⁵ Интервью с проф. Ежи Новаковски, Порт-Вашингтон, Нью-Йорк, 28 марта 2013 года. У сына выживших в Холокосте, журналиста Дэвида Ли Престона, был такой же опыт, когда в 1992 году он со своей женой Ронди посетил Турку, родной город своей матери. *David Lee Preston. "Speaking for the Ghosts," The Philadelphia Inquirer Magazine (May 14, 1995).*
- ⁸⁶ Из личной переписки проф. Ежи Новаковски с автором, датировано 17 апреля 2013 года. Проф. Новаковски называл еврейское кладбище в Цюрихе «Шутценрайн».
- ⁸⁷ *R. Clifton Spargo. The Ethics of Mourning: Grief and Responsibility in Elegiac Literature (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2004). P. 227.*
- ⁸⁸ Данная тема сокрытого прошлого, которое находится под самой поверхностью современной украинской жизни, была исследована Омером Бартовым в *Erased: Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-Day Ukraine (Princeton: Princeton University Press, 2007).*
- ⁸⁹ О криминалистике как о политически оспариваемой территории в постсоветской Украине и Советском Союзе см.: *Ivan Katchanovski. The Politics of Soviet and Nazi Genocides in Orange Ukraine // Europe-Asia Studies Vol. 62, No. 6 (August 2010). P. 973-997; Nanci Adler. The Future of the Soviet Past Remains Unpredictable: The Resurrection of Stalinist Symbols Amidst the Exhumation of Mass Graves // Europe-Asia Studies Vol. 57, No. 8 (December 2005). P. 1093-1119; Irina Paperno. Exhuming the Bodies of Soviet Terror // Representations Vol. 75 (Summer 2001): 89-118. Сравните с *James Mark. What Remains? Anti-Communism, Forensic Archeology, and the Retelling of the National Past in Lithuania and Romania // Past & Present No. 206, Suppl. 5 (2010). P. 276-300; Zoe Crossland. Of Clues and Signs: The Dead Body and Its Evidential Traces // American Anthropologist. Vol. 111, No. 1. P. 69-80. О более глубоком значении вскапывания могил в посткоммунистической Восточной Европе см.: Katharine Verdery. The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change (New York: Columbia University Press, 2000).**
- ⁹⁰ Показание под присягой этнической украинки Екатерины Бродановой, родившейся в 1898 году в Черниговской области. Во время войны она работала в поселке Нивки под Киевом. ГАРФ. Р-7021. Оп. 65. Д. 521. Л. 39.
- ⁹¹ *Jeremy Dauber. "Demons, Golems, and Dybbuks: Monsters of the Jewish Imagination (Nextbook, 2004), по адресу: <http://www.programminglibrarian.org/assets/files/ltai/demons-golems.pdf>.*
- ⁹² *Alina Cata. The Image of the Jew in Polish Folk Culture (Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University, 1995): 133.*
- ⁹³ *Avery F. Gordon. Ghostly Matters: Haunting and the Sociological Imagination (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997). P. 8. Цит. по: Jonathan Schorsch. Jewish Ghosts in Germany // Jewish Social Studies Vol. 9 (Spring-Summer 2003). P. 139-169.*
- ⁹⁴ Цит. по: *Audrey Mallet. "Negotiating, Contesting and Constructing Jewish Space in Postwar Murańow", М.А. Thesis: Concordia University, 2011, 84. Старый еврейский квартал Варшавы, населенный призраками, является местом действия пьесы «Murańow» Сильвии Чутник, предположительно, основанной на реальных событиях. В 2012 году она была впервые поставлена*

на подмостках Teatr Dramatyczny в Варшаве. Также существуют художественные произведения, такие как *Noc żywych Żydów* [Ночь живых евреев], автор: Igor Ostachowicz. В этом спин-оффе «Ночи живых мертвецов» главный герой живет в старом квартале района Муранов, воздвигнутого на руинах варшавского гетто. В подвале есть тайный проход в потусторонний мир, населенный евреями-зомби, все из которых — жертвы Холокоста. Один польский критик назвал книгу «хорошо написанным, интеллектуальным и чрезвычайно извращенным романом».

⁹⁵ Mallet. "Negotiating, Contesting and Constructing Jewish Space in Postwar Muranow", 11-12.

⁹⁶ Там же, 79–84.

⁹⁷ Там же, 79.

⁹⁸ Там же, 81.

⁹⁹ Alex Webber. "Wroclaw, Poland's Ghost Town," The Guardian October 30, 2009.

¹⁰⁰ Я благодарю Наталию Кононенко за описания явлений призраков в Одессе и Харькове. И отдельное особое Кристине Воробец, которая любезно разместила мой запрос на дискуссионной площадке SEEFA, ассоциации славянского и восточноевропейского фольклора. О явлениях призраков евреев в польском фольклоре см.: *Calá. The Image of the Jew in Polish Folk Culture*, в особенности с. 132-135. Я благодарю Ларису Фиалкову из университета Хайфы (Израиль).

¹⁰¹ Marta Mischczak. Opowieści o dawnym Goraju: Goraj. Żydzi we wspomnieniach mieszkańców // NOWa Gazeta Biłgorajska No. 39 (2006).

¹⁰² *Malgorzata Mačkowiak*. Opuszczony dom w Izbicy // ONET: Strefa Tajemnic 16 апреля 2012 года. Точки зрения местных различаются: в то время как большинство полагает, что призраки евреев преследуют заброшенный дом, другие утверждают, что на том месте мать убила двух своих детей.

¹⁰³ Gordon. Ghostly Matters. P. 139; Schorsch, Jewish Ghosts. P. 139-140.

¹⁰⁴ Ruth R. Wisse. Poland's Jewish Ghosts // Commentary. Vol. 83, No. 1 (January 1987). P. 33; Schorsch. Jewish Ghosts. P. 139-140.

¹⁰⁵ Schorsch. Jewish Ghosts. P. 140. Он цитировал Гордона, Ghostly Matters. P. 24.

¹⁰⁶ Шимон Сребник был свидетелем обвинения в: The Trial of Adolph Eichman, Session 66, Part 3 (June 6, 1961).

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-702. Оп. 71. Д. 40. Л. 12.

¹⁰⁸ О мести евреев за военные преступления см. противоречивую книгу автора: *John Sack*. An Eye for an Eye: The Untold Story of Jewish Revenge against Germans in 1945 (New York: Basic Books, 1993, 1995); *Jim G. Tobias and Peter Zinke*. Judische Rache an NS-Tatern (Hamburg: Konkret Literaturverlag, 2000).

¹⁰⁹ *Meir Auksmen [Meir Oxsmán]*. "The Survivor from a Mass Grave", Rowne; sefer zikaron. P. 545.

¹¹⁰ *Lawrence L. Langer*. Preempting the Holocaust (New Haven: Yale University Press, 1999): 2-3.

¹¹¹ *Amos Oz*. A Tale of Love and Darkness: A Memoir (Harvest Books, 2005); и чуткий обзор от: *David Remnick*. The Spirit Level // The New Yorker, November 8, 2004.

¹¹² *David Lee Preston*. A Bird in the Wind // The Philadelphia Inquirer Magazine (May 8, 1983); *David Lee Preston*. Journey to My Father's Holocaust // The Philadelphia Inquirer Magazine (April 21, 1985). Существует большое количество литературы об общей травме потомков выживших в Холокосте людей. Из огромного литературного массива см. лучшее: *Hannah Starman*. Generations of Trauma: Victimhood and the Perpetuation of Abuse in Holocaust Survivors // History and Anthropology Vol. 17, No. 4 (December 2006); *Naomi Berger and Alan J. Berger*. Second Generation Voices: Reflections by Children of Holocaust Survivors and Perpetrators (Syracuse: Syracuse University

- Press, 2001); *Helen Epstein*. Children of the Holocaust: Conversations with Sons and Daughters of Survivors (New York: Penguin Books, 1988); *Aaron Hass*. In the Shadow of the Holocaust: The Second Generation (New York: Cambridge University Press, 1996).
- ¹¹³ *Menachem Z. Rosensaft*. Living with Ghosts of the Holocaust // The Washington Post (August 4, 2010).
- ¹¹⁴ Цит. по: *MacNair*. Psychological Reverberations for the Killers. P. 276; *Robert Jay Lifton*. The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide (New York: Basic Books, 1986). P. 159.
- ¹¹⁵ *Richard Breitman*. Analysis of the Name File of Guido Zimmer. NARA, Record Group. P. 263: Records of the Central Intelligence Agency, <http://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-263-cia-records/rg-263-zimmer.html>.
- ¹¹⁶ *Michael Salter*. Nazi War Crimes, US Intelligence and Selective Prosecution at Nuremberg (New York: Routledge, 2007). P. 86-87, 334; *Jochen von Lang* and *C. Sibyll*. Der Adjutant, Karl Wolff: Der Mann zwischen Hitler und Himmler (Frankfurt/M: Ullstein, 1989).
- ¹¹⁷ *Андрей Вознесенский*. Ров: духовный процесс // Юность (1986), N. 7. Перевод и аналитическая информация Нины Тумаркин (Nina Tumarkin), The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia (New York: Basic Books, 1995). P. 158-161; и The New York Times, October 20, 1986, С. А1.
- ¹¹⁸ Свидетельство Авраама Киршнера. ŻIH 301/1190, с. 7-8.
- ¹¹⁹ *Siemaszko*. Ludobojstwo dokonane przez nacjonalistow ukraińskich na ludności polskiej Wołynia, I. P. 723.
- ¹²⁰ *Khariton Berman*. "Do Not Forget Jewish Volyn!" The Jewish Observer. Vol. 16, No. 59 (August 2003).
- ¹²¹ Авторы отмечали, что в том месте в период с 1991 по 2013 год неоднократно происходили набеги на братские могилы евреев и поджоги мемориала. Например: Золотоискатели выкапывают тела расстрелянных евреев // Ровенская газета № 409 (13 ноября 2006 г.); 65-я годовщина второго Бабьего Яра: «черные археологи» и кемпинг на могилах // Новости (7 ноября 2006 г.); Еврейская община Ровно обеспокоена раскопками вандалов на месте массовых расстрелов евреев, <http://www.jewish.ru/news/cis/2006/11/news9942418373.php>; Vandals desecrate Holocaust memorial in Ukrainian Jewish cemetery // World Jewish Congress (June 8, 2012) http://www.worldjewishcongress.org/en/news/11908/vandals_desecrate_holocaust_memorial_in_ukrainian_jewish_cemetery; В Ровно вандалы осквернили место массового расстрела евреев (7 июня 2012 г.) <http://mignews.com.ua/ru/articles/111677.html>.
- ¹²² *Cała*. The Image of the Jew in Polish Folk Culture, 132-135. О том, как поляки раскапывали братские могилы убитых евреев в поисках золота и драгоценных камней, см.: *Jan Tomasz Gross* with *Irena Grudzińska Gross*. Golden Harvest: Events at the Periphery of the Holocaust (New York and London: Oxford University Press, 2012). См. на стр. 20-41 обсуждение осквернения трупов евреев в целях наживы неевреями, жившими возле Треблинки, Белжеца и других лагерей смерти.
- ¹²³ Цит. по: *Cała*. The Image of the Jew in Polish Folk Culture. P. 124.
- ¹²⁴ Цит. по: *Gross*. Golden Harvest, 108.
- ¹²⁵ *Moses Moskowitz*. The Germans and the Jews: Postwar Report // Commentary. Vol. 1, No. 2 (1946). P. 12. Цит. по: *Schorsch*. Jewish Ghosts. P. 139-140.
- ¹²⁶ Выделено нами (*прим. ред.*).
- ¹²⁷ Об антисемитской культуре и массовом отъезде евреев с Украины с 1990 года, см.: *Jeffrey Burds*. Ethnic Conflict and Minority Refugee Flight from Post-Soviet Ukraine, 1991-2001 // The International Journal of Human Rights. Vol. 12, No. 5 (December 2008). P. 689-723; *Jeffrey Burds*. Ukraine: The Meaning of Persecution // Transitions Online (Prague), May 2, 2006; *Per Anders Rudling*. Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence, Ideology // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes. Vol. XLVIII, No. 1-2 (March-June 2006). P. 1-39;

A. Burakovskiy. Key Characteristics and Transformation of Jewish-Ukrainian Relations during the Period of Ukraine's Independence: 1991-2008 // Nationalism and Ethnic Politics. Vol. 15, No. 1 (2009). P. 109-132; Nikolai Butkevich. Racially Motivated Attacks on the Rise [in Ukraine] // Transitions on Line (May 20, 2007); Nikolai Butkevich. Jew-Hatred is on the Rise in the Land of Pogroms // Forward.com (October 19, 2009); и документальный фильм 2008 года, «Zhydy» (евреи на Украине).

¹²⁸ *Bartov. Erased. P. 9.*

~~~~~
**ДЖЕФФРИ БУРДС — Ph.D., ассоциированный профессор истории,
Северо-восточный университет. США.**